



РАММ

*mundum  
cognoscendo*



Московский государственный институт международных отношений  
(университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

# Пространство и время в мировой политике и международных отношениях

Материалы 4-го Конвента РАМИ

Под общей редакцией проф. А. Ю. Мельвиля

Москва  
МГИМО – Университет  
2007

Московский государственный институт международных отношений  
(университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

# Том 7 Испания и Латинская Америка в мировой политике

Редакторы тома – д. ф. н., проф. А. В. Шестопал,  
д. и. н., проф. Л. С. Окунева, д. и. н., проф. С. М. Хенкин

Москва  
МГИМО – Университет  
2007

ББК 66.4  
УДК 327  
П 82

П 82 Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М. : МГИМО-Университет, 2007.

Т. 7 : Испания и Латинская Америка в мировой политике / под ред. А. В. Шестопала, Л. С. Окуновой, С. М. Хенкина. – 148 с.

ISBN 978-5-9228-0296-3  
ISBN 978-5-9228-0308-3 (Т. 7)

В сборнике представлены доклады и выступления, сделанные на секциях «Испания в мировой политике» и «Латинская Америка в мировой политике», проведенных в рамках 4-го Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях» (МГИМО, сентябрь 2006 г.).

В «испанскую» часть вошли доклады российских и испанских ученых, воссоздающие многоаспектную картину современной испанской действительности: политическое, экономическое и социальное развитие, национально-региональные отношения, основные направления внешней политики.

В «латиноамериканском» блоке материалов рассматривается широкий круг вопросов, связанных с анализом особенностей внутривнутриполитической эволюции в различных странах континента, новых явлений и процессов, поиска новых альтернатив развития в условиях глобализации.

Тексты публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-9228-0308-3 (Т. 7)

© МГИМО (У) МИД России, 2007  
© Авторы статей, 2007

## Содержание

Введение ..... 4

### **Секция «Испания в мировой политике»**

Участники секции ..... 10

#### **С. П. Пожарская**

Гражданское общество в современной Испании..... 11

#### **Г. Н. Понеделко**

Испания: основные направления экономических реформ..... 16

#### **А. В. Авилова**

Испанские ТНК в мировой экономике..... 25

#### **С. М. Хенкин**

Государство автономий: проблемы и перспективы..... 29

#### **И. Л. Прохоренко**

Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве..... 35

#### **Г. И. Волкова**

О проблемах нелегальной иммиграции в Испании ..... 41

#### **А. Н. Кожановский**

«Воспоминание о будущем»?  
(Североафриканская иммиграция в Испании) ..... 46

#### **Фернандо Лопес Мора**

Reading Mediterranean dualism from Spain's perspective ..... 52

<b>Н. Е. Анিকেева</b> Константы и переменные внешней политики в период консолидированной демократии (1978–2006).....	56
<b>Е. Г. Черкасова</b> Перемены во внешней политике Испании: политические амбиции и границы возможного.....	61
<b>Хавьер Моралес</b> Spanish and Russian Approaches to European Security.....	70
<b>Ю. В. Дубинин</b> Тридцать лет спустя... ..	81
 <b>Секция «Латинская Америка в мировой политике»</b>	
Участники секции.....	88
<b>Л. С. Окунева</b> Новые тенденции в развитии политических процессов в Латинской Америке: «левый поворот» и его причины.....	89
<b>З. В. Ивановский</b> Глобализирующийся мир и Латинская Америка: в поисках политической и экономической парадигмы .....	94
<b>О. Н. Докучаева</b> Современный латиноамериканский популизм: новый поворот .....	108
<b>Э. С. Дабагян</b> Российско-венесуэльские отношения в исторической ретроспективе .....	117
<b>А. И. Сизоненко</b> Русские соотечественники в Латинской Америке: судьбы, проблемы, будущее .....	134
<b>Т. П. Петрова</b> Политическая ситуация в Мексике в начале XXI в. ....	142

## Введение

В сборнике представлены доклады и выступления, сделанные на секциях «Испания в мировой политике» и «Латинская Америка в мировой политике», проведенных в рамках IV конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях» (МГИМО (У), сентябрь 2006 г.).

В «испанскую часть» вошли доклады российских и испанских ученых, принявших участие в IV конвенте РАМИ, воссоздающие многоаспектную картину современной испанской действительности: политическое, экономическое и социальное развитие, национально-региональные отношения, основные направления внешней политики. Докладчики обращают внимание на успехи, достигнутые страной в плане консолидации относительно молодой демократии, социально-экономического развития, интеграции в ЕС. Вместе с тем целый ряд старых и новых проблем, как перешедших «по наследству» от прошлого, так и порожденных современными реалиями, пока не нашли своего решения. Так, недостроенным остается «государство автономий»: правительство подвергается сильному натиску периферийных националистов, требующих изменения нынешних «правил игры». Далека от разрешения «проблема ЭТА». Показано также, что один из важнейших новых вызовов – нарастающий приток в страну иммигрантов, прежде всего из стран Африки, стимулирующий рост агрессивного национализма и создающий сложную проблему социально-культурной адаптации переселенцев.

Значительная часть докладов посвящена внешнеполитическим проблемам современной Испании, воздействию на нее процессов глобализации и европейской интеграции. Констатируется, что после прихода к власти Испанской социалистической рабочей партии акценты испанской внешней политики перемещаются с США на Европу. Отдельная тема – воспоминания чрезвычайного и полномочного посла Ю. А. Дубинина о процессе восстановления дипломатических отношений между нашими странами (февраль 1977 г.).

В «латиноамериканском блоке» материалов, представленных на страницах сборника, рассматривается широкий круг вопросов, свя-

занных с анализом особенностей внутривнутриполитической эволюции в различных странах континента, в целом широкой и многообразной гаммы латиноамериканских реалий. Основное внимание уделено новым явлениям и процессам, имеющим место в странах континента, поиску новых альтернатив развития в условиях глобализации. Проанализированы новые политические тенденции в Латинской Америке, во многом связанные с деятельностью в ряде стран правительств левой ориентации, приведена типология политических режимов в регионе.

Рассмотрены особенности и противоречия современного латиноамериканского популизма. Исследуется специфика мексиканской ситуации в начале XXI в. При анализе перспектив российско-латиноамериканских отношений особое внимание уделено историческим традициям и современному этапу российско-венесуэльских отношений, учитывая интерес нынешнего венесуэльского лидера к России как одному из полюсов многополярного мира. Отдельная важная тема – судьбы русских соотечественников в Латинской Америке.

На объединенном заседании обеих секций под председательством руководителя Иbero-американского центра МГИМО (У) д. филос. н., проф. А. В. Шестопала состоялась презентация нескольких крупных научных исследований, вышедших в свет в 2006 г. Речь идет о коллективной монографии ИЛА под редакцией проф. Б. И. Коваля «Латинская Америка: социальная антропология бедности», в которой представлено комплексное исследование проблем бедности, рассматриваемой как устойчивый образ жизни и цивилизационная характеристика государств региона. В другой работе – книге Б. И. Коваля «Портреты историков-латиноамериканистов» – дана яркая картина отечественной латиноамериканистики «в лицах» тех людей, которые своими трудами превратили ее в важную отрасль российской исторической науки. Состоялась также презентация учебного пособия «Испания в начале XXI века» (отв. ред. С. М. Хенкин), рисующего многоплановую картину современных испанских реалий. Появление этого коллективного издания стало в определенной степени результатом работы секции испанистики, созданной в МГИМО (У) в 2002 г. Большинство ученых, выступивших на заседании секции «Испания в мировой политике», являются авторами глав новой книги.

*Проф. Л. С. Окунева,  
председатель секции «Латинская Америка в мировой политике»  
Проф. С. М. Хенкин,  
председатель секции «Испания в мировой политике»*



## Материалы секции «Испания в мировой политике»

## Участники секции

1. С. П. Пожарская
2. Г. Н. Понеделко
3. А. В. Авилова
4. С. М. Хенкин
5. И. Л. Прохоренко
6. Г. И. Волкова
7. А. Н. Кожановский
8. Фернандо Лопес Мора
9. Н. Е. Аникеева
10. Е. Г. Черкасова
11. Хавьер Моралес
12. Ю. В. Дубинин

## Гражданское общество в современной Испании

### С. П. Пожарская

На протяжении длительного времени термины «гражданское общество» и «политическое общество» в социологических и исторических исследованиях были взаимозаменяемыми. Но в XIX в. и особенно во второй его половине феномен «гражданского общества» не только приобрел самостоятельное значение, но и, как отметил современный испанский социолог В. Перес Диас, сыграл роль протагониста в становлении и эволюции самого явления либерализма как противостояния абсолютизму и авторитаризму, а затем и феномена демократии, по крайней мере, в большинстве стран Западной Европы. Позднее, в конце XIX – первых десятилетиях XX в., термин «гражданское общество» использовался как оппозиция государству<sup>1</sup>.

Испанские социологи рассматривают две формулы гражданского общества: в «широком смысле» и гражданское общество в «узком смысле». Гражданское общество в «широком смысле» представляет собой совокупность социополитических институтов, таких, как рынок и ассоциации, основанные на добровольном соглашении агентов, и публичную сферу, в которой эти агенты дебатировать как между собой, так и с государством. Гражданское общество в «узком смысле» исключает любые государственные институты.

Общество приобретает статус «гражданского» лишь тогда, когда их действующие лица осознают себя как граждане, а не подданные деспота, диктатора или господствующей касты. Субъекты гражданского общества должны быть членами цивилизованного общества, а не варварского или отсталого. Путь к становлению гражданского общества в Испании был сложным и долгим, занял почти два века.

Прообразом ассоциаций гражданского общества могли стать многочисленные ассоциации, созданные во времена Карла III де Бурбон, которые отстаивали идею реформ. Однако В. Перес Диас и ряд других испанских исследователей не склонны рассматривать эти общества

---

<sup>1</sup> Peres Diaz V. La primacia de la sociedad civil: el proceso de formación de la España democrática. Madrid, 2003. P. 76–81.

как первую ступень гражданского общества из-за их узкой социальной базы. Они стремились лишь ослабить пути старого порядка, были сторонниками его эволюции, а не радикального разрыва. Они не были противниками абсолютной монархии, а значит, не ощущали себя гражданами, а лишь подданными.

Нашествие французских завоевателей в 1808 г. стало импульсом к политическому пробуждению широких слоев общества. Созданные как центры сопротивления «хунты» и стали первыми ячейками гражданского общества. Их учредителями были как либералы, так и защитники «алтаря и трона». Под влиянием первых были созваны Учредительные кортесы в Кадисе, а их идеи нашли отражение в первых статьях Конституции 1812 г.: «Испанская Нация, свободная и независимая, не является и не может стать наследием какого-либо семейства или лица»<sup>2</sup>. Так была впервые озвучена новая формула монархии, которая на практике была реализована лишь свыше 150 лет спустя: с принятием Конституции 1978 г. Равно как и новая формула нации (*Nación*), впервые сформированная в кадисской конституции: «Прежде всего нация является носителем суверенитета, и ей принадлежит исключительное право устанавливать основные законы».

Эта формула нации, воплотившая основные принципы демократии, реализованные ныне не только в Конституции современной Испании, но и в новом Статусе Каталонии, одобренном на референдуме 2006 г. И в 1812 г., и в наши дни в законодательном утверждении этой формулы большую роль сыграла активность ассоциаций гражданского общества, оказавших воздействие на законодателей, наряду с другими организациями и партиями.

Почему же новая формула нации была реализована лишь спустя свыше 150 лет после кадисской конституции? Причины тому следует искать в специфике исторического процесса Испании, и одна из них – вплоть до конца 70-х гг. прошлого века в Испании так и не была создана система гражданского общества, хотя было немало попыток создать ее: в годы конституционного трехлетия 1820–1823 гг., демократического семилетия 1868–1875 гг., в период первой реставрации монархии, когда новая монархия нуждалась в поддержке общества и великий реформатор того времени А. Кановас дель Кастильо поощрял создание ассоциаций гражданского общества, в кризисные годы окончания Первой мировой войны, в годы Второй республики и гражданской войны 1936–1939 гг.

<sup>2</sup> *Constituciones españolas. Constitución de Cádiz*. Madrid, 1977. P. 12.

Препятствием для создания гражданского общества стали такие факторы, как медленный темп модернизации экономической сферы, в результате чего средний класс, который был основой ассоциаций гражданского общества в странах Западной Европы, в Испании вплоть до начала XX в. оставался маргинальной силой. Немалую роль играли и авторитарные тенденции испанского государства. Немногие ассоциации гражданского общества конца XIX – начала XX вв., созданные в Мадриде, Барселоне и ряде других крупных городов (в 1900 г. только 9% испанцев проживали в городах с населением свыше 100 тыс. человек), были вне сферы внимания большинства народа. К тому же 63,8% испанцев в начале XX в. были неграмотными, а значит, пресса и книги, способствовавшие становлению гражданского сознания, были им недоступны. Немногочисленные ассоциации, хотя и созданные «снизу», так и не изжили двух главных недостатков: элитарности меньшинства и индифферентности большинства членов общества. Франкизм запретил деятельность не только политических партий и организаций, но и всех ассоциаций, идеи и деятельность которых не укладывались в рамки «единой партии» – Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС. То, что в Испании вплоть до второй половины 70-х гг. XX в. так и не была создана система гражданского общества, которая могла бы стать амортизатором нарастающего процесса раскола, было причиной многих социальных и политических потрясений, наиболее масштабной из них стала гражданская война 1936–1939 гг., которую ныне многие современники считают величайшей национальной трагедией испанского народа.

Возвращение к гражданскому обществу (*retorno*, по выражению В. Переса Диаса) началось еще в последний период франкизма. К моменту смерти Франко университеты Испании, во многом определяющие политическую культуру страны, были враждебны к режиму. Их выпускники создали новый политический класс, система ценностей которого не совпадала с ориентирами режима. Давали о себе знать и результаты отмены режима автаркии.

Этому новому политическому классу принадлежит создание экономических, социальных и культурных институтов, ставших со временем ячейками гражданского общества, во многом определившими стремительный (в историческом масштабе) переход от авторитаризма к демократии.

Тем не менее, по мнению известного философа католика Х. Арангурена, к моменту смерти Франко в 1975 г. политическая культура все еще была слабой. Не были изжиты элитарность и политическая

индифферентность испанского общества. Процесс преодоления этих негативных для создания полнокровного гражданского общества черт начал стремительно нарастать с 1977 г., с реализацией политической реформы, принятием ряда пактов, утверждавших принцип консенсуса, наиболее известным из которых стали «пакты Монклоа», целью которых было принятие конституции, основанной на принципах демократии.

Ассоциации гражданского общества, повсеместно возникшие в этот период, оказали воздействие на работу конституционной комиссии, что нашло отражение в формулировках многих статей основного закона. Сообщества регионов, включая ассоциации гражданского общества, торопились заявить о своем праве на автономию. Эта фаза государственного строительства еще до принятия проекта конституционной комиссией была определена как «преавтономия». Феномен преавтономии не был предусмотрен заранее творцами проекта конституции. Нараставшая активность многих звеньев гражданского общества, особенно в Каталонии и Стране Басков, не могла не оказать давления на правительство Адольфо Суареса и на работу Комиссии кортесов по подготовке проекта конституции 1978 г., особенно на формулировку 2-й статьи конституции.

Конституция 1978 г. создала новый тип государства. Статья 2-я гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, единой и неделимой для всех испанцев Родины; она признает и гарантирует право на автономию национальностей и регионов, ее составляющих, а также солидарность между всеми ними»<sup>3</sup>.

Принятие конституции, текст которой был одобрен на референдуме, отражало консенсус, впервые достигнутый в истории Испании, что не исключало широкого спектра разногласий по актуальным проблемам экономики, политики и культуры. Но несмотря на эти разногласия, публичная атмосфера страны зиждется на сосуществовании различных политических сил в цивилизационной форме, что создает благоприятные условия для деятельности ассоциаций гражданского общества.

В настоящее время гражданское общество в Испании объединяет сотни ассоциаций, основанных «снизу». Функции государства кортесов и правительства отражены в Органическом законе от 22 марта 2002 г. и сведены к правилам регистрации ассоциаций. Основные условия для их регистрации – заявленные цели и деятельность ассоциаций

не должны выходить за рамки, предусмотренные Конституцией 1978 г. Члены этих ассоциаций порой вступают в острые дискуссии как между собой, так и с центральным правительством, кортесами, с властями автономных региональных объединений (комунитадов) и с органами местного самоуправления. Однако эти дискуссии ведутся в цивилизационной форме и не ведут к распаду страны, как это было в 30-е гг. прошлого века. Эти ассоциации сыграли немалую роль в организации протестных акций против участия воинских соединений Испании в войне в Ираке.

<sup>3</sup> Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С.30.



# Испания: основные направления экономических реформ

## Г. Н. Понеделко

2005 год завершил тридцатилетний период масштабных демократических преобразований в экономике Испании, высокая эффективность которых служит наглядным опровержением пессимистических прогнозов некоторых зарубежных экспертов о невозможности для стран, опоздавших в минувшем столетии на поезд научно-технической революции, найти свою нишу в современном бурно развивающемся мире.

Можно с уверенностью сказать, что Испания сегодня – это одна из самых политически стабильных, динамично развивающихся европейских стран, уверенно догоняющая по всем параметрам наиболее развитые из них. Позиции Испании в современном мире характеризуются, прежде всего, масштабностью ее экономического потенциала. В 2005 г. ВВП страны составил свыше 1,2 млрд долл. (5-е место в Европе и 9-е в мире). А его аккумулированный прирост только за двадцатилетний период членства Испании в ЕС составил 64,6% (против 47,9% для ЕС), т. е. в среднем ежегодно превышал 3%<sup>1</sup> (против 2% в ЕС). Как следствие этого, наблюдался устойчивый рост ВВП на душу населения по ППС (с 8 до 26 тыс. долл.)<sup>2</sup>, который фактически достиг среднегодового уровня ЕС – 25 тыс. долл.<sup>3</sup>

В числе других достижений испанской экономики – сокращение бюджетного дефицита (с -3% ВВП в 1988–1997 гг. до +0,7% в 1998–2007 гг.), темпов инфляции (с 5,2% до 3,6%), рост валютных резервов, валовых инвестиций, увеличение темпов роста занятости (с 2,3% до 4,5%), личного потребления (с 2,5% до 4%), сокращение уровня безработицы

(с 20% до 8,7%), хотя этот показатель все еще остается одним из самых высоких в ЕС<sup>4</sup>.

К началу столетия, весьма успешно закрепившись на мировых товарных рынках, Испания вошла в число активных игроков на международном финансовом рынке, став одним из самых динамичных экспортеров предпринимательского капитала. К 2006 г. испанские инвестиции за рубежом составили 10% ВВП<sup>5</sup>. А в целом, по индексу глобализации, включающему четыре измерения (степень экономической интеграции, технологические параметры, способность к политическому компромиссу, уровень развития международных связей и личных контактов), Испания заняла 24-е место.

К числу факторов, оказавших решающее воздействие на хозяйственное развитие Испании, следует отнести государственную экономическую политику, неоднократно на многочисленных международных форумах оцениваемую как одну из самых эффективных в мире. На первом этапе переходного периода она представляла собой самую широкую систему мер (в том числе и «не стоивших никаких денег» государству) по либерализации и дерегулированию экономики, децентрализации бюджетного финансирования, обеспечению равных прав и условий хозяйствования, облегченного доступа к источникам финансирования всех участников экономических отношений. При этом основное внимание со стороны государства уделялось реализации тех его функций, которые невозможно было выполнить на более низких уровнях. К ним относятся поддержание важных макроэкономических пропорций, разработка и обеспечение единства общенациональной экономической, промышленной и научно-технической стратегии, координация региональных и отраслевых планов.

С начала 80-х гг. приоритетными направлениями экономического реформирования неизменно являлись мелкий и средний бизнес, предприятия госсектора, финансово-кредитная сфера, НИОКР, и, конечно, налоговая система как основной источник государственных финансовых ресурсов.

В сущности, именно реформирование унаследованной от франкизма архаичной и регрессивной (в пользу крупных собственников и компаний) налоговой системы, ее адаптация к нормативам ЕС – одна из главных заслуг демократического правительства Испании. В основу реформирования был положен демократический принцип, согласно

<sup>1</sup> БИКИ. № 138. 01.12.2005.

<sup>2</sup> World Development indicators data base. World Bank 15.07.2005.

<sup>3</sup> Spain's economy closing the gap // Observer OECD. № 249. The Banker. May 2005.

<sup>4</sup> World development facts IMF.

<sup>5</sup> 20 años de España en EU. P. 28.

которому «получающий больше доходов больше платит в госбюджет». Реформа осуществлялась в несколько этапов, в ходе которых были введены прогрессивная шкала налогообложения доходов с физических лиц вместо ранее существовавшей единой налоговой ставки, налог на добавленную стоимость, а также фактически не взимаемые при франкизме прогрессивные налоги на недвижимость и наследство. Новое налоговое законодательство включало также широкую систему налоговых льгот, стимулирующих развитие мелкого и среднего бизнеса, инновационной и инвестиционной деятельности компаний.

Иными словами, в ходе налоговой реформы были решены одновременно несколько задач: обеспечения самого высокого в ЕС прироста налоговых поступлений в казну, консолидации доходной части бюджета и сокращения его дефицита (к 2006 г. доля налогов в ВВП Испании составляла свыше 35% против 19% в середине 70-х гг. и 25% в 1985 г.)<sup>6</sup>, демократизации и более справедливого распределения налогового бремени и национального дохода, наконец, устойчивого развития мелкотоварного сектора производства, базовому элементу испанского производственного аппарата, ключевому фактору социальной стабильности страны.

В настоящее время на долю испанского мелкотоварного сектора приходится 70% общего числа занятых, более 60% торгового оборота страны, почти 50% частных расходов на НИОКР<sup>7</sup>. В общей численности (свыше 2,5 млн) зарегистрированных предприятий мелкие и средние компании составляют 99,6%. Из них только «семейного типа» (без использования наемного труда) – почти 50%, а до 5 занятых – свыше 90%. Основная масса (почти 80%) мелких компаний сосредоточена в сфере услуг и торговле. Неотъемлемой частью мелкотоварного производства в Испании является так называемый «общественный сектор экономики», имеющий в испанском обществе глубокие корни и многолетние традиции. Его основа – широкое кооперативное движение, преследующее в своей деятельности не только чисто коммерческие, но и социальные цели: сохранение и создание новых рабочих мест, улучшение материального положения трудящихся, совершенствование системы пенсионного обеспечения, строительство жилья на льготных условиях для своих работников и т. д.

Постфранкистский период характеризовался дальнейшим ростом традиционных и появлением новых форм кооперативных структур,

<sup>6</sup> Economía:20 datos para 20 años. P. 38 // [www.realinstitutoelcano.org](http://www.realinstitutoelcano.org)

<sup>7</sup> [www.idc.com/spain](http://www.idc.com/spain).

объединяющих сегодня десятки тысяч трудящихся и мелких акционеров. В их числе: компании трудящихся, кооперативы объединенного труда, общества коллективных действий, страховые и взаимных гарантий, инвестиционные фонды, компаний рискованного капитала. Кстати сказать, сам по себе факт зарождения в последнее десятилетие в Испании компаний рискованного капитала и множества других венчурных фондов, основу деятельности которых составляет инновационная сфера, свидетельствует о новом качестве испанской экономики.

Осознавая всю значимость для развития рыночной экономики и конкуренции малого и среднего бизнеса вообще, кооперативного движения в частности, испанское правительство на протяжении всего периода демократических преобразований неизменно с помощью различных институциональных органов (в настоящее время Государственного секретариата экономики, энергетики, малого и среднего предпринимательства, Генеральной дирекции малого и среднего бизнеса), финансовых институтов (Института государственного кредитования, Конфедерации сберегательных касс и др.), многочисленных целевых и региональных программ (например, развития качества и дизайна, программ НИОКР, повышения квалификации кадров, совершенствования сбытовой сети) оказывало серьезную поддержку развитию и повышению конкурентоспособности мелкотоварного сектора в национальном и международном масштабе. При этом за центральной администрацией закреплялись функции создания основных условий и позитивного климата для деятельности МСК, в то время как региональные власти должны осуществлять координацию и распределение ресурсов на местном уровне.

Последняя и наиболее значимая из них – «План консолидации и повышения конкурентоспособности мелких и средних предприятий» на 2001–2006 гг., был разработан Генеральной дирекцией малого и среднего бизнеса в тесном сотрудничестве с правительствами автономных сообществ страны, при софинансировании европейского регионального фонда (ФЕДЕР)<sup>8</sup>. Общий объем выделенных на поддержку МСБ ассигнований составил свыше 300 млрд евро. План впервые определяет критерии испанских предприятий МСБ, адекватные нормативам ЕС: до 250 занятых, с торговым оборотом, не превышающим 40 млн евро, с активами до 27 млн евро и в которых участие других компаний, не соответствующих критериям МСК, не превышает 25% капитала и контрольного пакета акций.

<sup>8</sup> BOE Num. 132. Sábado 2 de junio de 2001.

Цель Плана – передача инновационных управленческих технологий МСК и их полная интеграция в современное информационное общество. План предусматривает создание более эффективного (менее зарегулированного и централизованного) механизма оказания финансовой помощи мелкому и среднему бизнесу преимущественно по линии региональных специализированных центров, занимающихся широким набором услуг: информационных, дизайнерских, управленческих, подготовкой и переподготовкой кадров, сертификацией и стандартизацией продукции. Значительно упрощаются финансовая отчетность, административные и правовые формальности при регистрации новых фирм (вводится режим единого регистрационного центра при торговых палатах страны, сокращен период регистрации с 30–60 дней до 48 часов). Ответственность за выполнение плана была возложена на Отраслевую конференцию (координация и распределение финансовых средств) и Круглый стол генеральных директоров МСК (разработка критериев финансирования, выбор проектов и их оценка).

Процесс демократических преобразований в испанской экономике затронул и государственный сектор экономики, главное детище, важнейшую составную часть экономической доктрины франкизма – Национальный институт промышленности (ИНИ). Основанный в 1941 г., в самый разгар Первой мировой войны, ИНИ сыграл огромную роль в хозяйственном развитии страны, создании в ней недостающих звеньев промышленной специализации, в первую очередь в базовых отраслях и наиболее отсталых регионах страны. Достаточно сказать, что к началу 80-х гг. на ИНИ приходилось 15% ВВП Испании, 15% валовых капиталовложений и НИОКР, около 10% экспорта, 12% общего числа рабочих мест. В состав холдинга входило свыше 120 предприятий, размер которых в среднем был выше частных предприятий. В целом, ИНИ представлял 18 отраслей промышленности с мажоритарным и миноритарным участием государства, контролирующим от 20% до 90% продукции.

На рубеже 80-х гг. Институт столкнулся с проблемой финансового и управленческого кризиса, что привело к резкому увеличению убыточности его некоторых предприятий (в угольной, металлургической, судостроительной промышленности, авиаперевозках), погашение которой тяжелым бременем ложилось на центральный бюджет страны. Факт убыточности отдельных государственных предприятий, как известно, носит объективный характер в силу их общественного, вспомогательного характера по отношению к частному сектору, в силу их функционирования преимущественно в малорентабельных

отраслях и экономически отсталых регионах, а также сбыта продукции по более низким ценам.

Следует отметить, что до середины 80-х гг. правительство вело себя очень осторожно в отношении приватизации государственных предприятий, сконцентрировав свое внимание на их структурной перестройке. Первоначально перед государственным сектором ставилась задача финансовой поддержки, сокращения убыточности, рационализации производства и управления, повышения конкурентоспособности в среднесрочной перспективе. В частности, предусматривались реконверсия отдельных предприятий, внедрение в наукоемкие отрасли производства, снижение себестоимости выпускаемой продукции (за счет сокращения уровня затрат на заработную плату, энергоснабжение и т. д.), повышение производительности труда и качества выпускаемой продукции (в т.ч. повышение удельного веса товаров с высокой добавленной стоимостью), ликвидация избыточных производственных мощностей и достижение оптимального соотношения занятости и технологии, замена устаревшего оборудования новыми высокопроизводительными видами (главным образом импортного). Число занятых на государственных предприятиях в период 1982–1987 гг. было сокращено на 25% и одновременно почти на 40% был обновлен управленческий аппарат, запрещено совмещение постов в частном и государственном секторах, существенно «европеизированы» структура и методы внутрифирменного управления с целью более эффективного механизма принятия решений, предприняты шаги по разукрупнению ИНИ (выделение из ИНИ и создание (1982) нового государственного холдинга Национального института углеводородов, объединившего все высокоэффективные предприятия нефтяной и газовой отраслей, под крышу которого в дальнейшем были переданы малорентабельные предприятия ИНИ. В результате проведенной реструктуризации удалось добиться не только сокращения убытков ИНИ почти в 4 раза, но и обеспечить многократное увеличение его прибыли, инвестиций (в 2 раза), в т. ч. в сферу НИОКР, при одновременном росте масштабов и числа государственных предприятий (с 479 до 553 в 1985–1989 гг.), начавшейся широкой экспансии их внешнеэкономической деятельности<sup>9</sup>.

К концу 80-х гг. относятся и первые, весьма осторожные шаги по приватизации отдельных предприятий ИНИ, началу которых пред-

<sup>9</sup> Asian Journal of Public Administration. Rocio Valdivielso del Real Reform of State Enterprise in Spain. P. 14.

шествовала широкая внутривнутрипартийная дискуссия о необходимости коренного пересмотра традиционных программных положений ИСРП, рассматривающих госсектор как фактор в высшей степени позитивный и желательный для экономики, в наибольшей степени отвечающий принципам социальной справедливости. Поэтому приватизационный процесс в Испании стал возможен только после того, как ИСРП «скорректировала» свои взгляды относительно роли госсектора в экономике страны, основных направлений его перестройки.

На первом этапе приватизация государственных предприятий носила выборочный характер и затрагивала преимущественно компании с участием иностранного капитала, не представлявшие для государства никакого стратегического интереса (текстильная) или для которых у государства не хватало средств на обеспечение их конкурентоспособности (СКФ – шарикоподшипники, «СЕАТ» – автомобилестроение). Однако с середины 90-х гг., особенно после прихода к власти консерваторов, процесс приватизации предприятий госсектора приобрел более высокую динамику, принесся казне свыше 35 млрд долл. (или 6,4% ВВП). В числе наиболее крупных приватизированных предприятий оказались самые прибыльные из ведущих государственных компаний: «РЕПСОЛ» (нефтяная промышленность), «ТЕЛЕФОНИКА» (телекоммуникации и связь), «ЭНДЕСА» (энергетика). ИНИ прекратил свое более чем 50-летнее существование. В ходе поэтапного реформирования его оставшиеся предприятия были разделены на три государственных холдинга Государственная промышленная корпорация (SEPI), Государственная компаний участия (SEPPA) и Государственное промышленное агентство (AIE), работающие в тесном контакте с государственным Консультативным советом по приватизации. В первые два холдинга вошли все прибыльные государственные компании, не получающие никаких государственных субсидий, подлежащие приватизации, а в состав третьего – все убыточные предприятия, пользующиеся системой государственных дотаций (специальные контракты) в обмен на их реструктуризацию, санацию и модернизацию.

Следует отметить, что факт приватизации госсектора в Испании, как впрочем, и в других странах, вызывает к себе неоднозначное отношение с точки зрения его экономической целесообразности. По мнению некоторых испанских экономистов<sup>10</sup>, новая частная монополия может принести рынку и рыночной конкуренции гораздо больший ущерб, чем государственная монополия, особенно эффективно управляемая.

<sup>10</sup> Asian Journal of Public Administration // Rocío Valdivielso del Real Reform of State. P. 18.

Необходимо помнить, что деятельность частных и государственных компаний оценивается по разным критериям. У частной монополии критерий – максимизация прибыли, у государства – обеспечение экономического развития и жизнеспособности страны в целом. Никто в мире еще не доказал, что при прочих равных условиях частный собственник эффективнее, чем государство, способное распределять и мобилизовать гораздо большие ресурсы, в том числе и для защиты рыночной конкуренции. Иными словами, развернувшийся в последнее десятилетие в Испании процесс приватизации, как, впрочем, и в других странах, – это прежде всего выражение политической воли правительства, реализующего интересы различных частных монополий и групп давления, а иногда и находящегося под их влиянием общественного мнения. В конечном счете, только время способно дать реальную оценку эффективности и целесообразности приватизации госсектора в Испании.

В заключении хотелось бы сказать еще об одном весьма важном направлении экономического реформирования в Испании. Речь идет о государственной научно-технической политике и сфере НИОКР. Надо отдать должное правительству страны, имеющему полное представление о глубине мировых технологических сдвигов и значительном отставании Испании в этой области. Навсегда ушел в прошлое старый лозунг национальной буржуазии: «Пусть изобретают другие!» С середины 80-х гг. один за другим принимаются Закон о науке, планы развития НИОКР, дополнявшиеся различными отраслевыми планами. Все они свидетельствовали о стремлении государства разработать единый комплексный подход к управлению НИОКР, придать новый импульс стратегически важным для национального развития отраслям науки и техники.

Подлинным прорывом научно-технической политики Испании стала общенациональная программа «Интеллект 2010»<sup>11</sup>, поставившая своей целью достижение уровня НИОКР соответствующему политическому и экономическому весу Испании в ЕС. В частности, к 2010 г. предусматривается увеличение доли НИОКР в ВВП до 2%, (против нынешних 1,2%), а участие частного сектора в их финансировании возрастет с нынешних 48 до 55%. На реализацию программы выделено 2,6 млрд евро при условии ее паритетного финансирования государством и частным сектором. Программа предусматривает создание Национальных стратегических консорциумов в сфере НИОКР, обес-

<sup>11</sup> Ingenio 2010. 25 Junio. Madrid, 2005.

печивающих координацию и интеграцию крупных государственных и частных научно-исследовательских проектов в промышленности, консолидированных университетских научно-исследовательских групп по реализации конкретных проектов, единого фонда развития частных компаний рискового капитала, а также включение (на контрактной основе) в работу научно-исследовательских подразделений частных компаний до 1300 университетских преподавателей, достижение адекватных современному информационному обществу средних показателей обеспечения компьютерной техники в сфере торговли, управления, образования, домашних хозяйств.

Иными словами, содержание и механизм реализации поставленных Планом задач, как и вся система хозяйственного реформирования в Испании, свидетельствует об ответственности правительства за судьбу своей страны, о его серьезных намерениях должным образом ответить на вызовы XXI столетия.

## Испанские ТНК В мировой экономике

**А. В. Авилова**

ТНК – важный элемент современного мирового хозяйства и наиболее активные участники процесса глобализации. На их долю приходится около половины мирового промышленного производства, более 2/3 объема мировой торговли, 80% научных и технических разработок. Они расположились в ключевых сферах мировой экономики и «оседлали» важнейшие, стратегические направления технического прогресса. Не случайно в их мировом рейтинге ведущие места прочно занимают банки, энергетические компании и ТНК телесвязи.

Проникновение ТНК в экономику стран-реципиентов происходит, в первую очередь, через прямое инвестирование, которое устанавливает долгосрочные отношения между партнерами и обеспечивает значительную степень влияния иностранного инвестора на менеджмент создаваемого или реорганизуемого предприятия. Для страны-экспортера прямых инвестиций именно накопление зарубежных активов в наибольшей степени способствует упрочению конкурентных позиций, а в долгосрочной перспективе – повышению мирохозяйственного статуса<sup>1</sup>.

Испания стала нетто-экспортером производительного капитала только в 1996 г.<sup>2</sup>, но к настоящему времени среди 500 ведущих ТНК современного мира насчитывается уже 8 испанских, что ставит эту страну на 11-е место по данному показателю. Доля ее ТНК в совокупной биржевой капитализации ведущих 500 международных монополий составляет 1,7%. И это совсем не мало, поскольку 44,2% этой общей капитализации приходится на США, а показатель крупнейшего европейского инвестора, Великобритании, равен 9,4%; впереди Испании – только «гранды» мирового инвестирования плюс Саудовская Аравия и Россия (10-е место с показателем 1,8%), которой Испания, таким образом, «наступает на пятки».

<sup>1</sup> ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2005.

<sup>2</sup> UNCTAD WID Country Profile: Spain. 2005.

Присутствие испанских компаний в списке ведущих 500 мировых ТНК особенно заметно в отраслевом разрезе: компания Telefonica занимает 4-е место среди ТНК, действующих в сфере связи, ENDESA и Iberdrola – 4-е и 8-е места среди электроэнергетических компаний-лидеров<sup>3</sup>.

Некоторые факты свидетельствуют о наличии у Испании большого потенциала в области внешнего инвестирования. Об этом говорит, прежде всего, чрезвычайно быстрое наращивание объема испанских зарубежных активов. В группе ведущих инвесторов эта страна стоит на первом месте по темпам роста зарубежных прямых инвестиций: за последние 10 лет их объем увеличился более чем в 9 раз. О том же свидетельствуют стратегическая направленность и масштабы нескольких последних операций.

Например, Telefonica в 2005 г. приобрела (выиграв тендер у сильных конкурентов из Бельгии и Швейцарии) 70% капитала чешского национального оператора телесвязи, располагающего 80% национального рынка фиксированной и 45% рынка мобильной связи. Стоимость операции составила 4,4 млрд долл.<sup>4</sup>.

Консорциум, возглавляемый группой Ferrovial (это вторая по капитализации европейская инженеринговая компания), победив американского конкурента – инвестиционную компанию Goldman Sachs, поглотил в 2006 г. британского оператора аэропортов British Airport Authority, контролирующего 63% пассажиропотока на территории Англии и 86% пассажиропотока на территории Шотландии. Стоимость операции достигла почти 20 млрд долл.<sup>5</sup>.

До конца 2006 г. намечалось завершение операции по слиянию испанской компании Abertis и итальянской Autostrade, в результате которого, как предполагается, возникнет крупнейшая в мире группа по управлению автострадами, действующая в 16 странах Европы и Америки. Новая компания примет имя испанского партнера – Abertis, поскольку имеющаяся в его распоряжении дорожная сеть и опыт управления более значительны, чем у итальянской компании. Совокупные активы новой группы составляют 45 млрд евро, ее рыночная капитализация – 24 млрд, предполагаемые капиталовложения в течение ближайших 9 лет – 15 млрд евро<sup>6</sup>.

Испанскому капиталу уже принадлежат стратегически важные позиции в области телекоммуникаций и в действующих энергосистемах

<sup>3</sup> Рейтинг "Financial Times" // Ведомости. 13.06.2006.

<sup>4</sup> ТНК в мировой экономике. С. 36, 40.

<sup>5</sup> Коммерсантъ. 13.06.2006.

<sup>6</sup> Corriere della Sera. 24.04.2006.

ряда стран Латинской Америки, где Испания стала крупнейшим из европейских инвесторов. Испанские банки контролируют около 45% средств, аккумулированных в частных пенсионных системах восьми стран Латинской Америки<sup>7</sup>.

Важно отметить, что в этой инвестиционной экспансии участвует, по-видимому, не только крупный, но и средний (а возможно, и малый) испанский бизнес. К такому предположению приводит отдельный анализ данных ЮНКТАД о потоках прямых зарубежных инвестиций по сектору акционерных компаний и по сектору индивидуальных фирм. Примечательно, что индивидуальные инвесторы уделяют большое внимание вложениям в обрабатывающую промышленность, что предполагает передачу партнерам достаточно современных технологий и ноу-хау. Если у акционерных обществ в 2004 г. на долю обрабатывающей промышленности пришлось только около 10% общей суммы прямых инвестиций, то в секторе индивидуальных инвесторов – до 70% в 2003 г. и 30% в 2004 г.<sup>8</sup> По-видимому, опираясь на позиции, уже завоеванные крупным бизнесом в инфраструктуре принимающих стран, немонополистический бизнес стремится – там, где может – развернуть свои операции по более широкому кругу отраслей. Большие возможности открывает для него и новый этап европейской интеграции: в 2004 г. 15% общего объема прямых инвестиций в секторе индивидуальных инвесторов было направлено в новые страны-члены ЕС, прежде всего в Венгрию<sup>9</sup>.

Инвестиционная активность испанских ТНК отражает благоприятную динамику национального ВВП, сохраняющуюся на протяжении последнего десятилетия. На фоне замедленного развития большинства из 11 экономик Еврозоны Испания выделяется опережающими (3,5%) среднегодовыми темпами роста производства, что обеспечило ей сокращение (с 20% до менее чем 13% за 1995–2003 гг.) разрыва со средним для Еврозоны уровнем дохода на душу населения, продвинув ее на 9-е место среди промышленно развитых стран современного мира<sup>10</sup>. С середины 90-х гг. в Испании вполне успешно идет процесс реформ, модернизирующих ее экономику и социальную сферу.

<sup>7</sup> О сильных позициях испанского капитала в странах Латинской Америки см. подробно в коллективной монографии «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века» (М.: ИЛА РАН, 2006).

<sup>8</sup> UNCTAD WID Country Profile: Spain. 2005.

<sup>9</sup> Ibid.

<sup>10</sup> Etudes économiques de l'OCDE. Espagne. Paris, 2005. P. 12.

Однако, как отмечается в последнем докладе ОЭСР о состоянии и перспективах испанской экономики, ряд проблем структурного порядка сдерживает конвергенцию этой еще недавно полупериферийной страны с «центром» европейского экономического комплекса. Главной проблемой для Испании является недостаточно быстрый рост общей производительности ее экономики, в том числе производительности труда, что, в свою очередь, есть прямой результат сохраняющегося технологического отставания и недостаточности усилий по наращиванию «человеческого капитала», то есть вложений в сферу образования и подготовки кадров. Преодоление структурного разрыва с ведущими экономиками Еврзоны рассматривается правительством Х.-Л. Сапате́ро как стратегическая цель на обозримый период времени. По сути дела, перед Испанией стоит задача изменения ее прежней модели роста – совершения качественного сдвига в направлении типологического сближения с высокотехнологичными экономиками ее главных партнеров по ЕС.

Усилия, прилагаемые испанскими ТНК к расширению своих конкурентных позиций на отдельных передовых направлениях международного инвестирования, играют важную роль в решении этой задачи. Прямые зарубежные инвестиции являются одним из главных элементов процесса наращивания экономической мощи, что расширяет возможности страны в плане модернизации. Этот процесс улучшает и ее перспективы в борьбе за более высокий мирохозяйственный статус, обостряющейся в условиях глобализации и растущей неустойчивости мирохозяйственной конъюнктуры.

## Государство автономий: проблемы и перспективы

**С. М. Хенкин**

Испанское государство с территориально-политической точки зрения остается недостроенным. Государство автономий более чем за четверть века существования доказало свою жизнеспособность, однако сейчас явно требует реформирования.

Характер Государства автономий определяется учеными по-разному. Наиболее распространены две точки зрения. Странники первой утверждают, что, вопреки положению Конституции 1978 г., запрещающей создание федерации, государство автономий является самой настоящей федерацией, федерацией де-факто. Эта позиция аргументируется тем, что автономные области обладают широким набором полномочий, высокой степенью самоуправления.

Странники второй точки зрения считают государство автономий гибридной формой, промежуточной между унитарным государством и федерацией. По их мнению, это унитарное государство, в котором существуют и развиваются элементы федерализма.

Я согласен со второй точкой зрения. Кажется удачным и определение государства автономий как регионалистского, встречающееся в научной литературе. Дефиниция «регионалистское государство» развивает его характеристику как промежуточной формы между унитарным государством и федерацией.

Понять, что такое государство автономий, как далеко оно продвинулось по пути федерализации и насколько велики препятствия на пути его превращения в полноценную федерацию, можно лишь определив, какие именно черты унитарного и федеративного государств в нем присутствуют. Разобраться в этом по-настоящему можно, лишь сопоставив испанский опыт с мировым, точнее, территориальное устройство современной Испании с характерными особенностями федеративных и унитарных государств.

Перечислю несколько признаков (элементов) федеративных государств, которые присутствуют в территориальном устройстве современной Испании. Первый признак – единство в многообразии.

Эта особенность существует исторически. Испания никогда не была централизованным государством. Она всегда отличалась политическим, правовым и культурным плюрализмом.

Второй элемент федерализма – разграничение предметов ведения и полномочий между разными уровнями управления. В государстве автономий, как и в любом федеративном государстве, власть расщеплена на нескольких уровнях – общефедеральном, региональном и местном. В Испании эти уровни – власти центра, автономных областей, провинций и муниципалитетов. Расщепление власти объективно расширяет возможности для участия граждан в политической жизни. Увеличивается число выборов и референдумов, в которых может участвовать население, перечень инстанций, в которые могут обращаться граждане за защитой своих прав, количество выборных должностей, на которые могут претендовать люди.

Третий признак федерации в государстве автономий, неразрывно связанный с двумя предыдущими, – сочетание централизма и децентрализации управления. В годы демократии происходит поэтапная передача компетенций и полномочий, финансовых прерогатив от центра автономным сообществам для решения вопросов местного значения – процесс, превративший Испанию в одну из самых децентрализованных стран мира.

Четвертый элемент федерализма в государстве автономий – сочетание симметрии и асимметрии. Вообще асимметрия в федерации неизбежна. Ни одна федерация в мире не является симметричной и не может быть таковой по экономическим, политическим, историческим, этническим и многим другим причинам. Для государства автономий в Испании характерна асимметрия – юридическая и фактическая. По существующему законодательству в Испании существуют разные виды автономий – широкая (Каталония, Страна Басков, Галисия, Андалусия), ограниченная (большая часть автономных сообществ), специальная (Наварра, Канарские острова). Они различаются объемом предоставленных им центральным правительством прав и привилегий. На это юридическое неравенство накладывается фактическая асимметрия, в частности межрегиональные экономические диспропорции, существование «богатых» и «бедных» регионов.

Вместе с тем, как и федерации, государство автономий характеризуется симметрией. Согласно Конституции, различия в статусах автономных сообществ не могут давать ни экономических, ни социальных преимуществ, а государство гарантирует эффективное осуществление принципа солидарности, заботясь об установлении

адекватного и справедливого равновесия между различными частями испанской территории.

Пятый признак федераций, присущий государству автономий, – разделенная лояльность. Для испанцев характерна множественность форм самоидентификации, привязанность к своей «малой родине» и одновременно к испанскому государству и наднациональному Европейскому союзу. Испанцы выстраивают целую иерархию народов, к которым они себя причисляют: народ своего селения или города, народ своей провинции, народ своей автономной области, народ Испании в целом, народы Европы, входящие в ЕС.

Шестой признак, объединяющий государство автономий с федерациями, – конфликтность, постоянное балансирование между единством и многообразием, централизмом и регионализмом, симметрией и асимметрией. Вместе с тем политическая культура обеих этих форм государственно-территориального устройства отличается широким использованием метода консультаций, стремлением найти решения в духе компромиссов и терпимости.

Перечисление признаков федерации в испанском государстве автономий, вероятно, может быть продолжено. Но и названного достаточно для вывода о том, что в последнем много элементов федерализма. Еще более важно, что этих элементов становится все больше. Государство автономий преобразуется в федеративном духе.

Замечу, что Испания в этом отношении не одинока. Италия, Великобритания и некоторые другие страны движутся по пути увеличения элементов федерализма.

Но все эти государства федерациями назвать нельзя, они остаются унитарными. В Испании доказательством этого служит прежде всего Конституция 1978 г. В ряде статей ее говорится, что полномочия принимать окончательные решения сохраняются за центральной властью. Так, согласно Конституции, возможность перераспределять полномочия между центром и автономными сообществами допускается только с санкции центральной власти. Кроме того, предусматривается наличие специального представителя правительства в автономном сообществе, который также является гарантом соблюдения «общих интересов» в деятельности местной администрации. Испанское государство автономий исходит из единого и неделимого суверенитета (испанской нации), который признает автономии и уступает им часть своей компетенции, в то время как федеральное государство рождается из пакта между различными суверенитетами, решающими сформировать новое государственное образование, которому они уступают часть своей компетенции.



Децентрализацию, происходящую в Испании, нельзя полностью отождествлять с федерализацией. Федерализация и децентрализация – это разные понятия. Могут быть федерации с сильными элементами децентрализации. А могут быть децентрализованные унитарные государства. Испания является именно децентрализованным унитарным государством.

Испания не выдерживает тест на федерализм и в сфере финансовых взаимоотношений между центром и регионами, которые составляют ядро всех федеративных отношений. Статьи 156 и 157 Конституции Испании разрешают автономным областям собирать собственные налоги. Центру предназначаются только таможенные сборы. Однако на практике центральное правительство сохранило большинство важных налогов в большинстве автономных областей. В Испании финансовые отношения между центром и регионами лишены необходимой согласованности, рациональности, транспарентности и нуждаются в серьезном реформировании.

И еще одно важнейшее свидетельство того, что государство автономий является унитарным. В федеративных государствах субъекты федерации активно участвуют в проведении федеральной политики, прежде всего в принятии решений, касающихся федерации в целом. В Испании участие автономных областей в политике федерального правительства незначительно и плохо структурировано. Во многом это объясняется ролью сената. В федеративных государствах наличие мощной и влиятельной второй палаты парламента означает право субъектов федерации участвовать в разработке и осуществлении общенациональной государственной политики. В Испании сенат, считающийся органом территориального представительства, в реальности не является органом коллективного представительства автономных областей в отношениях с центром. Сенат представляет по большей части провинции. В каждой из 50 провинций, независимо от размера и числа жителей, выбирается по 4 сенатора. Остальные сенаторы назначаются парламентами автономных сообществ – как минимум один сенатор на регион и дополнительно один сенатор на каждый миллион жителей. Эти сенаторы не столько обеспечивают представительство территории региона в национальном парламенте, сколько воспроизводят партийно-политическую структуру каждого автономного сообщества.

Оценивая перспективы дальнейшего продвижения государства автономий в сторону федералистской модели, необходимо разделять юридическую и фактическую стороны этого процесса. Возьмем юри-

дическую сторону дела. Конституция Испании запрещает создание федерации. И сомнительно, что в обозримом будущем это важнейшее положение Конституции будет пересмотрено. И дело здесь не только в позиции части испанской политической элиты, которая категорически против любых изменений Конституции. Очень важна историческая память миллионов испанцев. Федерализм в Испании отождествляется с I и II республиками. А они воспринимаются в сознании значительной части испанцев как время хаоса, смуты и потрясений. Если во многих странах в федерализме видят альтернативу распаду государства и гражданской войне, то в Испании в силу особенностей исторического развития по крайней мере часть населения ассоциирует федерализм с сепаратизмом и угрозой распада государства. Поэтому, как мне кажется, замена в испанской Конституции понятия «государства автономий» на понятие «федерация» равнозначно революции, потрясению основ.

Что же касается фактической стороны дела, а именно дальнейшего развития федеративных начал государства автономий, то вероятно дальнейшее продвижение в этом направлении. Многие автономные области Испании заинтересованы в расширении круга своих полномочий и готовятся реформировать свои статуты. Во многом к этому их подталкивает развитие европейской интеграции и тенденция движения к «Европе регионов», диктующая необходимость расширения самостоятельных внешних контактов. По данным различных социологических опросов, порядка 2/3 испанцев высказываются за расширение автономиями круга своих полномочий.

Однако развитие федеративных начал будет делом непростым, например, реформирование сената. Председатель правительства Испании Родригес Сапатеро неоднократно заявлял о готовности осуществить эту реформу. Однако в реформировании сената не заинтересованы ни другая палата кортесов, конгресс депутатов, с которым сенат в этом случае сравняется по степени влияния, ни 250 нынешних сенаторов, которые потеряют свои места, ни руководители политических партий, которые должны будут устраивать нынешних сенаторов на новую работу. Не исключено, что Родригес Сапатеро столкнется со скрытым сопротивлением реформе сената и в самом правительстве, которое должно будет постоянно прислушиваться к мнению последнего.

Возьмем другую проблему. Часть автономных областей хочет изменить свой юридический статус и зафиксировать это в реформируемых статутах.

Правительство заявляет о готовности поддержать реформированные статуты автономий при условии, что они будут основаны на согласии большинства политических сил автономных областей и не будут противоречить Конституции. Однако пока остается неясным, каковы пределы уступок, на которые готово пойти правительство многим автономным сообществам. Принципиально важно также, что социалистам при одобрении статусов автономии и реформировании некоторых статей Конституции (если они решатся на этот шаг) потребуется поддержка других парламентских партий, прежде всего Народной партии. Раньше вопросы развития Государства автономий решались посредством соглашений между ведущими партиями. Однако добиться такого согласия теперь будет трудно, учитывая резко выраженную оппозиционность НП после ее поражения на выборах в марте 2004 г. многим аспектам нынешнего курса правительства ИСПП.

Представляется, что испанский вариант регионального государства в форме Государства автономий сохранится в обозримом будущем и будет развиваться параллельно процессам эволюции европейского федерализма. Со времени своего формирования в конце 1970-х гг. Государство автономий демонстрирует свою гибкость, способность к реформированию и резервы для его дальнейшего совершенствования отнюдь не исчерпаны.

## Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве

**И. Л. Прохоренко**

С последней трети XX в., в период стремительного нарастания глобализации во внутренней жизни государств и практике международных отношений понятие «пространство» все чаще используется как самостоятельная научная категория, отнюдь не как синоним понятия «территория». И если, по мнению политологов, к примеру, Н. А. Косолапова, в основе территории лежит физико-географическая и природно-биологическая реальность, понятие пространства относят обычно к реальности социальной. Пространством становится организованная территория, приспособленная для жизни и деятельности человека. Таким образом, человек живет на территории и в пространстве<sup>1</sup>. Также с категорией пространства в политологии связано понятие «сила».

По мнению М. Китинга, «как социальная сущность, пространство образуется моделями обмена в социальной жизни, устройством гражданского общества и моделями социальной солидарности. Чувство идентичности – это фактор, который основывается на этих процессах и, в свою очередь, упрочивает их территориальную основу»<sup>2</sup>.

Пространство рассматривается в философии в единстве с категорией времени, которое выражает длительность бытия и последовательность смены состояний материальных систем и процессов в мире. При этом время одномерно, асимметрично и необратимо, а любая материальная система существует и развивается по своему собственному времени. Норвежский специалист по международным отношениям Ивер Нойманн следующим образом характеризует пространство и время в отношении современного государства: «Если реальность национального государства в пространстве засвидетель-

<sup>1</sup> См.: Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭиМО. 2005. № 6. С. 6–7.

<sup>2</sup> Китинг М. Новый регионализм в Европе // Логос. 2003. № 6 (40). С. 73.

ствована его территорией, то реальность государства во времени является вопросом добывания себе истории»<sup>3</sup>.

Процесс автономизации в постранкистской Испании был обусловлен исключительно внутренними причинами, прежде всего, исторического характера и явился неотъемлемой составной частью процесса перехода страны от авторитарной диктатуры к демократии. Предоставление прав автономии регионам рассматривалось как непереносимая часть демократизации страны, перед которой стояли задачи модернизации, причем не только в экономическом плане. Европейский выбор политического руководства государства и испанского общества, стремление Мадрида войти в состав европейских структур и институтов тогдашнего Европейского экономического сообщества отнюдь не предполагал предварительного условия проведения реформ административно-территориального устройства страны. Это объясняется и самим развитием европейской интеграции: сразу после Второй мировой войны она поначалу была направлена на экономику и реализовывалась в стиле кабинетной политики XIX столетия. Лишь с середины 1980-х гг. интеграция распространяется на политические сферы, а к руководству стран Сообщества начинает приходить понимание включения широкой общественности в интеграционный процесс и необходимости демократической легитимизации процесса объединения Европы.

Напротив, с середины 1990-х гг. процесс европейской интеграции выступил своеобразным катализатором дальнейшего развития процесса автономизации в Испании. В экспертном сообществе спорят о влиянии европейской интеграции на укрепление регионов в пространстве ЕС. И хотя кто-то из ученых отрицает всякое влияние европейской интеграции на силу регионов, считая, что влияние регионов на решения, принимаемые в Европейском союзе, ограничиваются сферой исключительно внутренней политики государств, а центральные правительства могут добиться преимущества над возможными альянсами регионов и наднациональных институтов, некоторые видят в ней часть более широкого процесса трансформации национального государства или даже его упадка. Для многих очевидна возможность усиления регионов в европейском проекте, если бы такие наднациональные институты, как Европейская Комиссия или Европарламент, стали союзниками для регионов Европы, помогая последним добиться желаемого для них влияния или избежать нежелательного для них

<sup>3</sup> Нойманн И. Использование «Другого». М., 2004. С. 158.

контроля со стороны центрального правительства. К примеру, в 1980-е гг. тогдашний лидер каталонских республиканцев Э. Баррера, приветствуя вступление Испании в ЕЭС, заявил: «Мне кажется это весьма необходимым потому, что чем больше мы будем европейцами, тем меньше мы будем испанцами»<sup>4</sup>. Спустя десять лет Жорди Пужоль, бывший председатель Женаралитата Каталонии, давая интервью иностранному периодическому изданию, подчеркивал, что является горячим сторонником европейской интеграции, в частности потому, что воспринимает ЕС как союзника, помогающего дистанцировать Каталонию от Испании<sup>5</sup>. Впрочем, некоторые исследователи, например, Э. Хобсбаум, считают проводимую Европейским союзом политику поддержки регионов в существующих национальных государствах *de facto* политикой поощрения сепаратизма, что быстро поняли шотландские и каталонские националисты<sup>6</sup>.

На политическом уровне процессы глобализации и постмодернизации влекут за собой создание наднациональных институтов. В этом смысле ЕС представляет собой высоко институализированный политический проект с развитой системой формирования и принятия решений. Наряду с этим процесс принятия решений в рамках государств единой Европы становится функционально дифференцированным и многоуровневым и протекает в совершенно несхожих между собой сферах, где государству приходится взаимодействовать с самыми различными действующими лицами. Именно поэтому некоторые исследователи называют «новым Средневековьем» («новым медьевализмом») нынешнее состояние политических отношений в Европе.

Политическая идея «Европы регионов» имеет далеко идущие последствия. В основополагающих документах ЕС закреплены деятельность Комитета регионов, а также участие регионов в работе Совета министров. Маастрихтский договор ввел в договорную базу Европейского союза принцип субсидиарности. В Европейском парламенте региональные партии набирают все больший политический вес. Действуют Ассамблея европейских регионов, Совет европейских муниципалитетов и регионов в качестве европейской секции Международного союза местного самоуправления, Конференция регионов морского побережья, Ассоциация европейских регионов

<sup>4</sup> Цит. по: Sole Tura J. Los Estados y los pueblos en el proceso de unidad europea // Sistema. 1988. № 86/87. P. 135.

<sup>5</sup> Newhouse. 1997. № 77.

<sup>6</sup> Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 58.

индустриальной технологии и т. д. Основным инструментом продвижения интересов регионов остается лоббистская деятельность. Представительства регионов в Брюсселе занимаются сбором и распространением информации, взаимодействием с другими регионами и региональными группировками, ставя своей целью повлиять на процесс принятия решений на общеевропейском уровне.

Нельзя не упомянуть о работах Энджелы Борн из шотландского университета Данди, посвященных изучению влияния ЕС на силу Страны Басков. В подтверждение негативной оценки подобного влияния исследовательница приводит, в частности, решение вопросов так называемого форального права в отношениях центра и этой исторической области Испании<sup>7</sup>. В конце 1990-х гг. центральные испанские власти подняли вопрос о соответствии налогового режима Страны Басков в испанских судах различной инстанции и в Европейском суде. Власти Страны Басков фактически признали поражение, согласившись с мнением европейского Суда, Европейской комиссии и центрального правительства Испании, что следует пересмотреть некоторые спорные аспекты особого налогового режима автономного сообщества.

Некоторые исследователи полагают, что анализ процессов интеграции и глобализации позволяет говорить о неприменимости во многом концепции центра и периферии Стейна Роккана к нынешним условиям. Понимание Рокканом парадигмы «центр-периферия» предполагает конфликт между центром и периферией, когда целью государства (т.е. центрального правительства) является интеграция и ассимиляция, а периферии отводится задача сопротивления и приспособления. Сегодня государство (центр) не выступает более соперником своей периферии, напротив, открывает пути к экономическому сотрудничеству регионов как с Европейским союзом, так и регионами других стран, поскольку выигрывает от процветания регионов. К примеру, олимпиада 1992 г., проводимая в столице Каталонии, дала мощный импульс развитию не только Барселоны как мирового мегаполиса, но и автономного сообщества Каталонии и всей Испании в целом. Аналогичным образом можно рассуждать о последствиях для страны успехов индустрии туризма и сообщений в той же Каталонии. В интеграционном процессе происходит взаимодействие правящей государственной элиты с различными акторами – ЕС, региональными местными и муниципальными элитами, бизнес-элитами, различными

<sup>7</sup> См., напр.: Bourne A. The impact of European integration on regional power // *Journal of Common Market Studies*. 2003. Vol. 41. № 4. P. 611.

группами интересов. Однако проблемы и конфликты в отношениях между центром и регионами в единой Европе и, в частности, в Испании остаются.

Интеграция дала возможность жителям регионов Европы обрести множественную идентичность, а региональным элитам – так или иначе участвовать в процессе разработки и принятия решений в Европейском союзе. Вместе с тем усиление политического веса регионов в европейском пространстве в ряде случаев не может снизить накал сепаратистских устремлений. Ведь если рассматривать интеграцию и глобализацию как реструктуризацию и ретерриториализацию международного пространства, поиски самобытности и партикуляризм естественным образом становятся обратной стороной глобализационных процессов. К тому же вновь начались споры политологов и экономистов об оптимальных размерах государств. В условиях, когда процессы глобализации и европейской интеграции бросили вызов традиционно большим по размерам государствам, приводятся все больше аргументов в защиту концепции небольшого по размеру государства, которым легче управлять. Среди подобных аргументов – создание таможенного и валютного союза, введение евро (что облегчило бы возможным новым независимым государствам избежать необходимости создавать собственную национальную валюту и защищать ее на международных рынках), а также невозможность для европейских держав решать вопросы национальной безопасности в одиночку.

Появился и совершенно новый фактор: регионализация (в случае с Испанией – автономизация) государств зачастую приводит к тому, что регионы, до этого не имеющие особых языковых, этнических или иных черт, становятся потенциально сепаратистскими. В качестве примера можно привести происходящее сегодня в Валенсии, в отношениях Мурсии и Каталонии, я имею в виду проблему придания местным языкам статус всеобъемлющих в автономных сообществах, а также официальных языков ЕС. Может быть, сегодня это не так просто себе представить, однако я все же присоединюсь к мнению тех исследователей, которые считают, что превращение каталанского во всеобъемлющий язык лишит бедных жителей этого двуязычного региона изначального преимущества владеть одним из немногих крупных разговорных и письменных международных языков. Но главная опасность здесь таится в том, что наблюдаемая языковая балканизация Испании может привести к балканизации политической. Ведь лингвистические отличия напрямую связаны с вопросом

политической идентичности. Анализ нового Статута Каталонии ясно показывает, что полномочия регионов в рамках Европейского союза явно не удовлетворяют тех, кто ставит своей конечной целью создание независимого государства. Впрочем, вероятность подобного сценария напрямую зависит от перспектив развития европейского проекта интеграции, от существующей или планируемой стратегии развития Евросоюза.

## О проблемах нелегальной иммиграции в Испании

**Г. И. Волкова**

Нелегальная иммиграция для Испании, равно как и для многих государств Евросоюза, – явление отнюдь не новое. Большинство иммигрантов, преимущественно из стран Латинской Америки и Марокко, для проникновения на территорию Испании использует современные средства и возможности: прибывают на борту авиалайнеров или круизных судов с действительными паспортами и въездными трехмесячными визами под видом туристов. В последнее же время власти Испании бьют тревогу по поводу нарастающего потока нелегальных иммигрантов из стран «черной Африки» на Канарские острова. Только за август 2006 г. на берегах архипелага высадились более 5 тыс. африканцев (это на 180 человек больше, чем за весь прошлый год). Всего же за восемь месяцев 2006 г. число нелегалов превысило 19 тыс. человек. Поступают все более тревожные сообщения о том, что иммиграционные центры на Канарских о-вах переполнены, сотрудники спасательных служб едва успевают оказать прибывающим первую медицинскую помощь, репатриационные механизмы не срабатывают, т. к. африканцы, отправляясь за лучшей жизнью в Европу, сознательно не берут с собой документы и возвращаться в родные страны категорически отказываются (из 19 тыс. человек, добравшихся до Канарских островов за восемь месяцев 2006 г., 11 862 нелегалов были впоследствии переправлены на Иберийский полуостров)<sup>1</sup>. В довершении всех бед в июле–августе 2006 г. отмечено увеличение иммигрантов, пытающихся достичь берегов континентальной Испании через Гибралтарский пролив. В прошлом этот путь был излюбленным для выходцев из стран Магриба. Однако благодаря усилению берегового контроля со стороны полицейских подразделений Испании, Марокко и Алжира нелегальные иммигранты вынуждены в последнее время искать другие способы проникновения в Европу.

Усиление иммиграционного давления на Европу специалисты объясняют главным образом растущим жизненным уровнем в странах

---

<sup>1</sup> El País. 12.09.2006. P. 12.

Евросоюза и бедственным положением большинства жителей Африки. В немалой степени испанцы, равно как и другие еэсовцы, стали заложниками собственного либерального законодательства, обязывающего оказывать помощь иммигрантам, обнаруженным в пределах 40-мильной прибрежной зоны. После 40 дней пребывания в фильтрационных лагерях канарские власти вынуждены переправлять большинство африканцев на материковую часть Испании, где те «растворяются» внутри страны или же ухитряются переехать в соседние еэсовские страны, преимущественно во Францию, Германию и Великобританию. Таким образом, Испания, имеющая африканский «аванпост», превратилась в вожделенную для нелегалов внешнюю границу Евросоюза<sup>2</sup>.

Испанскими экспертами подмечен важный и настораживающий факт. Среди многочисленных африканских иммигрантов, проникающих на Канарские острова, немало людей, долгие годы занимавшихся промыслом рыбы в районах, прилегающих к архипелагу Кабо-Верде. Только в Мавритании прибрежным ловом до недавнего времени занимались 600 тыс. человек. Отвечая на расспросы иммиграционных властей, бывшие рыбаки рассказывают, что вынуждены бросить это занятие из-за истощения рыбных запасов. Конкурентами африканских кустарных промысловиков являются хорошо оснащенные рыболовецкие траулеры из Испании, Португалии, Франции, Греции, Японии, Кореи и России, которые и вылавливают основную массу рыбы. Для таких стран, как Мавритания и Гвинея-Биссау, продажа зарубежным компаниям лицензий на лов рыбы является одной из важнейших доходных статей бюджета. Зачастую лицензии продаются без учета задачи по восстановлению природных ресурсов. За последние 50 лет, по экспертным оценкам, запасы рыбной биомассы в восточной Атлантике сократились на 50%. Таким образом, в определенной мере ответственность за обнищание африканцев и, как следствие этого, рост нелегальной иммиграции в Европу лежит на самих европейских странах, лишаящих африканцев традиционных источников питания и средств к существованию.

Радикальное преодоление иммиграционного кризиса видится испанцам в содействии социально-экономическому росту африканских стран, осуществлении комплексных программ по сдерживанию нелегальной иммиграции, усилению кооперации между принимающими, буферными и странами-исхода. Однако отдачу от подобных мер можно ожидать лишь в средне- и даже долгосрочной перспективе, а

<sup>2</sup> El País. 07.09.2006. P. 14.

проблема обостряется день ото дня. Местные эксперты предсказывают ухудшение ситуации, т. к. в различных зонах Мавритании и Сенегала, по предположениям испанских миграционных служб, ожидают своей очереди к отплытию более 100 тыс. африканцев, которых не пугает высокий процент гибнущих во время пути (за восемь месяцев этого года испанские береговые службы обнаружили более 400 трупов)<sup>3</sup>.

Ведущая оппозиционная сила страны – консервативная Народная партия, избравшая тактику жесткой конфронтации с правящей социалистической партией, – критикует правительство за медлительность, неэффективность и отсутствие четких планов как по сдерживанию потока нелегалов, так и социальной адаптации иммигрантов. Оппозиция предлагает в срочном порядке принять соответствующие законы и разработать комплексную программу действий, подкрепленную необходимыми финансовыми и техническими средствами<sup>4</sup>. Констатируется, что бюджетные расходы на эти нужды могут оказаться весьма существенными, т. к. содержание одного нелегала в фильтрационных центрах обходится казне в 900 евро ежемесячно.

Следует признать, что в комментариях испанских специалистов иммиграционный вопрос рассматривается не только как «проблема», но и как «благо». Согласно докладу экспертов банка «Кайша Каталунья», без трудового вклада иммигрантов ВВП Испании недополучал бы 0,64% своего ежегодного прироста. Процент работающих иммигрантов в возрасте от 16 до 64 лет составляет 76%, в то время как среди испанцев составляет всего лишь 55%<sup>5</sup>. Таким образом, большинство иммигрантов, особенно из стран Латинской Америки и Магриба, не являются «обузой» для общества, а, напротив, своим трудом – зачастую низкооплачиваемым – содействуют экономическому прогрессу страны. Добавим в этой связи, что в последние годы Испания превратилась в одну из наиболее привлекательных для иммигрантов стран. За период с 1995 по 2005 гг. ее население увеличилось на 4,2 млн человек, из которых 79,4% составили иммигранты.

Собственных средств для сдерживания иммиграционных потоков испанцам явно недостаточно. Они справедливо сетуют на нерасторопность и забюрократизованность Еврокомиссии, не оказывающей Мадриду должного содействия. Обещанная еще три месяца назад помощь

<sup>3</sup> Sami Nair. Y vendrán... Las migraciones en tiempos hostiles. Editorial Bronce, 2006.

<sup>4</sup> El País. 12.09.2006. P. 17–18.

<sup>5</sup> ABC. 14.09.2006. P. 27.

стран ЕС в виде катеров береговой охраны и патрульных авиасредств поступает с большим опозданием и не в полном объеме.

С учетом остроты проблемы Мадрид резко активизировал дипломатические усилия с целью добиться от партнеров по ЕС безотлагательного материально-технического и финансового содействия. Иммиграционная тематика оказалась в центре переговоров первого вице-преьера правительства М. Т. Фернандес де ла Веги с финским руководством в Хельсинки 29 августа 2006 г. Президент Т. Халонен и премьер М. Ванханен признали остроту проблемы и обещали содействие финского председательства. Однако от конкретных обещаний уклонились. Много слов солидарности, но минимум реальных обязательств увезла М. Т. Фернандес де ла Вега и из Брюсселя, где 30 августа она встречалась с руководителями КЕС. Испанке было дано понять, что на обильную, а главное, незамедлительную щедрость со стороны Евросоюза рассчитывать не следует. Требуемых Мадридом денег просто нет – значительные ассигнования на иммиграционную политику заложены на 2007–2013 гг., а бюджет этого года уже, дескать, выбран. К тому же, как подчеркивают в Брюсселе, испанцы не исключение: под не менее плотным иммиграционным прессингом находятся сейчас мальтийцы и итальянцы.

Буксующая еэсовская солидарность вынуждает правительство Х. Л. Родригеса Сапатеро заняться поиском дополнительных возможностей. Предлагается, в частности, проведение экстренного совещания высоких представителей Испании, Франции, Италии, Португалии, Греции, Кипра, Мальты и Словении для разработки совместной модели охраны морских границ. Принятые на встрече рекомендации, как считают в МИД Испании, могут лечь в основу решений декабрьского саммита ЕС по совместной иммиграционной политике.

Одновременно испанское руководство настойчиво работает с буферными странами, прежде всего Марокко, Алжиром и Мавританией, с целью заключения с ними соглашений о реадмиссии. Марокканцы и алжирцы упрямятся, заявляя, что готовы, мол, забирать своих граждан, но не желают нести ответственность за выходцев из «черной Африки», пробравшихся в Европу через их территорию<sup>6</sup>. В ответ Рабату приводят пример России, которая подписала в 2006 г. с Евросоюзом соглашение о реадмиссии.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сложная и неоднозначно трактуемая у нас иммиграционная проблематика, отнюдь не новое явление для России. Можно с большой долей уверенности предсказать

по мере повышения жизненного уровня россиян увеличение притока в нашу страну иммигрантов, в т. ч. и нелегальных. Представляется, что опыт Испании, равно как и Евросоюза в целом, мог бы оказаться востребованным для разработки долгосрочной, сбалансированной и научно обоснованной политики, целью которой является, с одной стороны, поощрение легальной, полезной и приемлемой для интересов России иммиграции, а с другой, противодействие хаотичной, противозаконной и неоправданной иммиграции, которая в последствии способна оказаться «миной замедленного действия» в виде катализатора социальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

<sup>6</sup> Agencia "Europa Press". Informativos 01.10.2006.

# «Воспоминание о будущем»? (Североафриканская иммиграция в Испании)

**А. Н. Кожановский**

Испания рубежа XX–XXI столетий – как известно, одна из самых развитых стран современного мира, органичная часть ныне процветающей Западной Европы, вместе с ней входящая в ареал обитания так называемого «золотого миллиарда» и, соответственно, привлекающая массовую миграцию из других, менее благополучных стран мира. При этом демографические процессы в среде коренных обитателей Испании не обеспечивают – и это также уподобляет ее большинству западноевропейских соседей – прироста населения, потребного для ее не то что успешного, но даже нормального развития. Так что постоянный иммиграционный приток на территорию страны является для нее жизненно необходимым, и с этим как будто согласны все серьезные эксперты, да и просто все думающие испанцы.

Вместе с тем проникновение в страну и оседание в ее пределах большого количества чужеземцев – как бы ни различались оценки, счет в любом случае идет на миллионы – ставит не только государственные и местные власти, но и испанское общество в целом перед множеством сложных и серьезных проблем, прежде всего, социального и культурного характера. Проблемы эти достаточно универсальны для большинства стран, которым приходится с ними сталкиваться – при том, что, конечно же, в каждом случае неизбежно имеют место свои особенности, обусловленные исторически сложившимся своеобразием данного общества и обстоятельствами переживаемого им момента. И вот на что хотелось бы обратить внимание в случае с Испанией.

Прежде всего это, конечно, само ее географическое положение – на краю «европейского мира», в непосредственном соседстве с Черным континентом, – которое естественным образом делает ее ближайшей целью мигрантов-африканцев, причем не только тех, кто стремится именно сюда, но и тех, кто намерен через ее территорию перебраться в другие страны Европы; в результате «иммиграционный

напор» на испанские границы относительно более высок в сравнении с большинством прочих западноевропейских.

При этом, по своеобразной исторической иронии, на протяжении длительного времени, исключая лишь самые последние десятилетия, Испания сама была страной эмиграции, откуда каждый год, уже традиционно, многие тысячи людей отправлялись, кто на время, а кто и навсегда, на чужбину – на поиски лучшей доли. Основными направлениями этого движения были американский континент и – с 1960-х гг. – Западная Европа. Соответственно, иностранцев, которые с теми же целями стремились бы обустроиться в Испании, в сколько-нибудь ощутимом количестве там до известной поры не наблюдалось (с избытком хватало собственных граждан, согласных на любую работу). И вдруг, в исторически очень короткий срок, в конце XX столетия, все изменилось, страна покончила с отсталостью и диктатурой, качество жизни в ней по многим параметрам значительно улучшилось, и одним из неизбежных следствий этих благоприятных метаморфоз стала ее многократно возросшая привлекательность для многих соседей по планете, которых не устраивают условия существования у себя на родине. Количество иностранцев, людей изначально иной культуры, религии, иного языка, оседающих на испанской земле, стало быстро увеличиваться – и это оказалось непривычным, вошло в противоречие с устоями мировосприятия значительной части местного общества, сформированными в предшествующих, совершенно иных, условиях существования, породило во многих случаях более обостренную, а то и болезненную реакцию на присутствие «чужаков» по соседству, чем та, что наблюдалась в аналогичной ситуации в странах, уже имеющих опыт сосуществования «коренных жителей» и иммигрантов.

Либерально-демократические порядки, утвердившиеся в Испании в ходе постфранкистских преобразований, способствовали тому, что и проникновение на территорию страны извне, и пребывание там, даже на нелегальном положении, на какое-то время оказались существенно облегчены в сравнении с тем, что имело место еще недавно, при авторитарном режиме – чем и не преминули воспользоваться сотни тысяч иммигрантов. И хотя теперь испанские власти чем дальше, тем решительнее закрывают страну от неконтролируемого въезда, все же в отношении тех иностранцев, кто уже обосновался в Испании, превагирует стремление легализовать их, «вывести из тени», если они находятся здесь неофициально, и вместе с теми приезжими, кто уже имеет законное право жить и работать в стране, включить в процесс интеграции в испанское общество. При этом всячески подчеркивается



необходимость уважать культурно-языковые особенности иммигрантов, не допускать дискриминации по признаку происхождения или же какого-либо поправа их прав и интересов. Нужно сказать, что такая постоянно и повсеместно декларируемая лояльность и уважительность к исходной специфике, «непохожести» отдельных групп на численно преобладающее большинство не только диктуется идеологией доминирующей ныне т. н. «политкорректности», но и логично вписывается в общий контекст внутрииспанской жизни последних десятилетий, когда жестко централизованный режим сменился «государством автономий» и при этом многочисленные формы языкового и культурного своеобразия (в том числе игнорировавшиеся или даже находившиеся под запретом) обитателей всех регионов Испании получили не только общественное, но и административное признание, стали объектом всеобщего внимания и поддержки.

Важной особенностью иммиграции в Испании является то, что в ее составе присутствует – и в последние годы ощутимо возрастает – доля «пришельцев», которые изначально нацелены именно на Испанию, – по той причине, что для них она всегда была чем-то вроде «исторической родины», «*patría-madre*». Это выходцы из стран, входивших в свое время в созданную испанскими монархами обширную империю, «над которой никогда не заходило солнце»; доминируют среди них, конечно же, многочисленные латиноамериканцы. Нужно сказать, что в испанском обществе в целом, включая в данном случае и административные структуры, существует представление о своего рода «историческом долге» Испании перед обитателями прежних владений испанской короны, о неразрывной исторической связи с ними, диктующей, в частности, повышенный интерес к судьбам бывших – хотя бы и в очень отдаленные времена – соотечественников. Соответственно в глазах многих испанцев эти люди обладают опять же «историческим» правом на особое, более благоприятное (в сравнении с уроженцами других уголков Земли) отношение к себе, если прибывают в Испанию как иммигранты.

На фоне всего вышесказанного несколько выделяется, однако, ситуация с одной из иммигрантских групп, также появившейся здесь сравнительно недавно, также исторически связанной с испанской землей и в данный момент насчитывающей как минимум несколько сотен тысяч человек. Речь идет о североафриканских мусульманах – арабах и берберях, в подавляющем большинстве выходцах из Марокко. С одной стороны, эти люди, казалось бы, в полной мере олицетворяют собой ту категорию иммигрантов, которая вправе рассчитывать на самое благоприятное отношение к себе в «принимающей» стране: они

предоставляют Испании столь необходимые ей – в силу демографических и иных проблем – рабочие руки, особенно в хозяйственных отраслях, не требующих высокой квалификации; они изначально обделены жизнью и связывают единственную надежду на улучшение своего убогого положения с переселением в Испанию, и разве поддержать их – не долг тех, кто уже давно наслаждается благополучием? Их родина граничит с Испанией, к тому же в не столь уж отдаленном прошлом значительная часть нынешнего Марокко входила в состав испанских владений – налицо как «соседские», так и исторические связи и обязательства... Однако, с другой стороны, североафриканские арабы-мусульмане (исторически – «мавры») воплощают собой то многослойное и многофакторное явление, многовековые и очень непростые отношения с которым не только оказали сильнейшее воздействие на историю страны, но и глубоко пропитали ее культуру, общественное сознание, язык и т. д. Более того, в местном обществе, с участием наиболее видных мыслителей, не прекращается спор о том, как – позитивно или негативно – оценивать значение мавританского влияния для страны и ее населения. Появление и оседание (после долгого перерыва, длившегося со времен позднего Средневековья) на испанской земле многочисленных мусульман из Магриба поставило своего рода опыт над испанцами на предмет того, какова сила здесь коллективной исторической памяти и насколько она может влиять на текущие события.

В этом смысле можно констатировать актуализацию образов и стереотипов, принадлежащих, казалось бы, далекому прошлому, и более того: конструирование политических проектов, прямо претендующих на «историческую преемственность». Уже в 1970-е гг. стали появляться сообщения о добровольном обращении в ислам коренных испанцев, и именно от них в разгар послефранкистских социально-политических реформ, в атмосфере всеобщего общественного возбуждения и пересмотра прежних ценностей и постулатов, последовали призывы «восстановить историческую справедливость» в отношении мавров, побежденных и изгнанных когда-то христианскими монархами Испании. Варианты предлагались и активно обсуждались самые разные – от финансовых компенсаций потомкам до восстановления мусульманского государства на юге Испании. Примечательно, что и противники пересмотра традиционной антимавританской трактовки испанской истории описывали происходящее в 1980-е гг. в тех же понятиях и терминах исторического противоборства на испанской земле христианского и мусульманского начал, апеллируя к недопустимости набирающего, по их мнению, силу «исламского

реванша» и настаивая на подтверждении – словом и делом – сугубо христианской и европейской сути Испании. Эти настроения, очевидно переключившиеся с «идеологией крестовых походов», получили вполне объяснимое подкрепление в результате кровавых терактов в сентябре 2001 г. в Америке и в марте 2004 г. в Мадриде, вплоть до ставших широко известными прямыми отождествлений текущих событий рубежа XX–XXI вв. с завоеванием погрязшей в раздорах вестготской Испании агрессивными исламистами из Северной Африки.

Конечно же, нынешняя атмосфера в стране совсем не такова, чтобы взгляды тех, кто воспринимает местную арабо-мусульманскую общину как «пятую колонну» грядущего исламского реванша, убежденно отрицая желание и способность этих людей интегрироваться в испанское общество и требуя «второй Реконкисты», могли стать доминирующими, – однако нельзя не видеть некоторой настороженности части граждан страны по отношению именно к данной группе иммигрантов, как и того, что проблематика, связанная с пребыванием в стране многочисленных североафриканских мусульман, постоянно находится в центре внимания и очень заинтересованно обсуждается – как правило, с использованием исторических сравнений. При общей поддержке курса на интеграцию иммигрантов то и дело возникают споры: то о роли исламских стран в воссоздании в Испании мусульманской инфраструктуры (строительство мечетей, учебных и культурных центров и т. д.); то о том, способствует ли т. н. «мультикультурное» обучение иммигрантских детей интеграции – или же, напротив, культивирует и закрепляет их обособленность; то о самой интеграции (чего, собственно, следует от нее ожидать, возможно ли превращение иммигрантов из Северной Африки и их потомков в лояльных испанских граждан – или же они будут лояльны только своим религиозным вождям?); то о правомерности использования культурно-географических критериев для отбора тех, кому позволено будет в дальнейшем жить и работать в Испании, чтобы не поколебать ее исконную сущность, а кому (например, африканцам и мусульманам) нет – и т. д. Тем временем администрация страны наращивает усилия, чтобы не только контролировать въезд и законность пребывания иностранцев на испанской земле, но и иметь представление о деятельности всевозможных культурных, религиозных, образовательных и прочих организаций, созданных там приезжими, – во избежание развития в их рамках негативных для стабильности государства тенденций. Явно с этими же целями в систему государственного обучения вводятся «уроки ислама» для детей из мусульманских семей –

чтобы не отдавать столь важную и ответственную сферу идеологического воспитания на откуп случайным или злонамеренным людям.

Стоит, может быть, обратить внимание на то, что известные волнения 2005 г. во Франции, в которых активную роль играли выходцы из иммигрантской мусульманской среды и которые перекинулись на ряд других западноевропейских стран, в Испании как будто не нашли никакого отклика...

# Reading Mediterranean dualism from Spain's perspective

## F. López Mora

*The aim of this paper is to set forth a few considerations about the relationship between Spain and the Mediterranean region. Within the context of the European Union, it is well known that the Mediterranean Dialogue has become an important issue based on the perception of the southern rim of the Mediterranean Basin as cause of international risk. Spain has clearly played a central role in many initiatives in the region over the last few decades: from the launch of the so-called Euro-Mediterranean Process, initiated in the Barcelona Conference of 1995, to the development of current governmental theories about the "Alliance of Civilizations" which should affect this geopolitical context to a great extent.*

For Spaniards, the Mediterranean historically typifies a cultural past brimming with interdependencies and ancient contacts. All of this has created in Spanish cultural representations the myth of a region that boasts special creativity, an area of reciprocities and multiple encounters, of combinations, crossings and fusions. Such historical affirmations have given rise to a certain particularism: through a mixture of history and above all imagination, this region is usually presented as an entity. Hence, from this culturalist perspective, the Mediterranean should represent an intimate marriage between history and geography: a kind of affiliation of spaces, memory and future projection.

Spanish literature about the Mediterranean is replete with references to the ambiguity and problematic nature of sketching out the region as a whole. It is well known that the Mediterranean is a spatial entity made up of complex, contradictory and ever flexible contours. And as mentioned above, within the European Community, there is a tendency to adopt a split focus – North/South – of the Mediterranean Basin, taking into account its diversity and the multiple fractures that exist between the two shores.

Yearned for and feared at the same time, gathering together or fracturing apart, perennial and unstable, the Mediterranean multiplies paradoxes. As a result of all its differentiations – demographic, socioeconomic,

political and cultural – and in an international context where nerves are frayed, the Mediterranean is cause for concern in two ways. On the one hand, the mass of tensions and fragilities gives rise to a certain feeling of permanent instability. On the other hand, no one can ignore that this region is a hotspot for problems pushed even further by the new international strategic context and recent terrorist threats. The latter reason might well explain the remarks often repeated in Spain that to read the modern day Mediterranean is also, to a certain extent, to initiate a general reading of the world in which we live, where everything is in play: the weight of the past, new challenges, inequalities and uncertainties, ...but also hopes. As a Sea, therefore, the source of risks, crystalliser of contemporary problems, the Mediterranean always disquiets...

Against this backdrop of contradictions, what, therefore, is the Spanish perspective?

Historically, the political push aimed at orchestrating a series of Mediterranean actions from within Spain can be qualified as inconsistent and imprecise. In the origin of these circumstances, inexplicable when taking into account the geographical position of Spain, various issues become evident. It has been remarked that the gradual abandonment of Mediterranean politics throughout the Modern Era, at the same time as Spain's peninsular unity project began to emerge, determined the withdrawal of economic, social and even political practices that entailed looking towards the Mediterranean<sup>1</sup>. From then on, the possibilities for international relations were limited chiefly to Europe and Spanish America. It was only later on, following the collapse of the Spanish empire in 1898, that the ties that reached across the Atlantic were broken and alternative international positions other than Latin Americanism were taken up once again, of which one of the most strongly pursued was precisely the recovery of the Mediterraneanist vocation<sup>2</sup>.

Furthermore, despite the sporadic efforts to develop a global presence in the Mediterranean, Spain has historically focused its attention on the Western Mediterranean and has a particular fixation with Morocco, Spain's former protectorate in the north of the country. In view of the historical circumstances in which Spanish foreign politics developed in the early twentieth century, one can understand why Spanish interest remained limited to the Western area and why the main concerns of Spain's central

<sup>1</sup> Cfr. Mendez Pidal R. *Idea imperial de Carlos V*. Madrid, 1940.

<sup>2</sup> Marin Castan M<sup>a</sup> F. *La política exterior española entre la crisis de 1898 y la dictadura de Primo de Rivera // La política exterior española en el siglo XX* / Ed. by Calduch R. Madrid, 1994. P. 19–46.

government focused on military issues above trade, migratory and diplomatic aspects.

Subsequently, during Franco's regime, there was still no tried and tested comprehensive Mediterranean policy, although there were bilateral initiatives in place, especially with the Arab countries. Such initiatives, however, did not prevent the outbreak of serious armed conflicts in the region: The Ifni War and the Western Sahara Problem<sup>3</sup>.

Even the international Mediterranean action in the first years of Spain's transition to democracy was not comprehensive and only sought to establish a certain political and diplomatic equilibrium in the Maghreb, once again through bilateral relations in particular with Morocco and Algeria.

It was only when multilateral mechanisms and instruments began to appear following EU integration that Spain became more committed to introducing more comprehensive and dynamic policies. In this respect, it is important to bear in mind the effort made by the different Spanish governments to introduce in Brussels the problems of the southern Mediterranean. Proof of this endeavour can be found in the Madrid Peace Conference, held in October 1991, which initiated the peace process with the aim of controlling the escalating conflict between the Palestinians and the Israelis. Furthermore, there was an initiative to initiate dialogue between NATO and certain southern Mediterranean countries, which began with an informal meeting of Foreign Ministers held in Seville in 1994. The scope of this programme was significant and was recognised as such by the other EU member states. The culmination was the launch of the Barcelona Process of 1995, which led to the creation of the Euro-Mediterranean Association and which has defined, in spite of its widely accepted limitations, much of the framework of relations within the EU and between practically all the countries in the region.

It was a unique situation that facilitated the birth of this new framework of relations. On an international level, on the one hand, the consequences of globalisation were becoming clear and one response was the process of regionalisation, including the Euro-Mediterranean area. On the other hand, the notion that the clash of civilisations found in the Mediterranean would be a possible prime setting steadily gained popularity.

<sup>3</sup> Huguet M. Descubrir el Mediterráneo: una orientación recurrente en el ideario exterior franquista // Cuadernos de Historia Contemporánea, 19. 1997. P. 89–115. More detailed information can be found in: Algora Weber M. D. Las relaciones hispano-árabes durante el régimen de Franco: la ruptura del aislamiento internacional (1946–1950). Madrid, 1995; REIN, R. Franco, Israel y los judíos. Madrid, 1996.

Simultaneously, the expansion of the EU towards Eastern Europe highlighted with even greater clarity the limitations of the association model with Mediterranean countries, making it clear that Europe as a whole lacked an ambitious policy in its relations with the southern Mediterranean and particularly with the Maghreb. However, the new model of relations with the European periphery designed by the European Commission was set forth on the 11 March 2003 with the publication of the Communication entitled "*The neighbours of an enlarged Europe. A new framework for relations with Eastern and Southern Europe*".

Finally, this framework of Mediterranean relations was renewed around the same time as Spain held the Presidency of the European Union (2002), against an international backdrop that had been transformed by the effects of the terrorist attacks on the 11 September and the crisis in Palestine. The resurgence of war in Iraq and the terrorist attacks on the 11 March in Madrid made it even more pressing for the two shores of the Mediterranean to collaborate. From this new perspective, it is understandable that Spanish politics towards the Mediterranean are increasingly focusing on promoting multilateral initiatives that guarantee peace and stability in the region and promote, in the long term, the economic development and political democracy of the countries around the rim of the Mediterranean Basin. The proposal made by the Spanish Prime Minister José Luis Rodríguez Zapatero about the Alliance of Civilisations at the UN General Assembly in 2004 particularly marks the strategy put forward as a means of defending an alliance between the West and the Arab and Muslim world. It is a comprehensive programme that focuses on antiterrorist cooperation, correcting economic inequalities and promoting cultural dialogue.

In conclusion, a global view of the Mediterranean has been gradually emerging in Spain as well as a fair few initiatives aimed at promoting stability in the region. Spain, therefore, has taken on an important role in the Euro-Mediterranean process, confirming the dynamics of Spanish foreign policy that began to emerge with Spain's early democratic governments.

# Константы и переменные внешней политики Испании в период консолидированной демократии (1978–2006)

**Н. Е. Анিকেева**

В середине 70-х гг. в Испании завершился переходный период от диктатуры, которая доминировала в стране более 40 лет, к буржуазно-демократическому государству западноевропейского образца. Этот процесс происходил в условиях временного компромисса, которого достигли основные политические силы страны в период выработки и принятия новой конституции на основе т. н. «пактов Монклоа», подписанных в октябре 1977 г. правительством и ведущими оппозиционными партиями и поддержанных рабочими профсоюзами.

Важным моментом во внутривластной жизни страны явилось принятие новой конституции (1978), которая законодательно закрепила разрыв с франкистским режимом, создала условия для преодоления его последствий. Поэтому именно эту дату можно принять за начало периода консолидированной демократии в Испании. 6 декабря 1978 г. демократическая Конституция была одобрена на общенародном референдуме, ознаменовавшем юридическое оформление представительной демократии.

Под переходом от диктатуры к демократии понимается трансформация недемократического режима, формирование основных институтов новой политической системы, под консолидацией демократии – адаптация к этой системе населения, принятие подавляющим большинством общества демократических норм.

Внешнелитературный аспект первой тронной речи нового главы государства короля Хуана Карлоса I 22 ноября 1975 г. был явно окрашен в европейские тона. «Европа должна будет считаться с Испанией. Мы, испанцы, являемся европейцами»<sup>1</sup>. Большое значение для внешней по-

литики Испании, начиная с 50-х гг., а именно с 1953 г. (дата заключения испано-американского соглашения), имели отношения с США. Однако уход с политической арены генералиссимуса Франко дал возможность диверсифицировать международные связи в сторону их европеизации, так как для многих демократических стран Западной Европы диктаторский режим во франкистской Испании был неприемлем. Тем не менее отношения с Соединенными Штатами для Испании всегда являлись константой внешней политики. А отношения с европейскими странами после 1975 года стали наращаться и укрепляться. В результате дипломатии, проводимой парламентскими кабинетами партии Союза демократического центра во главе с А. Суаресом (1976–1981), а затем Леопольдо Кальво Сотело (1981–1982), Испания стала членом политической организации Северо-атлантического альянса в мае 1982 г., а также была принята в ЕЭС в 1986 г.

По мнению некоторых историков, консолидация демократии в Испании произошла в середине 1980-х гг., в годы правления ИСРП (1982–1996), укрепившей демократические институты и поставившей армию под эффективный гражданский контроль. Эта датировка не вызывает возражений. Действительно, в этот период впервые после кончины Франко у большинства населения рассеялся страх перед возможностью военного переворота и новой гражданской войной. Его преодолению во многом способствовало вступление Испании в НАТО, стимулировавшее переключение внимания вооруженных сил с внутривластных проблем на вопросы западноевропейского военного строительства<sup>2</sup>.

Испанский исследователь переходного периода в Испании, Виктория Прего считает, что «... в соответствии с распространенным общим мнением, переход от диктатуры к демократии завершился с приходом к власти в 1982 году правительства Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) во главе с Фелипе Гонсалесом. В области внешней политики, в определенном смысле, этот переход завершился только к 1986 г., когда были решены три ключевых вопроса внешней политики Испании: отношения с НАТО, отношения с ЕЭС и дипломатические отношения с Израилем»<sup>3</sup>.

После победы на парламентских выборах Народной партии (НП) в 1996 г., внешняя политика Испании сохранила определенную пре-

<sup>2</sup> Хенкин С. М. Становление и консолидация демократии: испанский вариант. Полис. № 5. 2002. С. 175–176.

<sup>3</sup> Prego V. Así se hizo la Transición. Barcelona. 1997. P. 343.

<sup>1</sup> Пожарская С. П. Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936–1976. М., 1982. С. 294.

емственность и подверглась лишь незначительной корректировке. Тем не менее анализ конкретных внешнеполитических мероприятий говорит, на наш взгляд, о том, что, с одной стороны, все в большей степени определяющей всего внешнеполитического курса Народной партии Аснара стало следование политической линии Североатлантического блока. А с другой стороны, также его все более важной частью является европейская составляющая, которая предполагает активное участие Испании в проведении единой европейской политики в рамках Европейского союза, особенно в период ее председательствования в этой организации. Необходимо отметить, что в последние годы во внешней политике Испании доминируют эти две, несколько разнонаправленные тенденции. Безусловно, некоторая двойственность, которая возникает в результате следования атлантизму и европеизму, может приводить к определенным противоречиям в контактах с США и странами Евросоюза.

Как неоднократно отмечали в своих выступлениях последние министры иностранных дел Испании Абель Матутес (1996–2000) и Хосеп Пике I Кампс (с 2000 по 2002) – в Испании преемственность внешней политики гарантирована. В частности, Абель Матутес подчеркивал, что у Испании имеются международные константы, которые требуют их соблюдения независимо от того, какие изменения происходили в стране в рамках демократической системы<sup>4</sup>. А Хосеп Пике I Кампс, в свою очередь, говоря об определении концепции внешней политики Испании, утверждал, что в ее основе должен лежать консенсус основных политических сил, ибо именно это призвано сохранять преемственность и постоянство интересов каждой страны. Внешняя политика Испании в последние 25 лет существования парламентарной монархии в целом осуществлялась в рамках этих принципов. Последовательности во внешней политике страны способствовала и та роль, которую играет Его Величество Король Хуан Карлос I<sup>5</sup>.

Преемственность во внешней политике ИСРП и НП наглядно выразилась в области обороны и отношений с Европейским союзом. Испания полностью интегрировалась в политические и военные структуры НАТО, а кроме того, она активно участвует в строительстве новой Европы и зачастую играет в этом процессе одну из лидирующих ролей. Испания присутствует во всех передовых интеграционных направле-

ниях, например в экономическом и валютном союзе, в Шенгенском соглашении и Еврокорпусе. Что касается некоторых особенностей внешней политики кабинета Аснара, то они заключаются в том, что акцент делался на новой роли, которую Испания стремилась играть на международной арене и которая позволяет усилить «вес» страны в таких областях, как международные оборонные структуры, развитие Европейского союза, официальная помощь развитию – и это только самые важные направления.

Обещание вывести испанский контингент из Ирака, отвечавшее настроениям подавляющего большинства избирателей, было одним из важнейших факторов, предопределивших победу ИСРП и ее лидера Х. Л. Родригеса Сапатеро на мартовских выборах 2004 г. Вернув испанских солдат из Ирака, правительство Сапатеро перенесло акцент с проамериканской на проевропейскую политику. Правительство отказалось от «фронды» в ЕС, восстановило тесные отношения с его ведущими державами – Германией и Францией<sup>6</sup> – и стремится вернуть практику принятия решений по важнейшим международным вопросам под эгиду ООН.

В последнее время именно атлантическое направление в некоторой степени является переменной величиной внешней политики. Это связано с чрезмерным следованием атлантизму в годы нахождения у власти Народной партии во главе с Хосе Мариа Аснаром (1996–2004) и позицией, которую заняла Испания в отношении Ирака, а также обусловлено стремлением правительства ИСРП во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапатеро (2004 – по наст. время) проводить политику большей независимости от Вашингтона.

Новым аспектом во внешней политике Испании является то, что она в конце августа 2006 г. объявила о том, что меняет позицию в отношении Ирана и высказывается за предоставление этой стране права развивать свою ядерную программу. Независимую от Евросоюза и США позицию заняла Испания также и по вопросу ливано-израильского конфликта, подвергнув Израиль резкой критике и полностью поддержав правительство Ливана. Безусловно, такая политика Испании явно не ведет к сближению с Вашингтоном<sup>7</sup>.

Руководство ИСРП придает дополнительный импульс т. н. Евро-средиземноморскому процессу с прицелом на укрепление национальных

<sup>4</sup> Discurso del Ministro de Asuntos Exteriores, Abel Matutes Juan.

<sup>5</sup> Nuevas Fronteras de la Política Exterior de España . Conferencia del Sr. Ministro en el club siglo XXI. 18 de diciembre de 2000. Madrid.

<sup>6</sup> Nuevas Fronteras de la Política Exterior de España . Conferencia del Sr. Ministro en el club siglo XXI. 18 de diciembre de 2000. Madrid.

<sup>7</sup> www.rian.ru. 23.08.2006

позиций в южном и юго-восточном Средиземноморье, инициировав в этих целях проведение в юбилейном для «барселонского процесса» 2005 г. саммита стран-участниц.

Латинская Америка также всегда была регионом приоритетного внимания Испании. В наши дни Испания активно содействует повышению внимания со стороны ЕС к латиноамериканской проблематике, стремится играть роль моста между Европой и Латинской Америкой<sup>8</sup>.

Таким образом, константами внешней политики Испании пост-франкистского тридцатилетия являются: европейское, латиноамериканское, средиземноморское, ближневосточное, атлантическое направления.

Испания на рубеже XX–XXI вв. представляет собой развитое в политическом и экономическом отношении государство, которое соблюдает свои приоритеты во внешней политике, являющиеся в большей или меньшей степени константами.

## Перемены во внешней политике Испании: политические амбиции и границы возможного

### Е. Г. Черкасова

Чем объясняется осуществляемый Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП) крутой поворот во внешней политике страны? Насколько этот поворот соответствует национальным интересам Испании? Чтобы ответить на эти вопросы, вспомним, что правое правительство Хосе-Мари́и Аснара выступило в поддержку вторжения в Ирак вопреки общественному мнению страны<sup>1</sup>.

Новое испанское правительство сразу же после победы на выборах заявило о выводе испанского военного контингента (1300 военнослужащих) из Ирака. Это немедленно привело к обострению отношений с США, которые воспринимали такую позицию как покорение испанцев шантажу «Аль-Каиды» – иными словами, испанцы готовы покинуть Ирак и просить пощады у «Аль-Каиды», чтобы она больше не атаковала территорию Испании. Хотя это и представляется чрезмерно идеологизированной позицией, в ней, безусловно, есть рациональное зерно. Если «Аль-Каида» действительно спланировала и осуществила взрывы в Мадриде 14 марта 2004 г. и целью этих взрывов было свержение правительства Аснара, то можно смело сказать, что она добилась своей цели. Это чрезвычайно опасная ситуация, которая в принципе может быть экстраполирована на любую другую демократическую страну.

Правительство ИСРП, стремясь смягчить отношения с администрацией Буша, на поражение которого на выборах была сделана ставка, заявило, что отношения с США сохранят свой приоритетный характер для внешней политики Испании, принимая во внимание союзнические обязательства, общие ценности и совместные интересы. Однако

<sup>8</sup> ABC. 1997. 1 de abril; Luís Ayllon. España impulsa su presencia en Iberoamérica con un aumento de visitas de alto nivel.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Черкасова Е. Испания: политика безопасности и иракский кризис // МЭиМО. М. 2003. № 10. С. 70–81.

эти обязательства и интересы не влекут за собой безоговорочного подчинения Испании США. Это безоговорочное следование в фарватере политики США нанесло Испании особенно серьезный урон, т. к. администрация Буша встала на путь односторонних действий, противоречащих международному праву и ООН.

Если первым приоритетом нового правительства было установление определенной степени автономии в отношениях с США, то вторым явилось восстановление отношений с ЕС. Европейскому направлению внешней политики страны был придан приоритетный характер. В отличие от модели внешней политики, которой придерживалась консервативная партия и которая характеризовалась приоритетом трансатлантических отношений, с соответствующими последствиями для остальных направлений испанской внешней политики, речь идет о создании модели, в которой ЕС вновь станет основной осью внешней политики, исходя из того, что сильная Европа усилит другие измерения внешней политики Испании.

Эти изменения коренным образом затрагивают, с одной стороны, европейскую политику Испании, которая отказывается от скептицизма и атлантизма и вновь становится явно европейской, выступая за прогресс и углубление европейского строительства. С другой стороны, эти изменения затрагивают двусторонние отношения Испании со странами – членами ЕС, то есть воссоздаются привилегированные отношения с Германией и Францией – основными моторами европейского строительства.

В отношении последнего пункта перемены являются радикальными. Если Аснар считал, что политика Германии и особенно Франции не отвечает испанским интересам и препятствуют усилению роли Испании в Европе и мире, в связи с чем Испании следовало искать поддержки у стран – не членов ядра ЕС и у США вследствие их растущего влияния на сам ЕС в связи с его расширением, Сапатеро придерживается совершенно иной точки зрения. Учитывая, что основные политические, экономические, стратегические и культурные интересы Испании сосредоточены в Европе, он считает, что Старый континент должен стать приоритетом внешней политики и что Испания должна стать центральной осью процесса европейского строительства.

В этих целях необходимо поддерживать хорошие отношения с Францией и Германией. Заявление Ширака в ходе визита Сапатеро во Францию о создании оси Берлин–Париж–Мадрид, знаменовало собой не только кардинальный поворот в европейской политике Испании, но и отражало заинтересованность Германии и Франции во включении

Испании в ядро Европы. Активная роль Испании в ЕС, реализуемая совместно с Германией и Францией, позволит преодолеть раскол, возникший как следствие войны в Ираке между «старой» и «новой» Европой, раскол, в которой Аснар внес решающий вклад подписанием «Хартии восьми» в поддержку США в январе 2003 г.

Средиземноморское и латиноамериканское направления испанской внешней политики особенно пострадали от последствий безоговорочного следования Аснаром в фарватере политики администрации Буша. Средиземноморье и особенно север Африки по стратегическим, политическим, экономическим и культурным причинам, следующим из близости этого региона, а Латинская Америка по политическим, экономическим и культурным причинам, следующим из исторических факторов, а также общих культуры и языка, – являются единственными двумя регионами – за исключением Европы, – в которых Испания как средняя держава может проводить активную и последовательную внешнюю политику, защищающую интересы страны и усиливающую ее роль в международном масштабе.

Сапатеро намерен восстановить относительно автономную средиземноморскую и ибероамериканскую политику Испании, возвратившись к европеизации этой политики и ликвидации в той мере, в какой это возможно, автоматического подчинения интересам США. Тем не менее европеизация политики не должна приводить к ограничению степени автономии, ибо совершенно очевидно, что в некоторых вопросах, прежде всего в отношениях с Марокко, испанские интересы не совпадают с интересами других европейских стран, прежде всего Франции. При этом Испания намерена играть роль моста между Европой и Средиземноморьем и Латинской Америкой.

Что касается палестино-израильского конфликта, то, по мнению правительства социалистов, необходимо вести борьбу против радикального терроризма и проводить более активную политику на Ближнем Востоке, направленную на существование двух государств в рамках безопасных и признанных границ. В войне в Ливане правительство заняло далеко не беспристрастную позицию, существенно отличающуюся от позиции союзников по ЕС. Встреча министра иностранных дел Моратиноса с президентом Сирии Башаром Асадом исчерпала терпение Израиля и США, в то время как казалось, что ничто не может воздействовать сильнее, чем антиизраильские заявления правительства, манифестации ИСПП или фото Сапатеро в палестинском головном уборе. Сапатеро получил поддержку оппозиции в связи с просьбой ливанского правительства об отправке 700 военнослужащих в Ливан



в составе сил ООН для удержания сил «Хезболла» в 20 км от границ Израиля и обеспечения выхода израильских солдат из Ливана. Это самый крупный военный контингент Испании за рубежом.

Весьма показательным для внешней политики социалистов явился частный визит в Иран бывшего председателя правительства Ф. Гонсалеса в августе 2006 г. В ходе визита состоялась его встреча с президентом Ахмадинежадом, который охарактеризовал позицию Испании в отношении ливанского кризиса как «логичную и позитивную». Со своей стороны, Гонсалес подчеркнул, что роль Ирана в регионе является «ключевой и жизненно важной» и, признав право иранского народа на ядерные технологии, выразил надежду, что спор вокруг этой проблемы будет разрешен путем переговоров. По поводу конфликта Израиля и «Хезболла», Гонсалес заявил, что расчеты Тель-Авива на военную победу не оправдались и Израиль столкнулся с поражением своей политики в регионе. Гонсалес добавил, что Испания поддерживает образование независимого палестинского государства и считает, что единственное решение кризиса вокруг Ирака заключается в выводе оккупационных сил из этой страны.

Приоритетом правительства Сапатеро стало развитие привилегированных отношений с Марокко, регулирование потоков иммигрантов и обеспечение политики социальной интеграции. В Средиземноморье Испании необходимо вернуться к глобальной и сбалансированной политике в отношении Магриба, основанной не на конфронтации, а на сотрудничестве с Марокко, к активным поискам решения западносахарской проблемы и к активному стимулированию средиземноморской политики ЕС.

Ранее в качестве лидера оппозиции Сапатеро в ходе визита в Марокко обратился к средствам массовой информации на фоне карты «Большого Магриба», на которой Западная Сахара, Канарские острова, Сеута и Мелилья были окрашены тем же цветом, что и Марокко. Эта карта отражает марокканские претензии, но здесь возникает вопрос, как далеко может зайти Сапатеро в целях «улучшения» отношений с Марокко. На самом деле отказ от прежней политики и столкновение с США делают необходимым идти на уступки Марокко. Пока еще рано говорить о серьезных подвижках в этом направлении. Однако если они и будут, то прежде всего в отношении позиции по Западной Сахаре.

Изменение позиции Испании в ООН является решающим для того, чтобы положить конец 25-летней истории принятия неисполнимых резолюций в пользу народа Западной Сахары. В условиях ухудшения отношений с США, традиционного союзника Марокко, Сапатеро мо-

жет счесть необходимым частично отказаться от поддержки народа Западной Сахары. Между тем в Испании существует мощное движение солидарности с Фронтом ПОЛИСАРИО, а просахарские настроения являются преобладающими в обществе.

В настоящее время одобренным ООН решением западносахарской проблемы является так называемый План Бейкера-2. Этот план предполагает создание автономии под марокканским суверенитетом и проведение в течение пяти лет референдума о самоопределении. Под давлением международного сообщества ПОЛИСАРИО выразило готовность «изучить план», в то время как Марокко не хочет и слышать о самоопределении «южных провинций». Камнем преткновения является избирательный ценз, т.е. вопрос о том, кто будет включен в избирательные списки в случае проведения референдума. План Бейкера-2 предусматривает предоставление права голоса марокканцам, проживающим на территории с 30 декабря 1999 г., а также беженцам, проживающим на территории Алжира.

Во время визита в Марокко Сапатеро не говорил о самоопределении, а лишь о достижении двусторонней договоренности. Возможно, Сапатеро апробирует идею о решении западносахарской проблемы не в рамках ООН (мировой уровень), а на региональном уровне, чего давно добивается Марокко. Здесь же встает вопрос о возможности достижения предложенного Францией четырехстороннего соглашения – с участием Франции, Марокко, Испании и Алжира – по Западной Сахаре, без участия самих сахарцев.

Еще одно противоречие для интересов Испании заключалось между ее европеизмом и ибероамериканизмом. Правительство Аснара утратило определенную автономию и самоидентичность и перестало защищать интересы Испании, которые стали автоматически идентифицироваться с интересами администрации Буша, нанеся тем самым урон имиджу Испании в этом регионе.

Так к уже упоминавшемуся противоречию между европеизмом и иберо-американизмом, добавилось противоречие между атлантизмом и иберо-американизмом, которое невозможно было преодолеть, следствием чего стала утрата направляющей во внешней политике.

Сапатеро призвал к всеобщему диалогу, в том числе и с Кубой. Это предложение вызвало неоднозначную реакцию. За все 45 лет своего правления Кастро ни разу не сделал ответный шаг навстречу тем правительствам, которые видели в нем разумного политика. Предложение Сапатеро кажется продиктованным лишь причинами внутреннего характера и не учитывающим интересы самих кубинцев. Одновременно

правительство продолжало развивать отношения с правительствами, например, У. Чавеса в Венесуэле и Э. Моралеса в Боливии.

Подводя итоги, отметим следующее. Перемены во внешней политике Испании после прихода к власти ИСРП значительны: борьба с международным терроризмом, хотя и сохраняет приоритетный характер, но будет осуществляться без безусловного следования стратегии Вашингтона. Победа ИСРП привела к налаживанию конструктивных, а не подчиненных, отношений с США и изменению соотношения между «старой» и «новой» Европой. Старая Европа (Франция и Германия) укрепитя включением Испании, которая дистанцировалась от атлантического братства с США и Великобританией. Внешняя политика приобретает более многосторонний характер. Иными словами, предпринята попытка покончить с односторонней ориентацией на США и вернуться к трем приоритетным направлениям: Европа, Средиземноморье и Латинская Америка. Такая политика является объективным отражением политической, географической и экономической реальности.

Новое испанское правительство не только заявило о своих приоритетах, но и с необычной поспешностью воплощает их в жизнь, ясно обозначив разрыв с моделью внешней политики, которой придерживался Аснар в последние годы. Правительство предприняло решительные действия в сфере внешней политики, наиболее значительными среди которых стали: провозглашение внешней политики, основанной на консенсусе основных политических сил; заявление о выводе войск из Ирака, и одновременное заявление о том, что пришел конец безусловному следованию в фарватере внешней политики администрации Буша; визит в Марокко – первый визит председателя правительства за границу с целью выровнять ухудшившиеся отношения с этой страной – ключевой с точки зрения испанских интересов; визиты в Германию и Францию, призванные продемонстрировать, что отныне Европа – это основное направление внешней политики и что Испания стремится вернуться в число стран, входящих в основное ядро ЕС.

Таким образом, Сапатеро исправляет ошибки, допущенные Аснаром, и восстанавливает ущерб, нанесенный имиджу страны. Именно этим объясняется крутизна и быстрота перемен во внешней политике, обычно не подверженной быстрым изменениям. Эти действия показывают, какое значение испанские социалисты придают внешней политике и как сильно их стремление воплотить в жизнь ее новую модель. Однако в любом случае, согласны или не согласны вы с поворотом во внешней политике, вызывает сомнения скорость, с которой происходят изменения, в то время как преемственность является

фундаментальным принципом любой внешней политики, а перемены в этой сфере обычно происходят весьма медленно.

Фактами, оправдывающими такие резкие перемены, по мнению правительства, были незаконность войны в Ираке и недостоверность аргументов, использованных Бушем, а также неблагоприятное развитие послевоенной ситуации в этой стране; рост ненависти к Западу, нестабильности и международного терроризма, вызванного стратегией США как в Ираке, так и в отношении палестино-израильского конфликта; систематические пытки и нарушения прав человека в Ираке, военные преступления, которые сказываются на имидже Буша; факт превращения США в фактор международной нестабильности, что делает неоправданным безусловное следование в фарватере их политики. Негативными последствиями политики НП для Испании, по мнению правительства, явились осложнение и ослабление положения Испании в рамках ЕС, урон, нанесенный престижу и роли Испании в Латинской Америке, осложнение положения Испании в арабском мире.

Сапатеро пытается исправить нанесенный интересам Испании ущерб и стремится вернуться к той сбалансированной внешней политике, которой Испания придерживалась в последние десятилетия. Из всего вышеизложенного ясно, что происходит крутой поворот во внешней политике Испании, которая характеризуется утверждением автономии, приоритетом европеизма и поиском консенсуса в отношении основных направлений. Это должна быть истинно государственная политика, внешняя политика Испании, а не внешняя политика ИСРП.

Однако при этом правительство Испании возвращается к принципам и приоритетам, определявшим внешнюю политику страны в переходный период в то время, когда необходимо искать ответы на новые вызовы, связанные с событиями 11 сентября и 11 марта. Консенсус во внешней политике Испании соблюдался в целом на протяжении всего послефранкистского периода – примерно до 2002 г., а затем был нарушен, так как разные силы по-разному оценивали, какой ответ следует дать на вызовы 11 сентября. Однако Сапатеро все равно придется искать консенсус с оппозицией – нельзя проводить резкие односторонние действия в сфере внешней политики, как Аснару нельзя было поддерживать войну в Ираке вопреки общественному мнению. В этом смысле можно говорить о том, что если односторонняя безусловная поддержка войны в Ираке была, как уже говорилось, контрпродуктивной, то еще более контрпродуктивным можно считать поспешное и не до конца продуманное одностороннее решение о выводе из Ирака испанского воинского контингента – шага, который,

безусловно, укрепил веру международных террористических организаций в свою способность навязывать демократиям Запада выгодные для них решения.

В основном по идеологическим причинам и стремясь любой ценой поставить Испанию в один ряд с теми державами, которые действительно имеют вес и принимают решения, – гораздо выше, чем позволяет ее положение средней державы, причем при отсутствии возможностей для того, чтобы действительно играть роль страны первого эшелона, Аснар вопреки общественному мнению страны поддержал США и Великобританию в разгар иракского кризиса. Испания не сходила со страниц мировой печати, Аснар добился того, что его имя упоминалось третьим сразу же вслед за Бушем и Блэром. Слабой же стороной левых сил Испании является то, что они в целом не верят, что страна может играть значительную роль в мире. Большинство испанцев сознательно или бессознательно решили, что Испания входит в полосу внутренней нестабильности и падения международного престижа и что ничего не остается, как принять такое положение дел.

Нужно быть реалистом в отношении возможностей внешней политики. Речь идет о создании ее новой модели, которая характеризуется утверждением автономии по отношению к чуждым интересам, приоритетом европейского направления и поиском консенсуса в отношении основных составляющих. Эта должна быть подлинно государственная политика, мало зависящая от политических предпочтений или смены правительств. Это должна быть не «своя» политика правительства социалистов, как это уже было при Аснаре, а внешняя политика Испании, и ответственность за ее построение лежит как на правительстве, так и на основной оппозиционной партии. Такая внешняя политика, основанная на международном праве и многосторонности, является для такой средней страны как Испания минимальной гарантией независимости от крупных держав.

Сапатеро сделал особый упор на своих разногласиях с правительством Аснара, который путем проведения политики свершившихся фактов в 2002 г. в одностороннем порядке нарушил консенсус как в сфере внешней политики, так и в сфере политики безопасности и обороны. Внешняя политика может заслуживать доверия в средне- и долгосрочной перспективе, только если она понимается как государственная, основана на консенсусе и не зависит от личных или партийных предпочтений. Так что происходит возвращение к принципам и приоритетам внешней политики, более отвечающей интересам Испании и проводимой с начала переходного периода сначала центристскими,

а затем социалистическими правительствами и, наконец, правыми до 2002 г., но это должна быть и такая политика, которая отвечает новым реалиям и вызовам. Такая государственная внешняя политика может базироваться лишь на консенсусе основных политических сил, она должна быть выше сиюминутных политических интересов и не зависеть от смены правительства. При этом консенсус понимается как соглашение между основными политическими партиями в отношении основных направлений внешнеполитической деятельности. Консенсус не препятствует, чтобы каждое правительство в соответствии со своими политическими и идеологическими принципами вводило свои акценты и оттенки во внешнюю политику.

Сама быстрота и крутизна изменения внешнеполитического курса правительством Сапатеро может не оставить ему места для поиска консенсуса. Остается лишь надеяться, что его заявления о стремлении к консенсусу станут реальностью и подлинно государственная внешняя политика Испании будет в полной мере отвечать ее интересам на международной арене.

# Spanish and Russian Approaches to European Security

J. Morales

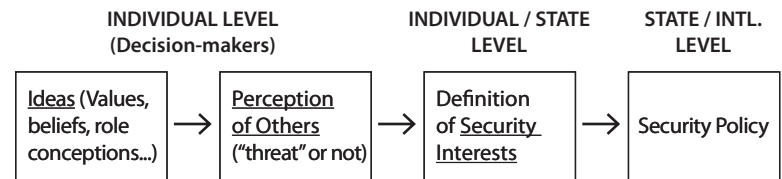
## Introduction

The purpose of this paper is describing the ideas that have influenced current Russian and Spanish relations with the European Union (EU), determining the extent to which it has been perceived as a security issue, and explaining the contents of those perceptions. This is achieved by applying textual analysis to some of the main official statements by the top foreign and security policy decision-makers in both countries, President of the Russian Federation Vladimir Putin and President of the Spanish Government – i.e. Prime Minister – José Luis Rodríguez Zapatero, as well as several other major documents approved by them in the period 2000–2006 and 2004–2006, respectively<sup>1</sup>. It is not intended to be a comprehensive analysis of either Russia-EU or Spain-EU relations, but only an overview based on state-approved narratives.

I start from the assumption that the ideas that security policy-makers have about the outside world, and more specifically their views on other actors in the international system, influence their threat perceptions and the security policies elaborated by them. This approach has been used by Foreign Policy Analysis (FPA) scholars<sup>2</sup>, and, more recently, by the constructivist approach to International Relations (IR). While both agree that ideational factors are at least as important as material factors in order to explain state behaviour, their concept of the former is different. FPA takes foreign policy decision-makers as the ultimate cause of policies; in this case, we specifically focus on their ideas about an “Other”, the EU, and

how these perceptions determine the security policies they implement (fig. 1). Constructivists prefer to emphasize the constitutive power of ideas themselves, internalized as “identities” by human groups and societies; according to their holist ontological conception, identities cannot be reduced to the ideas of individuals, even political leaders<sup>3</sup>. However, I believe that these social identities only have a real influence in actual decisions *as long as* they are accepted and internalized by decision-makers; therefore, I study official documents rather than a broader range of sources, as other authors have done<sup>4</sup>.

Fig. 1: The influence of ideas on the making of security policy



The interest of choosing Spain and Russia as case studies for comparison, in spite of their obvious differences, lies in the history of their relations with Europe. Having sometimes been “inside” and sometimes “outside” Europe<sup>5</sup>, this has been one of the main “Others” in relation to which these two countries have shaped their threat perceptions and sense of security<sup>6</sup>. Further common features are their location in the periphery of Europe and their readaptation to a new, democratic identity after decades of

<sup>3</sup> See for example Wendt, Alexander (1999): *Social Theory of International Politics*, Cambridge, Cambridge University Press.

<sup>4</sup> Probably, the best known work on Russian foreign and security policy from a constructivist approach is Hopf, Ted (2002): *Social Construction of Power Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow 1955 and 1999*, Ithaca, Cornell University Press. I follow Kassianova’s idea that the state is also a producer of discourse, rather than just a mediator between narratives produced by other actors. See Kassianova, Alla: “Russia: Still Open to the West? Evolution of State Identity in the Foreign Policy and Security Discourse”, *Europe-Asia Studies*, Vol. 53, No. 6 (2001), pp. 825-826.

<sup>5</sup> On the problematic relationship between Russian and European identities, see Morozov, Viatcheslav: “Inside/Outside: Europe and the Boundaries of Russian Political Community”, *PONARS Working Papers*, No. 23 (2004), at <http://www.csis.org>.

<sup>6</sup> Kassianova, op. cit.; Neumann, Iver B. (1996): *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*, London / New York, Routledge.

<sup>1</sup> They are listed in the references section at the end of the paper.

<sup>2</sup> Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework, in Goldstein, Judith and Keohane, Robert O., eds. (1993): *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change*, Ithaca / London, Cornell University Press. P. 3–30; Webber, Mark and Smith, Michael (2002): *Foreign Policy in a Transformed World*, Harlow, Pearson Education, p. 58.

authoritarian rule. The question of Russia's and Spain's European identity has therefore been determined by political circumstances rather than just their geographic position; during those authoritarian periods, they were excluded from the political concept of "Europe" as a community of shared values, developed by European institutions such as the EU or the Council of Europe.

The first part of this paper deals with issues of identification with Europe, that is, the extent to which the current Russian and Spanish leaders have considered their countries to be "European", especially with regard to the values associated with European integration. Secondly, I study how these conceptions have been translated into specific foreign policy interests for relations with the EU. Third, I focus on the security component, describing how the EU has been seen with regard to national security and defence policy. Finally, I use Buzan's concept of *security sectors*<sup>7</sup> in order to explain where Europe has been located by both countries in the *continuum* "source of threat – provider of security".

## Are We Part of Europe? Areas and Degrees of Identification

Since the very beginning of his term in office, Zapatero has usually referred to European integration in completely positive terms: "a process of peace, liberty, progress and welfare"<sup>8</sup>. According to him, Europe acted as a major reference for Spaniards during their historical *fight for freedoms* over the past centuries<sup>9</sup>; more recently, membership of the EU constituted the legal basis for Spain's stable and prosperous evolution,

<sup>7</sup> Buzan, Barry; Wæver, Ole and De Wilde, Jaap (1998): *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder / London, Lynne Rienner. I only take the military, political, economic and societal sectors, omitting the environmental sector for the purposes of this paper.

<sup>8</sup> Discurso de Don José Luis Rodríguez Zapatero en la Sesión de Investidura como Presidente del Gobierno [Address by Mr. José Luis Rodríguez Zapatero at his Inauguration as President of the Government]. 15 Apr. 2004 // <http://www.la-moncloa.es>.

<sup>9</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Pleno del Congreso para presentar el Proyecto de Ley para ratificar el Tratado por el que se establece una Constitución para Europa [Address by the President of the Government at the Plenary Session of the Congress to Present the Law Project to Ratify the Treaty Establishing a Constitution for Europe]. 28 Apr. 2005 // <http://www.la-moncloa.es>.

together with the 1978 democratic constitution<sup>10</sup>. With regard to the economy, the "European social model" and the emphasis on inter-territorial cohesion, based on the solidarity between the most and the least developed areas, are seen as having greatly helped Spain's growth and development<sup>11</sup>.

The potentially most problematic issue, a perception by Spanish citizens that EU membership restricted their rights or national/regional identities, is considered not to be the case. On the contrary, it has been repeatedly emphasized that the Union allows for a Europe "united in diversity", where the different cultures are to be respected<sup>12</sup>: "Europe is not, then, a risk for our cultures and identity, but the best way to preserve and promote them"<sup>13</sup>.

A consequence of this conception is Zapatero's stated foreign policy objective of bringing Spain back to "Europe's core"<sup>14</sup>, in contrast to the greater emphasis given by his predecessor José María Aznar to relations with the United States. Aznar's support for the war in Iraq – apart from the many reasons against the war itself – is regarded as having been contrary to Spain's natural place in international politics: together with other European powers and EU members, like France or Germany.

Putin's Russia could be seen as almost the opposite case to Zapatero's Spain. While for the latter belonging to the EU is a source of strength that increases its world projection, Moscow still considers itself as a world power that wishes to be a centre of influence in international relations on its own right. In spite of having "lost" its former empire, it does not accept to become just one more of the European or, for that matter, Asian countries, like the other former Soviet republics have done<sup>15</sup>.

<sup>10</sup> Discurso del Presidente del Gobierno... 28 Apr. 2005.

<sup>11</sup> Ibid.

<sup>12</sup> Ibid.

<sup>13</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Pleno del Senado para presentar el Proyecto de Ley que autoriza la ratificación del Tratado de la Constitución Europea [Address by the President of the Government at the Plenary Session of the Senate to Present the Law Project Authorizing the Ratification of the Treaty of the European Constitution]. 18 May 2005 // <http://www.la-moncloa.es>.

<sup>14</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Debate sobre el Estado de la Nación [Address by the President of the Government at State of the Nation Debate]. 11 May 2005 // <http://www.la-moncloa.es>.

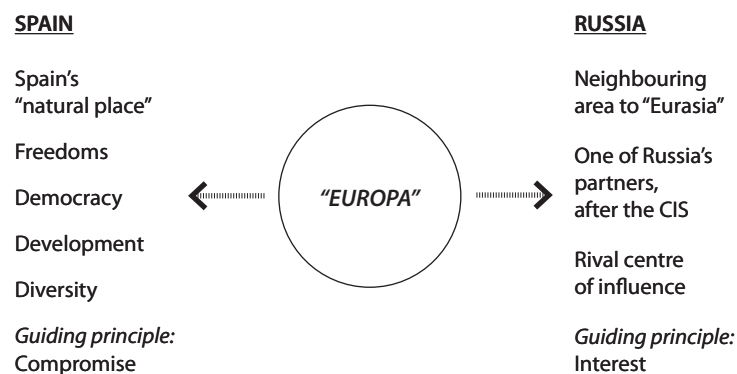
<sup>15</sup> National Security Concept of the Russian Federation. 17 Dec. 1999 // <http://www.fas.org>; The Foreign Policy Concept of the Russian Federation. 28 June 2000 // <http://www.fas.org>.

Furthermore, being “one of the largest Eurasian powers”, Moscow also pursues a multi-vectoral foreign policy which requires “an optimal combination of efforts along all vectors”<sup>16</sup>, not exclusively focusing on any geographic area. The CIS members – being Russia’s traditional area of influence – are still considered the priority partners<sup>17</sup>; relations with Europe will be deepened only as long as it advances Russian interests, but not as and end in itself, as in the Spanish case.

Russia’s depiction of Europe is therefore a mixed one: the EU is seen at the same time as a rival for Russia and as a potential partner on specific issues. It is also not as value-laden as the Spanish view, but limited to pragmatic benefits. While Spain accepts the influence of Europe because it is seen as both natural and beneficial to the country, Russia rejects as a matter of principle to be subject to any influence but its own.

To sum up, Spain’s identification with Europe is complete; while Russia only wholly identifies itself with “Eurasia”, a concept that is roughly equivalent to the territory of the CIS. Therefore, Madrid bases its relations with Europe on the principle of compromise, as a member of the EU and part of the European integration project; Moscow, on the other hand, is not a full member of the “political Europe” – not belonging to its most important organization, the EU, – and logically conducts its European policy according to its own national interest.

Fig. 2: Concepts associated with “Europe” by Spanish and Russian leaders



<sup>16</sup> The Foreign Policy Concept... Op. cit.

<sup>17</sup> The NSC was approved by Yeltsin shortly before his resignation, but had been prepared under Putin’s oversight as Secretary of the Security Council. National Security Concept... Op. cit. See also The Foreign Policy Concept... Op. cit.

## What is Europe to Us? Relations with the EU and National Interests

As we have seen above, Zapatero has prioritized Spain’s European identity above other traditional partners; consequently, showing a “clear Europeanist compromise” was the first in a list of tasks for Spanish foreign policy that he made public in his inauguration address, before relations with Latin America, the Mediterranean and the United States<sup>18</sup>.

Spain has wanted to appear in the vanguard of European construction with regard to projects such as the EU constitutional treaty, which received the full support of Zapatero’s government<sup>19</sup>: a quick ratification was intended to reflect Spain’s new, more pro-European foreign policy, as well as the gratitude for the political and economic benefits that the country has received since it joined the Union<sup>20</sup>.

In contrast to the Spanish optimistic view, the views of the Russian leadership on Europe when Putin came to power were still affected by the so-called “Kosovo syndrome”. The NSC expressed concern about the attempts to establish “the domination of Western developed countries, led by the USA, in the international community”<sup>21</sup>. EU members were presented as just an extension of American power, and therefore trying to diminish Russian influence in world politics.

However, this was not in itself a complete denial of Russia’s European identity, but only as far as “Europe” or European organizations were seen as dominated by rival powers, not allowing for Russian participation. While it was admitted that “[i]ntegrated associations [...] are becoming a significant factor of regional and sub-regional security and peacemaking”, it was also said that “[i]ntegration processes, in particular, in the Euro-Atlantic region are quite often pursued on a selective and limited basis”<sup>22</sup>.

This apparent contradiction was also shown with regard to relations with the EU. While steps such as the enlargement to Eastern Europe and the development of a security and defence policy were seen with caution by Moscow —warning that it would “seek due respect for its interests”<sup>23</sup>, –

<sup>18</sup> Discurso de Don José Luis Rodríguez Zapatero en la Sesión de Investidura... Op. cit.

<sup>19</sup> Ibid.

<sup>20</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Pleno del Congreso... Op. cit.

<sup>21</sup> National Security Concept... Op. cit.

<sup>22</sup> The Foreign Policy Concept... Op. cit.

<sup>23</sup> Ibid.

the EU was also described as “one of [Russia’s] main political and economic partners”; with which it wanted “an intensive, stable and long-term cooperation”<sup>24</sup>.

The ambiguity of the official discourse has continued in the last few years. In 2001, the importance of respect to Russia’s national interests was repeated; however, it was also necessary to “breathe new life into our relations with European and other international structures”<sup>25</sup>. Furthermore, “efforts to build up a partnership with the European Union will become even more important. Integration with Europe is one of the key areas of our foreign policy”<sup>26</sup>. In this way, the word to describe Russia’s aims changed from “cooperation” in 2000 to “integration” a year later. Did Russia aspired to membership of the EU?

This was clarified in the 2002 address: integration was intended to be limited and restricted to economic issues. “Here our consistent position and numerous steps towards integration with Europe are clear. We will continue active work with the European Union *to form a single economic space*”<sup>27</sup>. Free movement of citizens was also mentioned in 2003, with regard to the Kaliningrad issue; together with the economic space, they constituted Russia’s objectives in dealing with the Union<sup>28</sup>. In 2004, energy exports – especially through the new “North European gas pipeline” – were included in the main areas for Russian-EU relations.

Therefore, what was being required from Brussels was just the continuation of political dialogue in the most important areas for Moscow’s interests; but there was no aspirations of being accepted into the EU, which for Russia – contrary to what we have said about Spain – would mean downgrading its status as an independent world power. In 2006, the EU was described again as just a “partner” for Russia, although the biggest one<sup>29</sup>.

These limited objectives, perhaps paradoxically, made it possible for Moscow to accept EU enlargement to the Baltic States as an opportunity, instead of a threat. “The expansion of the European Union should not just bring us closer geographically, but also economically and spiritually. [...] This means new markets and new investment. Generally, it means new

<sup>24</sup> The Foreign Policy Concept... Op. cit.

<sup>25</sup> Annual Address to the Federal Assembly, 3 Apr. 2001, at <http://www.kremlin.ru>.

<sup>26</sup> Ibid. In the Russian version, “[...] Курс на интеграцию с Европой становится одним из ключевых направлений нашей внешней политики”. Emphasis added.

<sup>27</sup> Annual Address to the Federal Assembly, 18 Apr. 2002, at <http://www.kremlin.ru>. Emphasis added.

<sup>28</sup> Annual Address to the Federal Assembly, 16 May 2003, at <http://www.kremlin.ru>.

<sup>29</sup> Annual Address to the Federal Assembly, 10 May 2006 // <http://www.kremlin.ru>.

possibilities for the future of *Greater Europe*<sup>30</sup>. With this new concept, Russia tried to replace the idea of “two Europes” – one inside and another outside the Union, – preferring to highlight common interests instead. However, this does not change the fact that, when disagreements arise, Russia will choose the option that best suits its national interest, which as we have said is its guiding principle in relations with the EU.

The often mentioned “Putin’s pragmatism” also means that Russia’s European identity can also be instrumentally used to achieve foreign policy goals: for example, in response to criticism from the West on the state of freedom, democracy and human rights in Russia, Putin replied that the country had accepted those values along with the rest of European nations, with which it shared centuries of a common history<sup>31</sup>. This points out that the ideas that political leaders refer to when making decisions are often not determined by their own personal beliefs, but by how useful these arguments are in order to convince their audiences.

## Does Europe Make Us Any More Secure? Threat Assessment and Security Policy

Spain considers that the integration project represented by the EU has increased the security of the continent, by “consolidating peace and democracy in Europe, and eliminating once and for all war and dictatorships from our countries”<sup>32</sup>. The priority given to Europe in Zapatero’s foreign policy is also taken to security policy: “In matters of security and defence, Europe is our area of priority interest; we are Europe and our security is unbreakably linked to the continent’s security”<sup>33</sup>.

The development of a European Security and Defence Policy (ESDP) was seen as one of the reasons for Spain to assume a greater role in the Union, in order to “increasing the [EU] defence and security capabilities for the benefit of its citizens, and playing a relevant role for world peace”<sup>34</sup>. The

<sup>30</sup> Annual Address to the Federal Assembly, 26 May 2004 // <http://www.kremlin.ru>. Emphasis added.

<sup>31</sup> Annual Address to the Federal Assembly, 25 Apr. 2005 // <http://www.kremlin.ru>.

<sup>32</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Pleno del Senado... Op. cit.

<sup>33</sup> Directiva de Defensa Nacional 1/2004 [National Defence Directive 1/2004], 30 Dec. 2004 // <http://www.mde.es>.

<sup>34</sup> Discurso de Don José Luis Rodríguez Zapatero en la Sesión de Investidura... Op. cit.

first task for Spanish defence policy in the international arena was therefore supporting the ESDP, more specifically the 2010 Helsinki Headline Goal, the “Battle Groups”, the European Capabilities Action Plan and the European Defence Agency<sup>35</sup>; Spain also promised its full support to the EU – as “one of its more compromised partners” – in the fight against terrorism<sup>36</sup>.

The EU was not only seen as a security provider for Spain because of the ESDP. Other instruments such as international cooperation policies were also considered to contribute to that aim: for example, helping “the development of our Eastern and Southern neighbours” would make these areas more stable and prosperous, which in turn would increase the security of Europe as a whole<sup>37</sup>. Assistance from the EU was also considered very important in order to face the main “soft security” risk for Spain coming from those areas, that is, a growing illegal immigration that increasingly exceeds the country’s material capacity of dealing with it<sup>38</sup>.

Russian views have been determined by their perception of European powers as potential rivals together with the United States. As the NSC said, “the attempts of other states to hinder the strengthening of Russia as a centre of influence in the multipolar world, prevent the implementation of its national interests and weaken its positions in Europe, the Middle East, the Transcaucasus, Central Asia and Asia Pacific” were no less than a threat to national security<sup>39</sup>. Although this might be considered a rhetorical statement, what is real is the feeling that Russian leaders had about the danger to their identity as a great power: an European alignment with Washington could potentially marginalize Russia from the most important issues, forcing them to resort to a “balancing” strategy by, for example, strengthening relations with China.

However, relations with some European countries, especially France and Germany, have also been emphasized in order to try to counter U.S. policies, most recently with regard to the Iraq War. In this way, the Moscow-Beijing and the Moscow-Paris-Berlin axes are used as alternative ways of balancing the West or the United States, respectively; but this points out to the limitations of these agreements, which tend to be short-term and limited to specific issues. Europe appears, in this way, as a threat to Russia’s great

<sup>35</sup> Directiva de Defensa Nacional. Op. cit.

<sup>36</sup> Ibid.

<sup>37</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Pleno del Congreso... Op. cit.

<sup>38</sup> Discurso del Presidente del Gobierno en el Debate sobre el Estado de la Nación [Address by the President of the Government at State of the Nation Debate]. 30 May 2006 // <http://www.la-moncloa.es>.

<sup>39</sup> National Security Concept... Op. cit.

power status and as an ally against that very same threat, when it comes from the American superpower.

With regard to security institutions in Europe, Moscow’s aim has been creating “a stable and democratic system of European security and cooperation”<sup>40</sup>, which adequately took into account Russia’s status and interests. The OSCE, for example, was defended because it was perceived as an institution where Russia and Western countries enjoyed the same status. On the other hand, NATO – of which Russia was not a member, but only a “partner” with limited rights – was considered the main military instrument for extending American and Western European influence, therefore ignoring Russian interests; the Alliance’s enlargement was even described as a “military threat”<sup>41</sup>. This is why Russia tried to develop the role of the OSCE in order to make it the cornerstone of the European security architecture, instead of NATO<sup>42</sup>.

The wave of “colour revolutions” in the CIS space, especially those in Georgia and Ukraine, has nonetheless changed this scenario. Despite their recent disagreement over the Iraq War, Brussels joined Washington in supporting these regime changes; which Moscow perceived as a blow to Russian-European cooperation. Therefore, now Europe’s discourse on issues such as the state of freedom and human rights in Russia is seen in a new, potentially threatening sense by Russian leaders; especially given the rhetoric of the current U.S. Administration about the “spread of democracy”. While it seems clear that Russia’s case is not Ukraine’s, once again it is the feeling of threat, rather than the actual danger, what really matters for the level of security that is perceived from the Kremlin.

## Conclusion

Following Buzan, we can classify Spanish and Russian security perceptions about the EU into several groups, according to the military, political, economic and societal sectors.

First, with regard to the traditional or *military sector*, as we have seen, Spain considers that membership of the EU contributes to improve its national capabilities, fostering cooperation among members in the framework of the ESDP. Russia does not consider any European country as a military threat, but only shows caution about the future course of the EU defence initiatives, which are still uncompleted.

<sup>40</sup> The Foreign Policy Concept... Op. cit.

<sup>41</sup> Russia’s Military Doctrine. 21 Apr. 2000 // <http://www.armscontrol.org>.

<sup>42</sup> The Foreign Policy Concept... Op. cit.



Secondly, in the *political sector*, Madrid identifies the EU with support to its democratic system; it also considers that its member status contributes to increase its world projection and power, which would be well below their current level had it not joined the Union. On the other hand, Moscow bases its self-perception a great power on its own national resources; accordingly, when dealing with the EU or other European organizations like NATO, it does not want to be assimilated to less powerful states, but enjoy a special status that acknowledges what Russia is. This is related to the consideration of critical remarks on the current regime by foreign governments as interferences in Russia's internal affairs, which threaten the same great power status that Moscow wants to promote.

The *economic sector* is the only one that is clearly viewed in a positive light by both Madrid and Moscow. While the former is conscious of the role played by EU funds in the development of the Spanish economy, the latter is also confident about its role as an energy supplier to Europe, which is decisively contributing to its current high growth rates.

Finally, regarding *societal sector* problems, Spain considers once again that EU assistance is decisive, as in the case of controlling illegal immigration flows; Russia, on the other hand, finds in the EU regulations an obstacle for the free movement of the citizens of Kaliningrad. EU membership is also seen by Spain as compatible with the national/regional identities of Spanish citizens, while Russia's Eurasian territory and history prevent itself from fully accepting Western European culture as its own.

## Тридцать лет спустя...

**Ю. В. Дубинин**

9 февраля 1977 г. стало примечательной датой в истории российско-испанских взаимоотношений. В этот день между Советским Союзом и Испанией были восстановлены дипломатические отношения. Сделано это было по инициативе испанского правительства. Переговоры были проведены в Москве 26 и 27 января. Испанскую сторону на них представлял директор Европейского департамента МИД Антонио Элиас Мартинес. Высокая честь выступать от имени Советского Союза выпала мне как члену Коллегии МИД, заведующему Первым европейским отделом. Переговоры прошли успешно. Это было убедительным свидетельством стремления двух стран начать новый отсчет времени в их отношениях.

Испания в тот момент находилась на этапе перехода от авторитаризма к демократии, искала пути подключения к активной международной жизни. Это находило широкое понимание и поддержку в нашей стране, в которой все большее развитие получала тенденция к открытости и преодолению холодной войны. Два этих явления создавали предпосылки для быстрого становления новых отношений между Советским Союзом и Испанией.

Однако, когда осенью 1978 г. я был назначен послом Советского Союза в Испанию, отношения между двумя странами оставались по сути дела на нулевой отметке, если не считать того, что между Москвой и Мадридом было открыто прямое воздушное сообщение. Трудности оказались значительно большими, чем можно было предполагать. Довлели инерция прошлого, различия в подходе к вопросу об отношении к Советскому Союзу в испанском обществе. Эти различия в значительной степени проходили по линии водораздела между сторонниками перехода к демократии и противниками этого процесса. Таким образом, борьба за становление советско-испанских отношений вписывалась в процесс становления новой Испании.

Стимулом и надеждой в этой борьбе было то, что в Испании существовал огромный потенциал добрых отношений к нашей стране. Обращало на себя в этой связи то, что наряду с естественным распространением этих симпатий среди приверженцев левых сил и интеллигенции я нашел в Испании проявление чувств уважения к Советскому

Союзу и со стороны значительной части людей правой политической ориентации. Если взгляды первых определялись поддержкой нашей страной сопротивления Франко в годы гражданской войны, то представители Испании правой ориентации отмечали в беседах со мной, что они ценили последовательность поведения Советского Союза в отношении Испании как в годы гражданской войны так и после нее, что отличало нашу страну от многих других. Таким образом задача состояла в том, чтобы дать возможность всем этим настроениям выйти на поверхность и превратиться в результативную политику.

Размышляя в то время над складывавшейся ситуацией, я пришел к выводу, что для того, чтобы вдохнуть жизнь в отношения между СССР и Испанией, требовалось предпринять что-то по настоящему крупное, акцию яркую, действие, убедительное для общественного мнения как Советского Союза так и Испании, заметное для всего мира. Такой акцией мог стать визит в Советский Союз короля Испании дона Хуана Карлоса I. Оснований для такого вывода было немало. Все очевиднее становилась большая роль дона Хуана Карлоса I в переходе Испании к демократии, укреплялось уважение к нему со стороны испанцев как к главе государства, представляющему все слои испанского общества и олицетворяющему политику национального примирения. Очень важно было то, что король являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами Испании, и только он один с его высоким авторитетом в армии мог обеспечить лояльное отношение испанского генералитета к нормализации отношений с Советским Союзом. Таким образом, дон Хуан Карлос был не только основной, но и фактически единственной фигурой, по-настоящему действовавшей от имени всей Испании.

Уверенности в том, что такая стратегическая цель, как визит дона Хуана Карлоса I в СССР, была бы не только правильной, но и в принципе осуществимой, придала мне моя первая же беседа с королем по случаю вручения верительных грамот в октябре 1978 г. Я выразил тогда надежду, что постепенное повышение уровня отношений между Советским Союзом и Испанией приведет в будущем в Советский Союз и испанского короля. На немедленный ответ рассчитывать было трудно. Король и не дал его, но мягкий кивок головы и промелькнувшая на его лице улыбка говорили о том, что он не только хорошо услышал мои слова, но и отнесся к ним с интересом.

В тот момент, о котором идет речь, осенью 1978 г. проекта такой акции, как визит в нашу страну короля Испании в Москве, не было даже в виде рабочей гипотезы. Для того чтобы такая акция стала в

повестку дня советской политики, советскому руководству требовалось не только перешагнуть через целый ряд предубеждений, но и составить правильное представление о личности испанского короля, о его истинном политическом портрете, который виделся у нас еще только в первом эскизе. Но А. А. Громыко – тогдашний министр иностранных дел и один из наиболее влиятельных руководителей страны – к высказанной мною идее отнесся со вниманием. Уже в январе 1979 г. во время первого в истории наших отношений визита в Москву министра иностранных дел Испании Марселино Ореха испанскому королю было передано приглашение посетить Советский Союз с официальным визитом. Таким образом, старт большой политике в отношении Испании был дан.

Сегодня, в 2004 г., можно с полным основанием отметить, что, вступив на престол, дон Хуан Карлос I проявил себя как выдающийся государственный деятель, обладающий талантом смотреть далеко вперед, ставить перед собой долгосрочные цели и идти к их достижению, используя всю сумму благоприятных фактов. Думаю, что и в тот момент, когда только зарождался замысел его посещения Советского Союза, он мог просматривать все то значение, которое несло для Испании развитие ее отношений с нами, страной влиятельной, вторым полюсом тогдашнего политического мира, – для утверждения Испании на международной арене. Вероятно и другое, а именно: визит в Советский Союз главы испанского государства неминуемо должен был вызвать глубокий внутривнутриполитический резонанс в Испании. Это был бы не просто смелый, а, быть может, дерзкий шаг, но его эффект для примирения всех политических сил страны, в первую очередь, разумеется, сил, которые были на острие вражды в годы гражданской войны, должен был быть позитивным. В пользу того, что дон Хуан Карлос мог действовать с учетом и этого аспекта проблемы, говорило то, что в той же первой нашей с ним беседе он выразил признательность за гостеприимство, с которым встретил наш народ испанцев, оказавшихся в Советском Союзе в трудные для них годы, то есть в годы гражданской войны. Испанцы, которых имел в виду король, были республиканцами или их детьми. Его, казалось бы, естественные слова на этот счет на самом деле звучали как один из важнейших элементов нового подхода Испании к нашей стране. Произнося свои слова, король действовал в духе постепенно, но последовательно проводившейся им политики объединения всех испанцев, закрывая страницы жесточайших внутренних противостояний между ними на протяжении длительной истории.

События нескольких последующих лет не всегда способствовали быстрому осуществлению намеченного проекта. В Советском Союзе ушли из жизни два его руководителя – Л. И. Брежнев и Ю. В. Андропов, подолгу выключавшиеся из активной работы из-за тяжелых болезней. В Испании сменилось несколько правительств, в политике каждого из них были свои нюансы к подходу к отношениям с СССР. Однако все эти пять с небольшим лет визит короля в СССР оставался для нас долговременной целью и служил своего рода стержнем, вокруг которого группировали все основные мероприятия советско-испанских отношений. В 1979 г. в Испании впервые побывал А. А. Громыко. Встреча с королем доном Хуаном Карлосом I произвела на него сильное впечатление. Много интересного он нашел в испанской внешней политике, особенно в ее нацеленности на разрядку международной напряженности, в принципиальном, основанном на глубоком знании арабского мира подходе к ближневосточной проблематике, наконец, в ее тонком понимании Латинской Америки.

Все большее развитие получали наши культурные связи. Москва и Мадрид обменялись памятниками корифеев их литературы. В Москве был установлен памятник Сервантесу, а в Мадриде – Пушкину. В новаторских формах расширялось экономическое сотрудничество. В Испании было создано несколько крупнейших по тем временам совместных предприятий – «Совиспан», «Интрамар», «Мадерас русас», «Сокимес». В нашей стране с Испанией было создано едва ли не самое первое совместное предприятие производственного типа с иностранным капиталом – оно выпускало телефонные аппараты.

Характерным было то, что в ряде случаев, когда возникали ситуации, грозившие в течение этих лет осложнить отношения между СССР и Испанией, дон Хуан Карлос находил способ сбрасывать напряженность, используя свой моральный авторитет в испанском обществе. Ему достаточно было для этого публично, на глазах у всего Мадрида и дипломатического корпуса переговорить с послом СССР или посетить спектакль советского театра. К тому же во время каждой встречи с королем, во время каждого даже мимолетного контакта у нас с ним неизменно присутствовала тема его визита в нашу страну, и чем дальше, тем четче звучало его желание этот визит осуществить.

Советский Союз не раз предпринимал шаги, направленные на поощрение демократических преобразований в Испании. В 1977 г. мы выступили с инициативой, предложить Мадрид в качестве места встречи государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, намечавшейся на 1980 г. В этом мы усматривали

поддержку и поощрение демократических преобразований в Испании. Это было сделано. Советский Союз нашел поддержку со стороны других участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Публично признательность за этот шаг выразил нашей стране председатель испанского правительства Адольфо Суарес, энергично взявшийся за демонтаж прошлого и виведший в развитии отношений с СССР эффективный способ размежевания с франкизмом.

Мадридская встреча государств-участников СБСЕ проходила на гребне международной конфронтации. Она заняла без малого три года, но завершилась успехом, что было особенно важно, поскольку в то время все другие переговоры между Востоком и Западом оказались свернутыми. Имя Испании оказалось вписанным таким образом в историю политики разрядки, нацеленной на прекращение холодной войны.

В тревожный для Испании момент попытки государственного переворота 23 февраля 1981 г. симпатии нашей страны были безраздельно на стороне испанской демократии. Действия испанского короля, решительно вставшего на защиту Конституции и сорвавшего заговор путчистов, произвели большое впечатление в Советском Союзе. Наше руководство выразило тогда публично солидарность с испанскими демократическими силами.

Наконец, пришел 1984 г. Год, когда мы вышли на финишную прямую в подготовке визита дон Хуана Карлоса и доньи Софии в Советский Союз. В качестве активного поборника этого проекта выступал тогдашний председатель испанского правительства Филипе Гонсалес. Он считал, что только визит испанского короля способен по-настоящему раскрепостить отношения между двумя странами, открыть путь и к его собственному визиту в СССР, и к визиту в Испанию Михаила Горбачева. Наконец были определены даты визита. Он начинался 10 мая. Дон Хуан Карлос делает мне предложение: готовить программу визита вдвоем, как говорится, с глазу на глаз без помощников и консультантов. Это было поистине королевское предложение. Оно вылилось в три встречи в королевском дворце Сарсуэла, одну из которых украсило участие испанской королевы.

Каковы были мои инструкции к этим беседам? Они были предельно краткими. А. А. Громыко сказал: «Все, о чем вы договоритесь с королем Испании, будет выполнено».

Так оно и произошло. Визит продолжался пять дней. Его этапами стали Москва – Звездный городок – Ташкент – Ленинград. Торжественный обед в Грановитой палате, раскованная беседа в Кремле. За визитом следили не только в Испании и в Советском Союзе – за ним

следил мир. Французская газета «Фигаро» дала точную характеристику этому событию, оценив его как «поворот в истории двух народов, расположенных на разных концах старого континента».

Свой следующий визит в нашу страну дон Хуан Карлос и донья София совершили летом 1997 г.

С 1984 г. многое изменилось и в мире, и в Испании, и в нашей стране. Россия и Испания теперь разговаривали друг с другом на языке демократии. Король пригласил меня на прием, который он давал в Москве, в Музее имени Пушкина. Я находился на посту посла Российской Федерации в Киеве, но, разумеется, специально прилетел в Москву. Мы крепко обнялись. Вспомнили 1984 г.

– Вы тогда положили начало большой дружбе между нашими странами, – сказал я. – И то, что вы, Ваше Величество, снова в Москве, свидетельствует о ее продолжении.

– Несомненно, – ответил король. – Удивительно, как много симпатий к Испании в вашей стране мы встретили и в тот раз, и сегодня, – заявил он.

Преемственность в делах, диктуемых национальными интересами государств, чувствами их народов, – это то, что соединило в одну политику королевские визиты к нам в 1984 и 1997 гг. и последующие посещения нашей страны доном Хуаном Карлосом I и доньей Софией.

А ко времени, когда пишутся эти строки, Россию уже несколько раз посетил и наследник испанского престола Фелипе.

В Испании побывал с официальным визитом президент Российской Федерации В. В. Путин, а Россию посетил председатель испанского правительства Сапатеро.

Таким образом, усилиями руководителей двух стран и их дипломатии то, что свершилось 9 февраля 1977 г., трансформировано в политику дружбы и сотрудничества, во взаимодействие с весомым международным потенциалом и широкими перспективами.



Материалы секции  
«Латинская Америка  
в мировой политике»

## Участники секции

1. Л. С. Окунева
2. З. В. Ивановский
3. О. Н. Докучаева
4. Э. С. Дабагян
5. А. И. Сизоненко
6. Т. П. Петрова

## Новые тенденции

### в развитии политических процессов в Латинской Америке: «левый поворот» и его причины

#### **Л. С. Окунева**

При явной непохожести современных латиноамериканских левых на своих предшественников ясно просматривается определенная и весьма явная тенденция, черта, характерная для латиноамериканской парадигмы в целом, – традиция освободительной борьбы, мощных левых движений, борьбы за социальные преобразования. Этот континент всегда (а особенно в XX в., а еще более конкретно – после Второй мировой войны) был ареной борьбы и столкновения различных альтернатив развития – и прежде всего революционной, радикальной, с одной стороны, и реформистской – с другой. Первым крупнейшим столкновением, сшибкой этих альтернатив явился самый конец 50-х гг. прошлого века, когда охваченный глубоким структурным кризисом континент вступил в длительную полосу борьбы против диктатур, местных олигархий, зависимости от иностранного капитала. Первым серьезным проявлением альтернативности стало развитие двух стран – Кубы, избравшей через два года после революции путь радикальных, социалистических преобразований, и Венесуэлы, где победила реформистская альтернатива и началось формирование системы представительной демократии. Реформистская альтернатива воплотилась и в деятельности «Союза ради прогресса». В целом в рамках этой альтернативы было сделано немало, и в результате страны континента, вне всякого сомнения, далеко продвинулись по пути экономической, политической и социальной модернизации и развития.

Однако главных причин отсталости, слаборазвитости, огромной пропасти, разделявшей «первый» и «третий мир», устранить не удалось; сохранились и потребности борьбы за экономические и социальные реформы в интересах большинства общества. В этих обстоятельствах теперь уже в конце 60-х гг. на первый план опять вышел вопрос о том,

какие варианты преобразований наиболее востребованы обществом. В 1970 г. на авансцене – чилийская революция с ее попыткой (в первый момент удачной) привести к власти левые силы мирным, конституционным, демократическим путем. Многие тогда считали, что Латинская Америка стоит перед лицом новых веяний и новых возможностей. Однако трехлетие Народного единства с его драматическими перипетиями борьбы, немалыми ошибками внутри самого лагеря левых окончилось поражением – и это была не просто неудача, а стратегическое, долговременное поражение левых сил (сандинистская революция 1979 г. в Никарагуа в этом плане не в счет – при всей своей несомненной значимости она все же носила локальный характер и не могла вдохнуть новую жизнь в левую альтернативу). В Бразилии, Чили, Уругвае, Аргентине, Боливии, Парагвае, ряде стран Центральной Америки восторжествовали военные диктатуры, демократические правительства можно было пересчитать по пальцам. Тогда казалось, что левая альтернатива полностью исчерпала себя и должна уйти в прошлое, что после грандиозного неуспеха, громадных жертв, разочарований она не может более привлечь на свою сторону жизнеспособные силы общества и должна уступить дорогу иным парадигмам развития.

В тот момент так и случилось. О революционной «повестке дня» больше не говорили (речь не идет о Кубе – единственной стране, представлявшей тогда левую альтернативу, но это – особая и достаточно неоднозначная тема). Латинская Америка стала стремиться вписаться в новые мировые реалии, в глобализованный мир с его новыми требованиями и правилами игры. Военные режимы и апробация ими неолиберальных схем, «потерянное десятилетие» 80-х, новые поиски путей преодоления кризисов (но теперь уже отнюдь не на путях революций, от них общество вроде бы получило «прививку»), затем уход военных с политической арены, начало демократизации, новый виток неолиберализма, волна приватизации начала 90-х гг., попытки вырваться из отсталости на этом новом витке, на основе применения новой экономической политики – казалось бы, Латинская Америка примерила на себя все возможные политические «одежды» и стала местом апробации всех известных в мире схем и моделей экономического и социального развития. Казалось, что этот континент входит в новый век, оставив «веку минувшему» старые, «отжившие» альтернативы и модели социального поведения.

И вдруг политологи и политики всего мира заговорили о «новых левых», о «левом повороте» в Латинской Америке. В 1998–2006 гг. в восьми странах континента (Венесуэла – дважды, Бразилия – дважды,

Чили – дважды, Аргентина, Уругвай, Боливия, Эквадор, Никарагуа) демократическим, конституционным путем к власти приходят левые правительства. В принципиально новых условиях, на принципиально новом витке мирового развития на первый план выдвинулся феномен своеобразного возрождения левых.

Представляется, что главное в том, что те отнюдь не новые проблемы, с которыми сталкивается сегодня Латинская Америка, приобрели в эпоху глобализации новое звучание и чрезвычайную остроту. В новых формах и в принципиально новых условиях левые движения и их лидеры отразили реакцию латиноамериканских обществ на неолиберализм, его колоссальные социальные издержки, означавшие свертывание социальных программ. А это, в свою очередь, повлекло за собой не новые, но такие чрезвычайно обострившиеся в нынешних условиях процессы, как рост маргинализации и пауперизации масс, их выталкивание за пределы гражданского общества – явление, получившее в латиноамериканской социологии название «социальная исключенность».

Традиции левых движений в Латинской Америке в немалой степени подкреплены традициями левой политической культуры, левой политологии, занимающей ведущие позиции в общественной мысли стран континента. Причины этого кроются в специфике социальной конфигурации, в глубоких социальных диспропорциях, в наличии бедности и нищеты, которые сопровождают практически весь исторический путь латиноамериканских обществ, которые пока не удалось победить и которые оказывают давление на общество, превратившись в особую разновидность политической культуры.

Говоря о левых, латиноамериканские политологи группируют их в три категории: «левые фундаменталисты» (ассоциирующие глобализацию с империализмом, выдвигающие лозунги «фронтального столкновения»), «левые популисты» (для которых важны клиентелистские отношения с электоратом и «неопатримониалистская» роль завоеванной ими верховной власти – примерами являются режимы «радикально – националистического популизма» У. Чавеса, Э. Моралеса в Боливии и ранее Э. Гутьерреса в Эквадоре; добавим к этой группе победившего в первом туре президентских выборов 2006 г. в Перу О. Умалу, основавшего левопопулистское движение «этнокасеризма», ратующего за сильное государство и национализацию) и «левые реформаторы» (которые откликаются на вызовы глобализации, считают, что борьба против «исключенности» не должна означать «фронтального разрыва» с правыми консерваторами, принимают экономический неолиберализм, хотя и признают его ограниченность в социальной

сфере, и, не выходя за данные рамки, делают шаги на пути искоренения бедности и социальной исключенности» – воплощением этой разновидности левых являются правительства Луиса Инасиу Лулы да Силвы в Бразилии, Н. Киршнера в Аргентине, Т. Васкеса в Уругвае, Р. Лагоса и М. Бачелет в Чили). Есть и такое определение «левых реформаторов» (или умеренных левых): «националистический популизм левого толка», проводящий политику «экономического национализма».

Пришедшие к власти левые правительства во многом едины, но во многом и разные. Единым для всех них общим знаменателем являются, во-первых, причины их появления (социальная дезинтеграция, пауперизация масс в целом и среднего класса в частности, рост числа «исключенных», нарастание общего социального недовольства на фоне как финансовых кризисов, так и отсутствия ощутимых общественных результатов неолиберальных реформ; все это способствовало и характерной для всех данных режимов антиамериканской риторике, хотя и в разной степени). Во-вторых, их роднят единые, но отнюдь не «традиционные» цели: так, стремление к социальной справедливости не порождает, однако, – и это важно – ностальгию по прежним идеологическим «идолам» и желание вернуться «назад», симпатии к Кубе обращены на «романтический» период ее революции и не воплощаются в попытках воспроизвести «кубинский путь» или «кубинскую модель» (даже наиболее радикальный из нынешних левых лидеров Чавес говорит о новом «социализме XXI века», но не о возврате к советской или кубинской модели). Очень важной общей чертой является то, что современные левые прагматичны, четко осознают реалии современного мира, никто из не отвергает рыночную экономику и рыночные механизмы. Другое дело, что они (иначе они бы не были левыми) стремятся к балансу между рынком и социальной справедливостью и провозглашают «государственный интервенционизм» (У. Чавес), известный возврат государства в экономику, своего рода «экономический национализм» (Н. Киршнер). Главным направлением своей политики левые провозглашают борьбу с бедностью (самый характерный пример – Бразилия). Их основной постулат – рынок не в состоянии решить проблему бедности, частное предпринимательство не способно преодолеть глубокое социальное неравенство и нищету: здесь на первый план должно выступить государство, главная задача которого – «уйти из экономики» и придти в социальную сферу, проводить реформы, направленные на уменьшение бедности и нищеты. Именно поэтому нынешние латиноамериканские левые (в противовес правым консерваторам, считающим рыночные отношения

единственным средством оздоровления экономики и решения острых социальных проблем и закрывающим глаза на то, что эти отношения по самой своей природе расширяют диапазон социального неравенства) выступают за усиление роли государства как способного смягчить негативные эффекты рынка.

Вместе с тем несомненным фактом является и плюрализм левых, их многоплановость (кстати, это – тоже яркое свидетельство латиноамериканской альтернативности). Левые режимы можно четко разделить на два полюса – Венесуэла, Боливия (с незримым присутствием Кубы) как олицетворение радикальных режимов и на другом полюсе Чили как воплощение социал-демократического режима европейского типа с никак не опротестовываемой рыночной экономикой, опорой на средний класс (в партийном отношении – на такого важнейшего участника правительственной коалиции, как ХДП), отсутствием официального антиамериканизма. Между ними (естественно, с известной долей условности) располагаются Бразилия, Аргентина, Уругвай: стремясь – в разной степени – реформировать социальную сферу, в экономической области они проводят рыночную, фактически неолиберальную политику (за что президент Бразилии Лула да Силва на всем протяжении своего мандата подвергался постоянной жесткой критике со стороны приведших его к победе низовых организаций Партии трудящихся; президент Аргентины Н. Киршнер проводит политику «экономического национализма», не подрывающую, однако, рыночных отношений, говорит о необходимости укрепления национального капитализма с помощью усиления экономических функций государства; президент Уругвая Т. Васкес ищет пути заключения договора с США о «свободном рынке» и говорит о сходной с Бразилией и Чили экономической политике).

Правление левых поставило целый ряд серьезных теоретических вопросов, и главный из них – насколько совместимы в рамках одного курса неолиберализм в экономике, с одной стороны, и реализация широких социальных программ – с другой. Основная проблема и одновременно вызов состоят в следующем: невозможность в условиях современной экономики отказаться от определенного набора механизмов и инструментов проведения хозяйственной политики (а объективно это механизмы неолиберального толка) и обязанность провести глубокие и ощутимые социальные реформы в интересах большинства общества.

# Глобализирующийся мир и Латинская Америка: В поисках экономической и политической парадигмы

## З. В. Ивановский

В последней четверти прошлого века произошло резкое ускорение процесса глобализации, вызванное транснационализацией мирового хозяйства и интеграцией экономического пространства, распадом социалистической системы, резким сокращением численности тоталитарных и авторитарных режимов и особенно информационной революцией. В современном едином и взаимозависимом мире глобальные процессы преобладают над национальными. Далеко не случайно некоторые отечественные и зарубежные политологи говорят о возникновении глобального мегаобщества, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных единиц (В. Б. Кувалдин), либо о постсовременном государстве, которое допускает вмешательство извне в свои внутренние дела, а взамен получает возможность влияния на наднациональном уровне правления (Х. Хольм, Г. Соренсен, М. В. Ильин и др.)<sup>1</sup>.

Кризис социалистического проекта, распад СССР и мировой системы социализма в свое время дали основание для некоторых идеологов типа Ф. Фукуямы говорить о конце истории, который предполагал прекращение борьбы идей и достижение мировой гармонии благодаря победе либеральной демократии, рыночной экономики, доктрины индивидуальной свободы и народоправства<sup>2</sup>. Напротив, для многих представителей левого лагеря деятельность Всемирной торговой организации (ВТО), Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ) и Гаагского трибунала дает основание завлечь

о существовании всемирного заговора и мирового правительства, не просто оказывающего нажим на отдельные страны, но и устанавливающего свои правила игры, а рассуждения о мировом сообществе являются не более чем псевдонимом империализма, возглавляемого Соединенными Штатами<sup>3</sup>.

Не лишены основания и доводы тех, кто критикует стремление западных исследователей, политиков и экономистов навязать всему человечеству разработанные ими парадигмы развития и социального прогресса, которые далеко не всегда являются универсальными. Как справедливо отмечает российский философ В. Г. Федотова, классическая теория модернизации, адекватно описавшая опыт Запада, оказалась плохо применимой к новым индустриальным странам Юго-Восточной Азии, не сумела обеспечить модернизацию стран третьего мира, оставила вне зоны внимания страны четвертого мира, а попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической. Коренное противоречие модернизационной теории – не в приписываемых ей в изобилии недостатках, а в невозможности совпадения идеального типа с конкретными результатами. При этом в незападных странах имеет место одновременное действие модернизационных и контрмодернизационных тенденций<sup>4</sup>. Более того, как показывает исследование И. С. Семененко, посвященное динамике самоидентификации в условиях глобализации, нуждается в корректировке тезис о том, что традиционалистские ценности противоречат ориентациям на модернизацию. Напротив, социокультурная динамика глобализирующегося мира снимает остроту этого противоречия, а первичная идентичность приобретает качественно иные характеристики. Речь идет о возрождении религиозных ценностей, которые отражают потребность человека в устойчивых этических и нравственных ориентирах, о реставрации историко-этнических символов, местных традиций и культурных особенностей<sup>5</sup>.

После распада мировой системы социализма человечество лишилось альтернативной модели развития, пользовавшейся определенной популярностью в странах третьего мира. Одновременно и правящие круги, и народные массы в целом разочаровались и в предлагавшейся неолиберальной модели развития, основанной на

<sup>3</sup> См. например: Зюганов Г. А. Глобализация и судьбы человечества. М., 2002.

<sup>4</sup> Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 5, 7, 9.

<sup>5</sup> См. подробнее: Семененко И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. 2003. № 1. С. 9–10.

<sup>1</sup> Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / Под ред. М. С. Горбачева. М., 2003. С. 37, 238.

<sup>2</sup> Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. N. Y., 1992.



монетаристских рецептах. В большинстве случаев экономические реформы решили макроэкономические проблемы, однако заметно ускорили социальную дифференциацию и пауперизацию населения, произошла маргинализация многочисленных социальных слоев и целых стран.

Не вполне удовлетворительны и результаты политической глобализации. В результате третьей волны демократизации прекратили существование многие авторитарные режимы, в большинстве новых демократий регулярно проводятся выборы, проходит (хотя и ограниченная) циркуляция политических элит, в той или иной степени имеет место децентрализация политической власти, институционализируется партийно-политическая система, более строго соблюдается принцип разделения властей, заметна профессионализация и деполитизация армии, формируются независимые избирательные институты, ограничивающие возможности манипулирования итогами выборов, совершенствуется судебная система и т. д. В то же время, как показывают подсчеты влиятельной международной организации Фридом Хаус, на повестке дня по-прежнему стоит проблема качества демократии: с течением времени в число живущих в условиях свободы практически не меняется и составляет примерно треть населения<sup>6</sup>. Нередко за фасадом демократических режимов скрываются гиперпрезидентские республики с сильными авторитарными тенденциями.

Многие тенденции, наметившиеся в глобализирующемся мире, характерны и для Латинской Америки, которая (хотя и с определенными оговорками) относится к западной цивилизации, однако характеризуется рядом особенностей политической культуры и существенной социально-экономической спецификой по сравнению с копируемыми эталонами. В меньшей степени эти особенности проявляются в европеизированных странах Южного конуса, в большей – в государствах Андского региона с высоким процентом автохтонного индейского населения. Взятая на вооружение в предыдущие десятилетия нелиберальная модель привела к повышению эффективности экономики, обеспечила вполне приличные показатели экономического роста и уровня инфляции, повысились реальные доходы населения, повсеместно сокращается неформальный и растет формальный сектор экономики, несколько снизился относительный

<sup>6</sup> Freedom in the World: the Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties. N. Y., 1991–2006.

уровень бедности. Благоприятная рыночная конъюнктура привела к стабильному росту: с 2003 по 2005 г. ежегодные прирост ВВП составил 4%, в 2006 г. – 5%, предполагаемый рост на 2007 г. – 4,5%. Валютные резервы региона достигают 300 млрд долл., профицит бюджета превышает 2% ВВП<sup>7</sup>.

Тем не менее, несмотря на увеличение расходов на социальные нужды, в регионе сохраняется высокий уровень пауперизации, 40% населения (208 млн чел.) проживает за чертой бедности<sup>8</sup>. Резко усилилась и социальная поляризация: по данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛАК), в 2003 г. 25% ВВП приходилось на 5% населения, а 40% – на 10% граждан, что несопоставимо с уровнем развитых стран и государств Юго-Восточной Азии. В то время как уровень жизни большинства стран региона сопоставим с Восточной и Центральной Европой, доходы граждан Гаити, Гайаны, Гондураса и Никарагуа сравнимы с Черной Африкой. В ряде стран сохраняется высокий уровень полной и частичной безработицы<sup>9</sup>. Несовершенство социальной политики привело к «социальной уязвимости» и даже к «социальному отторжению», что означало не только материальные трудности и потери для населения, но и стало угрозой социальной безопасности для всего общества<sup>10</sup>.

Наиболее заметны успехи в сфере модернизации политических систем. До конституционных преобразований последних десятилетий в регионе преобладали гиперпрезидентские республики, характеризовавшиеся дисбалансом полномочий и чрезмерной их концентрацией в руках исполнительной власти. На практике широкие конституционные полномочия президента усиливались гипертрофированным развитием института чрезвычайного и осадного положения, слабостью политических партий и нестабильностью партийных систем, высокой степенью централизации государственного аппарата, политической активностью вооруженных сил, фактической неподконтрольностью кабинета министров конгрессу. Персонификации власти способствовали и особенность политической культуры. Пост главы государства чаще занимался в результате государственных переворотов. Важную роль играли различные структуры, созданные

<sup>7</sup> The Miami Herald. 9 Dec. 2006.

<sup>8</sup> Ibid.

<sup>9</sup> См. подробнее: Латинская Америка. 2006. № 6. С. 20.

<sup>10</sup> Анатомия бедности и социальная политика ведущих стран региона подробно проанализированы в фундаментальном исследовании: Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности / Отв. ред. Б. И. Коваль. М., 2006.

при президенте (Советы национальной безопасности, Администрация Президента, Президентские советы и др.).

Одновременно главы государств наделялись широкими законодательными полномочиями и издавали большое количество нормативных актов. Де-факто внешняя и внутренняя политика в большей степени определялись президентскими указами, чем законами, принятыми парламентами. Крайне широко использовался принцип президентского вето как по отношению к принятым парламентами законам в целом, так и к отдельным разделам и параграфам. Многие главы государств могли вмешиваться в деятельность высшей судебной власти, влиять на формирование состава высших судебных органов и отправлять негодных судей в отставку, создавать подконтрольные вертикальные структуры, назначая губернаторов, которые, в свою очередь, назначали алькальдов (мэров) и других представителей местной власти либо обеспечивали избрание угодных им лиц. В случае необходимости президенты относительно легко могли распустить парламент. В Мексике практически неограниченная власть президента базировалась на гегемонистской партийной системе, парламентском большинстве правящей партии, принадлежностью к ней большинства губернаторов и других руководителей местной власти, фактическом сращивании партийных и государственных функций. Пользуясь неограниченным административным ресурсом, глава государства определял своего преемника и обеспечивал его избрание<sup>11</sup>.

В результате конституционных реформ в большинстве случаев произошёл переход от гиперпрезидентства к умеренной президентской модели. Были существенно ограничены полномочия глав государств, произошла децентрализация управления и обеспечена автономия (особенно финансовая) местных органов власти. В Аргентине, Перу и на Гаити президент не является главой кабинета министров. Более демократичным стало электоральное законодательство: в Аргентине и Бразилии введены прямые президентские выборы, в ряде стран стал возможен второй тур голосования, реформы подтвердили или установили принцип избрания губернаторов и мэров, обеспечена прозрачность выборов, созданы независимые от исполнительной власти избирательные институты. Существенно ограничены чрезвычайные полномочия главы государства, значительную автономию получили финансовые институты. Сняты все ограничения на деятель-

<sup>11</sup> См. подробнее: Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы / Отв. ред. З. В. Ивановский. М., 2000.

ность политических партий и средств массовой информации, армия де-юре поставлена под полный контроль гражданского правительства, гарантируется секуляризация общества. С особой тщательностью зафиксированы права человека.

Существенно реформированная в 2005 г. чилийская Конституция 1980 г. (принято 58 поправок) подвела черту под авторитарным наследием. Срок полномочий президента сокращен с 6 до 4 лет без права переизбрания, упразднен институт назначаемых пожизненно сенаторов, главе государства предоставлено право назначать и отправлять в отставку главнокомандующих родами войск и корпуса карабинеров (полиции). Совет национальной безопасности отныне ограничивается консультативными функциями, изменены механизмы введения чрезвычайного положения, усилены финансовые полномочия конгресса. Демократизации политической системы Мексики связана с изменением партийного и электорального законодательства, конкурентными выборами, увеличением численности конгресса, уравниванием в правах федерального округа и штатов, избранием мэра столицы, прекращением политической гегемонии Институционно-революционной партии и победой оппозиции на президентских выборах 2000 г.

Принятые конституции заметно расширили элементы партисипаторной демократии – плебисциты, референдумы, право на законодательную народную инициативу, возможности в ряде случаев отозвать избранных должностных лиц. Особое внимание уделяется соблюдению прав человека. Повысилась роль и эффективность деятельности парламентов, которые стали центром дебатов по ключевым проблемам развития, заметно активизировалась их законотворческая деятельность, усилился их контроль над исполнительной властью. (Исключение составляют конституционные реформы в Перу и Венесуэле, которые открыли возможности для создания гиперпрезидентских республик с сильными авторитарными тенденциями: ликвидированы верхние палаты парламента, главам государств предоставлены полномочия его роспуска, ограничили возможности политического представительства, ослаблены и контрольные функции парламента, увеличен срок полномочий президента и предоставлено право на его повторное переизбрание. Усилению авторитарных тенденций способствовали и личностные качества президента Перу А. Фухимори (1990–2000) и президента Венесуэлы У. Чавеса (с 1998 г.).

В первом десятилетии нового века относительная консолидация демократических режимов произошла в Аргентине, Чили, Уругвае и

Бразилии. Эти страны полностью преодолели авторитарное наследие и характеризуются демократической политической культурой. В эту же группу входят Мексика, Коста-Рика и Карибские страны. Недостаточно консолидированы демократические институты в Центральной Америке, Парагвае, Андском субрегионе. В Венесуэле и Боливии заметны неавторитарные тенденции, при определенных обстоятельствах нельзя исключить и их усиления в Перу и Эквадоре. Демократизации Колумбии препятствует проблема насилия и нерешенность внутреннего вооруженного конфликта.

Юридически во всех странах (за исключением Кубы) установлены режимы политической демократии, гарантирующей соревновательную многопартийную политическую систему, регулярные свободные конкурентные и альтернативные выборы при всеобщем, равном и тайном голосовании, основным политическим силам обеспечены доступ к средствам массовой информации и равные возможности ведения агитации и пропаганды. Степень соблюдения политических прав и гражданских свобод позволяет выделить три группы стран. Демократические режимы ассоциируются со свободными странами, обеспечивающими в полной мере электоральную и либеральную демократию, достаточно широкий спектр режимов ограниченной демократии – с частично свободными странами, авторитарные режимы – с несвободными странами. Граница между первой и второй группами достаточно условна.

Как показывает таблица, составленная на основе мониторинга, ежегодно осуществляемого авторитетной международной организацией «Дом свободы», в качестве политической парадигмы практически все страны региона выбрали представительную демократию. После начала т. н. третьей волны демократизации все политические конфликты решаются исключительно конституционными методами, однако существуют большие резервы для совершенствования качества демократии. Более того, после 1990 г. заметны определенные позитивные перемены: в 2005 г. 22 страны отнесены к свободным, 9 – к частично свободным и только 2 – к несвободным. После победы оппозиции с 2000 г. Мексика попадает в список свободных стран. С 2000 по 2005 г. в первую группу вошли Бразилия и Перу и вышли Боливия и Тринидад и Тобаго. Во второй группе улучшилась ситуация в Парагвае и в какой-то степени в Венесуэле, однако ухудшилось положение в Гватемале, которая вместе с Колумбией замыкает список частично свободных стран. К несвободным странам отнесены Гаити и Куба.

*Политические права и гражданские свободы (рейтинг 2005 г.)<sup>12</sup>*

Страна	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
<b>Свободные страны (С), 2005</b>							
1. Барбадос	1/1 С	1/1 С	1/2 С	1/1 С	1/1 С	1/1 С	1/1 С
2. Доминика	...	2/2 С	2/2 С	2/1 С	1/1 С	1/1 С	1/1 С
3. Багамы	1/2 С	1/2 С	2/2 С	2/3 С	1/2 С	1/1 С	1/1 С
4. Уругвай	5/5 ЧС	5/5 ЧС	2/2 С	1/2 С	2/2 С	1/1 С	1/1 С
5. Коста-Рика	1/1 С	1/1 С	1/1 С	1/1 С	1/2 С	1/2 С	1/1 С
6. Чили	7/5 НС	6/5 ЧС	6/5 ЧС	2/2 С	2/2 С	2/2 С	1/1 С
7. Белиз	...	...	1/1 С	1/2 С	1/1 С	1/1 С	1/2 С
8. Сент-Китс и Невис	...	...	1/1 С	1/1 С	1/2 С	1/2 С	1/2 С
9. Сент-Люсия	...	2/2 С	1/2 С	1/2 С	1/2 С	1/2 С	1/2 С
10. Гренада	2/4 ЧС	6/5 ЧС	2/3 С	2/2 С	1/2 С	1/2 С	1/2 С
11. Панама	7/6 НС	4/4 ЧС	6/3 ЧС	4/2 ЧС	2/3 С	1/2 С	1/2 С
12. Суринам	2/2 С	7/5 НС	6/6 НС	4/3 ЧС	3/3 ЧС	1/2 С	1/2 С
13. Сент-Винсент и Гренадины	...	2/2 С	2/2 С	1/2 С	2/1 С	2/1 С	2/1 С
14. Аргентина	2/4 ЧС	6/5 НС	2/2 С	1/3 С	2/3 С	1/2 С	2/2 С
15. Гайана	4/3 ЧС	5/4 ЧС	5/5 ЧС	5/4 ЧС	2/2 С	2/2 С	2/2 С
16. Доминиканская Респ.	4/2 ЧС	2/3 С	1/3 С	2/3 С	4/3 ЧС	2/2 С	2/2 С
17. Мексика	4/3 ЧС	3/4 ЧС	4/4 ЧС	4/4 ЧС	4/4 ЧС	2/3 С	2/2 С
18. Антигуа и Барбуда	...	...	2/3 С	2/3 С	4/3 ЧС	4/2 ЧС	2/2 С
19. Ямайка	½ С	2/3 С	2/3 С	2/2 С	2/3 С	2/2 С	2/3 С
20. Сальвадор	2/3 С	5/5 ЧС	2/4 ЧС	¾ ЧС	3/3 ЧС	2/3 С	2/3 С
21. Бразилия	4/5 ЧС	4/3 ЧС	3/2 С	2/3 С	2/4 ЧС	3/3 ЧС	2/3 С
22. Перу	6/4 ЧС	2/3 С	2/3 С	¾ ЧС	5/4 ЧС	3/3 ЧС	2/3 С
<b>Частично свободные страны (ЧС), 2005</b>							
23. Боливия	6,5 НС	7/5 НС	2/3 С	2/3 С	2/4 ЧС	1/3 С	3/3 ЧС
24. Тринидад и Тобаго	2/2 С	2/2 С	1/2 С	1/1 С	1/2 С	2/2 С	3/3 ЧС
25. Эквадор	7/4 ЧС	2/2 С	2/3 С	2/3 С	2/3 С	3/3 ЧС	3/3 ЧС
26. Гондурас	6/3 ЧС	4/3 ЧС	2/3 С	2,3 С	3/3 ЧС	3/3 ЧС	3/3 ЧС
27. Никарагуа	5/4 ЧС	5/5 ЧС	5/5 ЧС	3/3 ЧС	4/4 ЧС	3/3 ЧС	3/3 ЧС
28. Парагвай	5/5 ЧС	5/5 ЧС	5/5 ЧС	4/3 ЧС	4/3 ЧС	4/3 ЧС	3/3 ЧС
29. Венесуэла	2/2 С	1/2 С	1/2 С	1/3 С	3/3 ЧС	3/5 ЧС	3/4 ЧС
30. Гватемала	4/3 ЧС	6/6 ЧС	4/4 ЧС	3/4 ЧС	4/5 ЧС	3/4 ЧС	4/4 ЧС
31. Колумбия	2/3 С	2,3 С	2,3 С	2,3 С	4/4 ЧС	4,4 ЧС	4/4 ЧС
<b>Несвободные страны (НС), 2005</b>							
32. Гаити	6/6 НС	7/6 НС	7/6 НС	4/4 ЧС	5/5 ЧС	6/5 НС	7/6 НС
33. Куба	7/7 НС	6/6 НС	6/6 НС	7/7 НС	7/7 НС	7/7 НС	7/7 НС
Нет данных	6	3	–	–	–	–	–
Итого стран	9 С 13 ЧС 5 НС	13 С 12 ЧС 5 НС	22 С 8 ЧС 3 НС	21 С 11 ЧС 1 НС	17 С 15 ЧС 1 НС	21 С 10 ЧС 2 НС	22 С 9 ЧС 2 НС

Источник: Freedom House. *Freedom in the World. Country Ratings 1975–2005* // [www.freedomhouse.org](http://www.freedomhouse.org)

<sup>12</sup> Рейтинг определяется по состоянию на 2005 г. При совпадении показателей учитывается предшествующий период. Максимальный уровень соблюдения

Тем не менее ни экономические успехи, ни политическая модернизация, ни приверженность демократическим идеалам не привели к стабилизации региона. В течение последнего десятилетия Латинская Америка вновь вступила в зону турбулентности, ситуация стала менее предсказуемой. Экономические потрясения привели к финансово-экономическим кризисам и дефолтам в Мексике, Бразилии и Аргентине. Из-за коррупционных скандалов и массовых акций протеста после восстановления демократии 14 президентов (в том числе 9 – за последнее десятилетие) не смогли завершить предусмотренные конституциями сроки правления. Знаковыми политическими событиями, повлиявшими на облик континента, стали победа на президентских выборах 1998 г. в Венесуэле У. Чавеса, принявшего новую конституцию и вновь взявшего на вооружение лозунг строительства социализма, казалось бы, навсегда сданный в архив, конец политической монополии и уход в оппозицию в 2000 г. Институционно-революционной партии Мексики, смена политических элит и приход к власти в Бразилии кандидата Партии трудящихся, профсоюзного лидера Л. И. Лулы да Силвы, завершение 150-летней двухпартийной системы в Уругвае в 2004 г., возвращение к власти лидера сандинистов Д. Ортеги в Никарагуа в 2006 г.

Разочарованность в традиционных политических институтах нашла отражение в реструктуризации партийных систем, исчезновении старых и появлении новых субъектов политики. Наиболее очевиден кризис венесуэльских партий, в течение полувека считавшихся эталоном, обеспечивавшим преемственность власти и политическую стабильность. В Колумбии усталость населения от нескончаемого внутреннего вооруженного конфликта и непрекращающегося насилия привела к дезинтеграции традиционных исторических партий, а колумбийцы были вынуждены использовать другие организационные формы, хотя и не отказывались от своего консервативного и либерального наследия. В Боливии потерпел поражение «партийный картель» трех основных партий, многочисленное индейское население в своем большинстве оказалось за рамками существовавшей системы, появление Движения к социализму взорвало герметичную партийно-политическую структу-

политических прав (числитель) и гражданских свобод (знаменатель) – 1,0, минимальный – 7,0. Рейтинг не учитывает социальные права граждан.

До 2000 г. страна считалась свободной, если среднее сочетание политических прав и гражданских свобод колебалось от 1,0 до 2,5, частично свободной – от 3,0 до 5,5 и несвободной – от 5,5 до 7,0. Для последующего периода индекс частично свободных стран колебался от 3,0 до 5,0 и несвободных – от 5,5 до 7,0.

ру, в результате сама система представительной демократии находится под угрозой. В той или иной степени кризисные явления наблюдаются и в других странах региона.

Очередной избирательный цикл, завершившийся в декабре 2006 г., подтвердил, что большинство граждан готово внести коррективы в сложившуюся парадигму экономического и политического развития. Политический маятник в очередной раз качнулся влево – кандидаты левых и левоцентристских сил возглавили исполнительную власть в абсолютном большинстве стран региона.

Левый поворот, точнее, умеренный сдвиг влево, связан с как с внутривнутриполитическими, так и с внешнеполитическими факторами. После решения в какой-то мере макроэкономических проблем на первый план выдвинулись новые приоритеты. Как показывает мировой опыт, именно левые и левоцентристские партии благодаря государственному регулированию добиваются большего успеха в обеспечении социальной защиты населения. После 11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты в качестве основного приоритета объявили борьбу с международным терроризмом, при этом Латинская Америка по большому счету оказалась вне поля зрения, а реальная помощь США региону сократилась.

Пришедшие к власти в результате нового электорального цикла правительства крайне неоднородны, выработка единой позиции по ключевым вопросам экономического и политического развития в силу целого ряда причин маловероятна. В левой части спектра формируется альянс авторитарных и неоавторитарных режимов (Куба, Венесуэла, Боливия, теоретически к ним может примкнуть и Эквадор). Лидерство этого блока перехватывает венесуэльский президент У. Чавес. Для данных режимов характерны радикализация политики, стремление ограничить или свести на нет политический плюрализм, курс на этатизацию экономики, резкая антиамериканская риторика, в какой-то мере обострение отношений с соседними странами.

Правозцентристскую часть политического спектра представляют оставшиеся в меньшинстве Колумбия, Мексика и страны Центральной Америки (за исключением Никарагуа), выступающие за сохранение неолиберальной модели при тесном сотрудничестве с США и международными финансовыми организациями.

Большинство стран региона представлено умеренными левоцентристскими правительствами, идеология которых включает элементы социального либерализма и социальной демократии. Лидирующие позиции в этой группе стран является Бразилия, претендующая на роль

регионального лидера. Указанные страны проводят сбалансированную многовекторную и достаточно гибкую политику, направленную на защиту общенациональных интересов, активно развивают отношения с Соединенными Штатами, Европейским союзом, латиноамериканскими соседями, не ставят под сомнение принципы рыночной экономики, политической демократии, соблюдения прав человека, одновременно выступая за повышение роли государства в регулировании экономики, усиление социальной защиты населения, снижение уровня бедности и социальной поляризации. Подобные лозунги ни у кого не вызывают возражения.

Латиноамериканские президенты не готовы стать союзниками США в борьбе против У.Чавеса. (В общественном мнении по мере усиления давления на венесуэльского президента его популярность только возрастает.) Более гармоничные отношения с северным соседом могут сложиться после возможной и даже вероятной победы демократов на президентских выборах в 2008 г. В целом же противоречия левых и левоцентристов с США носят неантагонистический характер.

Существенные разногласия наблюдаются относительно происходящих в регионе интеграционных процессов. После того, как в 2005 г. проект Межамериканской зоны свободной торговли (ALCA) под эгидой Соединенных Штатов был отложен на неопределенную перспективу, США активизировали двусторонние переговоры. Латиноамериканский лидер этой группы, Мексика, является одним из основателей Договора о свободной торговле Северной Америки (НАФТА). Президент В.Фокс (2000–2006) неоднократно подчеркивал, что без подключения к крупнейшей экономике мира невозможно победить бедность, а будучи изолированными, страны региона станут еще беднее<sup>13</sup>. За продолжение указанной политики выступил и приступивший к своим обязанностям в декабре 2006 г. новый президент Ф. Кальдерон. За либерализацию торговли с США выступают и участники Центрально-американской зоны свободной торговли (CAFTA), Колумбия и Перу.

После подписания этими странами договоров о свободной торговле с США резко обострились отношения внутри Андского сообщества наций (CAN). Венесуэла приняла решение о выходе из объединения и о вступлении в качестве ассоциированного члена в Общий рынок стран Южного конуса (MERCOSUR), занимающего протекционистские позиции, в состав которого входят Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай. Неожиданно в Андский блок в качестве ассоциированного члена

вернулось Чили, сохраняющее аналогичный статус и в MERCOSUR. В конце 2006 г. Мексика, также намеревающаяся присоединиться к CAN в качестве ассоциированного члена, Колумбия, Перу и Чили выдвинули идею создания Латиноамериканской торговой ассоциации тихоокеанского бассейна (Asociación Comercial Latinoamericana del Pacífico).

Диаметрально противоположные позиции занимает Венесуэла. Предложенная У. Чавесом Боливарианская альтернатива для Америки (ALBA) мыслится как интеграционное объединение, основанное на принципах сотрудничества, солидарности и взаимодополняемости, и рассматривается в качестве альтернативы неолиберальной модели экономического развития. Основные задачи объединения – борьба с бедностью, неравенством, социальной дезинтеграцией, развитие здравоохранения и образования, проведение протекционистской политики, направленной на защиту национального (прежде всего сельскохозяйственного) производителя, укрепление государственного сектора и усиление вмешательства государства в экономику и курс на национализацию ключевых отраслей экономики. Резкой критике подвергается политика МВФ, ВБ и ВТО, монополия индустриально развитых государств на интеллектуальную собственность, отмечается взаимозависимость и неразрывность экономических, социальных, культурных и гражданских прав и необходимость расширения социальной партисипации населения. На практике идею У. Чавеса поддерживали только ближайšie соратники – Ф. Кастро и Э. Моралес.

Указанные разногласия ставят под сомнение перспективы Южноамериканского сообщества наций. Тем не менее в условиях ускользавшей глобализации вряд ли можно говорить о том, что проект создания ALCA окончательно похоронен. Разумеется, каждая страна хочет защитить свои национальные интересы и свести к минимуму негативные последствия интеграции. (Об этом, собственно, говорят и разногласия между участниками МЕРКОСУР.)

Для латиноамериканских левых своего рода лакмусовой бумажкой всегда было отношение к Кубе. Большинство пришедших к власти лидеров сохраняет исторические симпатии к Кубинской революции, дает высокую оценку социальным завоеваниям кубинского народа и выступает против экономического эмбарго острова со стороны США. Однозначно прокубинская позиция характерна для Венесуэлы и Боливии, более критическая – для Чили, сдержанная – для остальных стран, выражающих озабоченность по весьма деликатной для Кубы проблеме прав человека. (В апреле 2004 г. при голосовании в Комиссии ООН по правам человека наряду с Коста-Рикой, Мексикой, Никарагуа,

<sup>13</sup> La Nación. México, 2005. 7 de noviembre.

Сальвадором и Уругваем против Гаваны выступило и Чили, в апреле 2005 г. при голосовании воздержались Аргентина и Бразилия.)

Достаточно широкий политический спектр (от левых радикалов до умеренных социал-демократов), существенные разногласия по ключевым вопросам, продолжающийся торг в рамках МЕРКОСУР, давний чилийско-болливийский территориальный спор, проблема углеводородов, обострение экономических противоречий между Аргентиной и Уругваем и личная неприязнь венесуэльского и перуанского президентов вряд ли позволят в перспективе создать единый левый блок.

Не стоит преувеличивать и степень отклонения политического маятника влево: в большинстве случаев пришедшие к власти левые и левоцентристские президенты одержали победу в упорной борьбе с правыми и пришли к власти при поддержке незначительного большинства избирателей. Специфика электорального законодательства приводит к феномену т. н. разделенной власти, в условиях которого пропрезидентская партия далеко не всегда располагает парламентским большинством, что делает левый поворот еще более относительным.

Трудно дать однозначную оценку и очевидной активизации индейского населения. Одни говорят о пробуждении спящих народов и росте национального самосознания угнетенного большинства, другие, как, например, известный перуанский писатель М. Варгас Льюса, оценивают данное явление крайне негативно и говорят о проблеме индейского расизма. На наш взгляд, традиционная политическая культура коренного населения и его склонность к авторитарному менталитету вряд ли будет способствовать укреплению демократии. Приход к власти на волне индейского ренессанса Э. Моралеса, уже столкнувшегося с массовыми протестами населения, обвиняющего его в стремлении узурпировать власть при помощи начавшейся конституционной реформы, вряд ли сможет в одночасье решить накопившиеся проблемы. В результате рейтинг некогда популярных политиков может резко упасть, как это произошло с перуанцем А. Толедо, президентом-индейцем, к тому же получившим образование в Гарварде.

В целом перед левыми и левоцентристскими правительствами стоит нелегкая задача, поскольку решение острых социальных проблем возможно только в долгосрочной перспективе, в большей степени зависит от уровня экономического развития, чем от добрых намерений или политической ориентации того или иного правительства.

Несомненный интерес представляют не только парадигмы, разрабатываемые пришедшими к власти политиками, но и точка зрения гражданского общества. Как показывают социологические опросы, осуществляемые авторитетным агентством «Latinobarómetro», 53% латиноамериканцев считают, что демократия решает все проблемы, а 62% ни при каких обстоятельствах не поддержит военное правительство, при этом 38% связывает демократию с гражданскими и личными свободами и только 11% – с равенством и справедливостью. В качестве важнейших задач демократического режима фигурируют регулярные и честные выборы (26%), достойные доходы (21%), справедливая юридическая система (15%), свобода слова и критики (13%).

Абсолютное большинство (63%) рассматривает рыночную экономику как единственно возможную систему развития и 59% подчеркивает, что частный сектор является ключевым фактором развития, в то же время только 27% довольны реализацией рыночных реформ в своих странах и 31% считает, что приватизация пошла на пользу. 85% респондентов выступает за продолжение интеграционных процессов.

При определении популярности тех или иных парадигм развития имеет значение отношение к США и к знаковым политическим фигурам. Данные опросов показывают, что в целом 61% населения сохраняет положительное мнение о северном соседе (на одном полюсе расположены Гондурас, Панама и Сальвадор (соответственно 87, 83 и 81%), на другом – Венесуэла, Уругвай и Аргентина (41, 38 и 32%). Наиболее популярным политиком считается бразильский президент Л. И. Лула да Силва (средний балл – 5,8 из 10), которому заметно уступают У. Чавес (5,0) Дж. Буш (4,8) и Ф. Кастро (4,4). 16% опрошенных сформулировали свое отношение к Ф. Кастро как очень плохое и 8% – как очень хорошее. Симпатии и антипатии к У. Чавесу разделились поровну (по 7%)<sup>14</sup>.

Анализ политики латиноамериканских правительств и данных социологических опросов позволяют сохранять умеренный оптимизм: абсолютное большинство правительств выступает за сохранение политической демократии и рыночной экономики, такого же мнения придерживаются и потенциальные избиратели. При усилении социальной составляющей увеличатся шансы выхода из зоны турбулентности и консолидации демократических режимов.

<sup>14</sup> Informe Latinobarómetro 2005. 1995–2005. Diez años de opinión pública. Santiago de Chile, 2006.

# Современный латиноамериканский популизм: новый поворот

**О. Н. Докучаева**

Интерес к изучению массового сознания, а также массовых движений и партий, имеющих широкую социальную опору, стал возрастать с середины XX в. Этот интерес не в последнюю очередь объяснялся желанием исследователей осмыслить причины возникновения и распространения идеологии и практики тоталитаризма.

В такой интеллектуальной обстановке в 1950–1960-е гг. в США были опубликованы работы, в которых предпринимались попытки по-новому взглянуть на американский популизм<sup>1</sup>, дать его социально-психологический, а не конкретно-исторический анализ, выявить черты сходства с массовыми тоталитарными движениями XX столетия.

В отличие от своих предшественников (например, Дж. Хикса), традиционно оценивавших американский популизм позитивно, как справедливую борьбу «простых людей» за создание более демократического, социально ориентированного государства, исследователи нового поколения – Р. Хофстедтер, Д. Белл, В. Феркисс и др. – обратили внимание на иррациональные элементы в этом движении, акцентировали такие его черты, как упрощенно-обывательский взгляд на мир, агрессивность, ксенофобию, антисемитизм, расизм и т. д.<sup>2</sup>

Постепенно термин «популизм» стал все чаще употребляться в политологии в качестве типологизирующего обозначения применительно к массовым движениям, возглавляемым «харизматическими вождями», которые могут стать опорой авторитарных или даже тоталитарных режимов.

<sup>1</sup> Имеется в виду массовое фермерское движение в США в конце XIX в., участников которого называли популистами по неофициальному названию их политической организации, Популистской партии (Populist party).

<sup>2</sup> Populism: nostalgic or progressive? 1964. P. 2; Populism: Reaction or Reform? Hundingto., N. Y., 1978. P. 24.

В отечественной историографии термин «популизм» появился в 1970-е гг. Он был заимствован из западной, в том числе латиноамериканской научной литературы. В Латинской Америке и Западной Европе его стали широко использовать с конца 1960-х гг., после проведенной в 1968 г. в Лондоне крупной международной конференции «Популизм: сущность и национальные особенности». Целью конференции было выяснение сущности популизма и выработка его общего определения. Материалы форума получили немалый резонанс и побудили ученых многих стран обратиться к углубленному исследованию массовых движений XX в.

Теоретическое изучение латиноамериканского популизма связано с именами таких известных социологов и политологов, как Т. Ди Телья, Дж. Джермани, Х. Грасиарена (Аргентина), Х. Котлер (Перу), А. Гарсиа (Колумбия), К. Мендес (Бразилия) и др.

Популизмом в Латинской Америке обычно называют массовые электоральные движения или партии, основу социальной базы которых составляют лица с невысоким уровнем доходов и ограниченным политическим опытом, объединяющиеся для достижения своих интересов вокруг популярных (харизматических) лидеров.

Таким образом, важнейшей чертой популизма является то, что объединяющим фактором этих движений служит не столько ясная политическая программа, сколько лидер, вождь, из рук которого рядовые участники надеются получить реформы, отвечающие их интересам. Авторитет такого вождя обыкновенно зиждется не на рациональном выборе, а на иррациональной (эмоциональной) приверженности его политически неискушенных последователей<sup>3</sup>.

Как значимое общественно-политическое явление в латиноамериканском регионе популизм впервые проявился в 1930–1950 гг. Большинство исследователей (Т. Ди Телья, Дж. Джермани, К. Вейланд и др.) связывают его зарождение с началом ускоренной трансформации традиционного латиноамериканского общества в индустриальное. В частности, с появлением и подъемом в процессе модернизации новых социальных групп (рабочих, полупролетариев и т. д.), требующих реализации своих гражданских прав по мере перехода от государства олигархического типа к представительной демократии.

Таким образом, популистские движения являют собой некий неизбежный продукт этого длительного перехода, который не может осуществиться быстро и безболезненно. Популизм заполняет собой

<sup>3</sup> 3. Di Tella T. Clases sociales y estructuras políticas. B. A., 1974, P. 76.

«вакуум», который возникает между старым и новым в процессе становления современной развитой экономики и демократического государства, обеспечивающего широкое участие граждан.

Дж. Джермани отмечает, что возникновение массовых популистских движений гораздо менее вероятно в странах, успешно прошедших фазу всестороннего закрепления частной собственности, обеспечивающей индивиду самостоятельный и рациональный политический выбор, в странах с развитой демократией, гарантирующей защиту государством интересов широких слоев населения. С большей вероятностью, полагает ученый, такие движения и партии, а также созданные на их основе режимы могут возникать в отсталых странах, где народ только начинает приобретать политическую значимость, где процесс формирования национального самосознания делает свои первые шаги и где представительная демократия еще не развита и не может обеспечить социально-политическую стабильность. «Народ в целом, – пишет исследователь, – или его отдельные группы тем более способны поддержать авторитарные движения, чем позднее осуществилась политическая интеграция страны и чем труднее был ее переход к индустриальному обществу и формированию основополагающих демократических институтов»<sup>4</sup>.

По мнению Т. Ди Теллы, важной предпосылкой для появления и развития популистских движений в латиноамериканском регионе являлось сохранение пережитков традиционалистского сознания среди значительной части населения (в частности, индейцев). Т. Ди Телла обращает внимание на то, что отсталые аграрные отношения существенно влияют на социальную психологию сельских жителей и мигрантов, перебирающихся из деревни в город. Их психологической особенностью часто является предрасположенность к авторитарному мышлению. Такое мышление складывается на основе привычки к подчинению, обычной для традиционалистского, «сельского типа жизни» (подчинение воле отца, хозяина-патрона, священника, контролю социальной группы, коллектива, общины и т. д.)<sup>5</sup>.

Т. Ди Телла считает, что в период индустриализации Латинской Америки (1940–1950) в среде «новых рабочих», вчерашних крестьян, как и в самой крестьянской среде, преобладало авторитарное сознание. Причем наибольшую предрасположенность к нему проявляли в силу особой неустойчивости их экономического положения наименее обеспеченные, маргинальные слои населения.

<sup>4</sup> Germani G. Política y la sociedad en una época de transición. B. A., 1974. P. 191.

<sup>5</sup> Di Tella T. El sistema político argentino y la clase obrera. B. A., 1964. P. 13–16.

Авторитарное сознание, отмечает социолог, проявляется по-разному. Одной из существенных его особенностей является страх и покорность перед непосредственным начальником, хозяином, патроном, т. е. лицом, от которого реально (а иногда и абсолютно) зависит заработок и благополучие работника. Наряду с этим подобный тип сознания с легкостью допускает крайние формы агрессивности и враждебности по отношению к официальным институтам власти, «далеко отстоящим» от носителей такого сознания, и с которыми они «не ощущают личной связи»<sup>6</sup>.

Особенностью авторитарного сознания является также готовность переносить представление об авторитете, власти, общественном благе и справедливости на конкретную личность, чаще всего на какого-нибудь популярного политика, связывая только с этой личностью все надежды на благополучие и процветание общества. Это объясняет, в частности, стремление оказавшихся в городах мигрантов из «глубинки», утративших контроль сельского коллектива, традиционные связи и ценности, найти себе защиту в лице нового «хозяина».

По мнению Т. Ди Теллы, большей части населения Латинской Америки в первой половине XX в. было присуще авторитарное сознание, что и определило тогда специфику и размах популистских движений, авторитарных по своей внутренней структуре и послуживших социальной опорой для популистского государства авторитарного типа.

Однако в Латинской Америке популизм демонстрирует чрезвычайную живучесть. Во второй половине XX в. не было десятилетия, когда в той или иной стране, а иногда и группе стран, не возрождались бы старые и не возникали новые движения популистского типа.

Исследователи латиноамериканского популизма (например, Э. Лаклау и др.) еще в 1960-е гг. писали о том, что эти движения будут постоянно возобновляться и активизироваться в ходе социально-политической модернизации всякий раз, когда она будет сталкиваться с трудностями и кризисами. Они полагали, что оживление популизма отражает потребности в решении тех или иных острых проблем (например, бедность, ущемление в социальных и политических правах), которые общество еще не в состоянии преодолеть.

Т. Ди Телла вообще видел в популизме социально-политическое явление, типичное для большинства развивающихся стран во второй половине XX в. По его мнению, фактором, играющим существенную роль в распространении феномена популизма, является интернационализация международных хозяйственных и информационных

<sup>6</sup> Di Tella T. El sistema político... P. 15.



связей. По убеждению исследователя, причины популизма коренятся не только в экономической отсталости, недостатке образования или ограниченном политическом опыте населения, но и в периферийном, маргинальном положении развивающихся стран в сравнении с более передовыми государствами. Следствием этого периферийного положения становится так называемый «эффект показательного примера» или «эффект демонстрации» (efecto de demostración).

Население бедных стран, полагает Т. Ди Телля, страдает не только от того, что уровень экономического и социального развития общества там низок, но и от того, что он несопоставим с уровнем потребления и качества жизни в странах с развитой экономикой. Это касается не только потребления, но и (в широком значении) всей социально-политической сферы и области культуры. Включение отсталых стран в мировой рынок и развитие средств массовой информации, отмечает Т. Ди Телля, усиливают «эффект показательного примера», способствуют росту запросов, надежд, ожиданий населения развивающихся стран. Такое явление получило в социологии название «революция ожиданий».

В развитии «революции ожиданий», указывает социолог, средства массовой информации играют исключительно важную роль. Они не только рекламируют стандарты жизни развитых стран, но и в определенном смысле пропагандируют социальные и политические права и свободы, гарантируемые цивилизованным обществом. Между тем запросы, сформированные средствами массовой информации, неосуществимы для слаборазвитых стран, во всяком случае, в обозримой перспективе. Возникает тупик, когда ожидания оказываются большими, нежели возможности их удовлетворения.

Такая социально-психологическая обстановка может способствовать возникновению различных утопических проектов изменения общества, в том числе и популистских. Социальные группы, пишет Т. Ди Телля, «еще не обладающие достаточной экономической мощью, тем не менее требуют участия в распределении благ и принятии политических решений. Они не умеют «знать свое место», как это было еще совсем недавно с европейскими рабочими. Они становятся массой адептов, находящейся в распоряжении лидера, массой более многочисленной и более требовательной, чем та, о какой мог лишь мечтать Луи Наполеон»<sup>7</sup>. Собственно, так и возникает специфический союз между популистскими вождями и их сторонниками.

<sup>7</sup> Di Tella T. Clases sociales... P. 69–70.

Постоянное возобновление популистских движений в Латинской Америке в XX в. свидетельствует о неспособности латиноамериканских стран по тем или иным причинам адаптироваться к задачам, диктуемым модернизацией (например, перестроить экономику в соответствии с потребностями научно-технического прогресса). Так, популизм Ф. Коллора, К. Менема и А. Фухимори был ответом на «потерянное десятилетие» 1980-х гг., а сегодняшний неопопулизм является реакцией на неудовлетворительные итоги неолиберальных экономических реформ и процессов политической демократизации 1990-х гг.

Нынешнее возрождение популизма только подтверждает стагнацию латиноамериканского общества, его бесплодное хождение по замкнутому кругу, несостоятельность в проведении назревших преобразований.

Для популистских движений в Латинской Америке на всех его этапах в XX в. были характерны определенные общие черты. Рассмотрим их подробнее.

Демократические по составу участников (рабочие, крестьяне, городские средние и маргинальные слои и т. д.) эти движения не являются демократическими по своей внутренней сущности, поскольку формируются вокруг лидера по вертикальному принципу патрон-клиентных связей, в основе которых лежат отношения господства и подчинения («хозяин – слуга»). Для их участников типичен авторитарный, традиционалистский тип сознания, проявляющийся в иррациональной вере в лидера, готовности подчиняться ему в обмен на его обещания исполнить требования своих сторонников, а также в авторитарном стиле руководства самих популистских лидеров, особенно в случае их прихода к власти.

Авторитарная сущность популистских движений проявляется и в их идеологии, которая разрабатывается именно лидерами и обычно персонифицируется ими (как, например, перонизм, варгасизм, гайтанизм или боливаризм, персонифицируемый Чавесом и т. д.).

Особенность популистской идеологии – эклектика, упрощенно-обывательский подход к общественным реалиям, поиск «простых» и «быстрых» решений сложных социальных проблем. «Традиционный набор» элементов, перемешанных в идеологии популистов, обычно состоит из национализма, антиимпериализма (сегодня еще и антиглобализма), реформизма, социализма, коммунизма и самых примитивных идей «справедливого распределения богатства». Соотношение этих элементов и удельный вес каждого из них в идеологии движения в первую очередь зависят от выбора, который делает лидер.

Идеология популистских движений, как таковая, абсолютно не оригинальна, но функциональна, так как служит руководителю лишь инструментом мобилизации сторонников и контроля над ними. В любом случае идеи здесь вторичны: чтобы быть убедительными для «потребителей», они, прежде всего, должны персонифицироваться. Источник власти в популистских движениях именно лидер, а не идеология, так что ее содержание может варьироваться им с известной свободой. Для рядовых участников важно только, чтобы идеология исходила от него, была «его творением», а не других идеологов. Именно поэтому возникают перонизм, варгасизм, боливаризм (чавизм) и другие так называемые «оригинальные доктрины».

Антидемократическую сущность популистских движений вскрывает то обстоятельство, что в политической практике они исключительно враждебны по отношению к конкурентам. Если такое движение или партия приходят к власти и становятся правящими, то они пытаются искоренить политическую оппозицию. Им часто присуще несоблюдение основополагающих принципов представительной демократии. Они нередко игнорируют принцип разделения властей, стремятся ослабить политические институты, не желают признавать себя частью плюралистического целого, а также пренебрегают процедурой выборов, как средством получения и передачи власти.

С приходом к власти популистские лидеры и их правительства чаще всего реализуют этатистскую стратегию, нацеленную на обеспечение командной роли исполнительных структур государства в экономической, социальной и политической жизни общества. В экономической сфере эта стратегия обычно предполагает такие меры, как национализация ключевых отраслей хозяйства, введение государственной монополии внешней торговли, ограничение вывоза прибылей иностранных предприятий, вмешательство государства в ценообразование и т. д.

Очередной подъем популизма в Латинской Америке (теперь его чаще называют неопопулизмом) стал очевиден в последнее десятилетие. Как уже отмечалось, его питательной средой стало разочарование латиноамериканцев в неолиберальных реформах 1990-х гг. и ограниченных результатах процессов демократизации в тот же период. Новый взлет популизма выразился в приходе к руководству в ряде стран в качестве президентов политиков, широко использовавших в отношении электората популистские приемы мобилизации (У. Чавес в Венесуэле, Э. Моралес в Боливии).

Эти популистские приемы, в частности, выразились:

– в том, что названные политики опирались, прежде всего, на корпоративные и традиционалистские связи, а не на четкую идейную программу;

– апеллировали к самым бедным, наиболее обездоленным и неискушенным в политике слоям населения (особенно индейцам);

– строили предвыборные кампании на огульной критике всех предшествующих правительств, обвиняя их в коррупции, нежелании и неспособности понять «интересы народа»;

– обещали проводить «честную политику», «защищать интересы тех, кто трудится», «уважать права» индейских народностей и т. д.<sup>8</sup>

В идеологических постулатах, вопросах внутренней и внешней политики президенты Уго Чавес и Эво Моралес, а также некоторые другие персонажи, в последнее время участвовавшие в борьбе за президентское кресло (например, Ольянта Умала в Перу), очень близки к классическим образцам популизма.

Помимо харизматического типа связи с приверженцами, их деятельность характеризуют пренебрежительное отношение к оппозиции и представительной демократии в целом, склонность к авторитаризму, идейная эклектика, замешенная на антиимпериализме, национализме, крайней левизне и поклонении роли государства. Они приписывают себе право говорить от лица всех бедных в Латинской Америке, яростно критикуют рыночную свободу, считая ее неприемлемой для региона, предлагают альтернативу в виде регулируемой государством экономики в рамках общества коммунистического типа.

Сегодняшний популизм, безусловно, является отражением нерешенных проблем латиноамериканского континента. Но это вовсе не означает, что в нем следует видеть некое позитивное явление. Ибо популизм (или неопопулизм) не может предложить адекватных альтернатив развития, поскольку ищет «простых решений», а их нет. Более того, ориентация нынешних популистов на так называемую авторитарную модель развития – рынок под жестким государственным руководством в лице сильного лидера – очень опасна.

Во-первых, потому, что «новый авторитаризм» рискует уничтожить едва окрепшие на континенте ростки демократии, восстановленной после долгого периода диктатур 1960–1980-х гг. Во-вторых, в условиях Латинской Америки, концентрация власти в руках бюрократии всегда

<sup>8</sup> См.: Дабаган Э. С. Уго Чавес. Политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2005; Чумакова М. Л. Боливия: поворот к альтернативной модели? // Латинская Америка. 2006. № 3; Чумакова М. Л. Эквадор: анатомия нестабильности // Латинская Америка. 2003. № 6.

вела к безудержному росту госрасходов, коррупции и нежеланию чиновников реагировать на нужды и потребности населения. В конечном итоге это только тормозило развитие. Именно такими были итоги правления всех существовавших ранее в Латинской Америке популистских правительств.

Тому есть множество примеров. Достаточно вспомнить наиболее успешный (благодаря высоким ценам на зерно) период правления Перона (1946–1955 гг.). В те годы в Аргентине вместо 8 прежних министерств возникло 20. И рост государственных расходов (в том числе на содержание малоэффективного госсектора и разросшегося бюрократического аппарата) привел к тому, что внутренние цены увеличились в 7 раз, значительно опередив повышение зарплат. Не случайно и первое и второе правление перонистов в Аргентине, как и правление Варгаса и его последователей в Бразилии (экономическая политика которых была схожей), закончились социальными потрясениями и в конце концов военными переворотами. Именно против такой направляемой государством экономики и были нацелены неолиберальные реформы 1990-х гг.

Приход к власти в Венесуэле и Боливии президентов, реализующих проекты неопопулистского, неоавторитарного толка, осложнил обстановку в этих странах. Внутриполитическая ситуация в Венесуэле остается напряженной. Страна уже пережила попытку государственного переворота, готовившегося силами, оппозиционными президенту Уго Чавесу. Оппозиция обвиняет его в манипулировании общественным мнением, ограничении конституционных свобод, стремлении к диктаторству. Венесуэльское общество расколото. Это и не удивительно. Популистские лидеры, обычно провозглашающие, что они представляют интересы всей нации, на деле чаще всего приводят общество к расколу.

Противоречива обстановка и в Боливии, где новый президент Эво Моралес национализирует газовую отрасль, желая похоронить все контракты, заключенные с иностранными инвесторами. Это, в свою очередь, может повлечь за собой значительное сокращение иностранных капиталовложений в экономику этой страны и заметно ухудшить ее финансовое положение. Когда же цены на сырье упадут, неопопулисты будут вынуждены заплатить за это высокую цену, как Перон, Варгас и др. А Латинская Америка предпримет новую попытку модернизации. Возможно, это произойдет уже в начале нового десятилетия.

## Российско-венесуэльские отношения в исторической ретроспективе

**Э. С. Дабагян**

Связи между Россией и Венесуэлой имеют давнюю и насыщенную историю. Они богаты многими яркими и славными традициями, отмечены периодами подъемов и спадов. Их истоки восходят ко временам императрицы Екатерины II. В 1786–1787 гг. в нашей стране в поисках поддержки своим планам освобождения от колониального ига побывал великий Франсиско де Миранда. Таким образом, он Предтеча не только испаноамериканской независимости, но и российско-венесуэльских отношений, заложивший краеугольный камень в их фундамент.

Один из крупнейших деятелей борьбы за освобождение от колониального гнета искал в России сочувствие своим планам борьбы за свободу. Далее он проследовал по Европе с русским паспортом, с правом носить форму армии Ее Императорского Величества. Его даже включили в состав российского посольства в Лондоне, дабы избежать ловушек, расставленных испанскими властями.

В войсках другого выдающегося венесуэльца – Симона Боливар, по праву носящего гордый и почетный титул Освободителя, сражались и русские добровольцы. Многие российские периодические издания посвящали целые полосы личности Боливар. После известия о его смерти «Московский телеграф» публикует некролог, в котором отражена глубокая осведомленность о его последних днях. Журнал писал: «Умер один из величайших людей в мире. 17 декабря в Сан-Педро близ Санта-Марты скончался Симон Боливар... Южная Америка хранит в себе останки великого человека, сошедшего в могилу с именем Освободителя».

Венесуэла отвечала любовью на симпатию той России, которую Боливар называл «родиной титанов». Отражая чаяния народов двух стран к взаимному сближению, президент республики Хосе Т. Монагас 22 марта 1856 г. обратился к императору Александру II с предложени-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта № 06-03021 10а «Пути улучшения образа России в ведущих испаноязычных странах Латинской Америки (на примере Мексики, Венесуэлы, Чили и Аргентины)».

ем установить торговые и дружественные отношения между обоими государствами<sup>1</sup>. Венесуэла стремилась к укреплению своих международных позиций. Россия также в то время проводила активную линию на расширение внешних связей.

Неудивительно, что в этих условиях у Александра II и его министра иностранных дел, видного русского дипломата А. М. Горчакова, нашли положительный отклик аргументы Монагаса. В ответном послании говорилось о признании Россией Венесуэлы и подчеркивалось, что отныне ничего не препятствует развитию прямых торговых отношений. В 1879 г. власти этой страны наградили А. М. Горчакова высшей правительственной наградой – медалью Симона Боливара, а в 1880 г. назначили почетным консулом в Санкт-Петербурге потомственного часового мастера Павла Буре<sup>2</sup>.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Венесуэлой были установлены в марте 1945 г., когда венесуэльцы высоко оценили вклад СССР в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Затем наступила полоса отчуждения, начавшаяся с разрыва в 1952 г. дипотношений и длившаяся почти 18 лет, вплоть до апреля 1970 г. Тогда по инициативе незадолго до этого вступившего в должность президента Р. Кальдеры они были восстановлены. По истечении длительного срока после указанного шага, в 1980 г. Кальдера писал: «Тот факт, что с того времени прошло уже 10 лет, в течение которых власть в Венесуэле дважды переходила к различным партиям, показывает, что возобновление отношений соответствовало национальным критериям, а не интересам каких-то отдельных кругов»<sup>3</sup>.

В 90-е гг. российско-венесуэльские связи приобрели позитивную динамику. Они отмечены подписанием свыше десятка двусторонних документов. В их числе: Договор о дружбе и сотрудничестве (1996), Соглашение о научном и культурном сотрудничестве (1996), Протокол о совместной публикации архивных дипломатических документов (1995), Соглашение о партнерских связях между Владимирской областью и штатом Карабобо (1995), Меморандум о взаимопонимании в области научно-технического сотрудничества (1993), Программа культурных и научных обменов (1993), Меморандум о сотрудничестве в области топлива и энергетики (1993), Дополнительное соглашение о культурном обмене и сотрудничестве (1992) и ряд других<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Россия – Венесуэла. 1856–1996. Документы и материалы. М., 1997. С. 12.

<sup>2</sup> Там же. С. 16–17, 25, 28–29.

<sup>3</sup> Латинская Америка. 1980. № 12. С. 11.

<sup>4</sup> Россия – Венесуэла. 1856–1996. С. 129–189.

Связи и контакты между обеими странами значительно активизировались после прихода к власти в Венесуэле и в России сравнительно молодых энергичных, динамичных президентов Уго Чавеса и Владимира Путина. Оба они заядлые спортсмены, один увлекается бейсболом, другой – борьбой и горными лыжами, оба в прошлом носили погоны.

Внешнеполитический курс Венесуэлы базируется на необходимости построения многополярного мира на обломках постконфронтационной эпохи. Исходя из этой принципиальной посылки, У. Чавес обосновал особую значимость развития всесторонних связей с нашей страной, причисляя ее к столпам этого мира, призванным противостоять гегемонизму единственной сверхдержавы.

К несущим опорам этой конструкции также относятся: во-первых, ОПЕК, созданная по инициативе Венесуэлы и призванная укрепить позиции стран экспортеров на переговорах со странами – импортерами углеводородного сырья, используя его как фактор давления слабых на сильных; во-вторых, фактор латиноамериканского единства, превращение в реальность мечты Боливара о создании Конфедерации Латинской Америки.

Личное знакомство российского и венесуэльского президентов состоялось в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке, в дни работы «Саммита Тысячелетия». Тогда Чавес получил приглашение посетить нашу страну. Официальный визит состоялся 13–18 мая 2001 г. Он был окрашен в необычайно теплые тона.

Первые минуты встречи в Кремле двух президентов в мае 2001 г. отличались особой эмоциональностью. Сразу же после теплого и крепкого рукопожатия У. Чавес сказал, что он счастлив, горд, взволнован, и спросил В. Путина: «Как ваше дзю-до?», сделав соответствующий борцовский жест. Затем добавил: «А я увлекаюсь бейсболом». На это В. Путин с присущей ему загадочной улыбкой бросил фразу: «Бейсбол – игра, производная от русской лапты».

В. Путин преподнес венесуэльскому коллеге только что изданный в переводе на русский язык дневник Ф. де Миранды о его пребывании в России. Подарок был принят с огромной благодарностью потомком Предтечи, который в XXI столетии идет по пути своего великого предка.

Такое нетрадиционное начало, непринужденный блиц-обмен репликами казалось бы давнишних друзей, создало неформальную обстановку в преддверии переговоров в узком, а затем и в широком составе. На них обсуждался широкий круг международных вопросов, представляющих взаимный интерес, а также состояние и перспективы российско-венесуэльских отношений.

Приветствуя Чавеса, глава российского государства подчеркнул: «Сотрудничество с Венесуэлой является основополагающим элементом взаимоотношений России с Латинской Америкой»<sup>5</sup>. Затем Путин отметил: «Мы высоко ценим решение венесуэльского президента посетить Россию, и мы уверены, что это придаст большой импульс развитию отношений». Со своей стороны гость заявил: «Желаем успехов России, мы готовы предоставить любую нашу скромную помощь там, где это необходимо»<sup>6</sup>.

По итогам визита было подписано Совместное заявление, в котором очерчивались контуры и параметры двустороннего сотрудничества. Вновь подтвердилось совпадение либо близость позиций по ключевым вопросам мирового развития. Обе страны договорились предпринимать усилия для становления многополярного и ненасильственного миропорядка, базирующегося на принципах невмешательства во внутренние дела, равноправия и суверенного равенства государств, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы ее применения, территориальной целостности и политической независимости.

Президенты выразили готовность содействовать укреплению роли Организации Объединенных Наций, в качестве стержня системы современных международных отношений, универсального механизма по обеспечению мира, как высшей инстанции, призванной стоять на страже безопасности человечества, высказались за недопущение применения силы без санкций ООН<sup>7</sup>.

В ходе конструктивного обмена мнениями приоритетное внимание уделялось развитию сотрудничества в нефтяной, газовой, военно-технической и гуманитарной сферах. Выказалась заинтересованность в осуществлении программ культурного обмена, приостановленных по финансовым соображениям. Россия, в частности, заявила о намерении возобновить практику предоставления студенческих стипендий для получения венесуэльцами высшего образования в учебных заведениях нашей страны.

Приватная беседа двух первых лиц, состоявшаяся под занавес визита, продолжалась длительное время. Она затрагивала разнообразную палитру тем: от религиозных до экономических. В итоге, подчеркнул венесуэльский президент на заключительной пресс-конференции,

<sup>5</sup> El Nacional. Caracas. 15.05.2001.

<sup>6</sup> El Nacional. 14.05.2001.

<sup>7</sup> Совместное заявление президентов Российской Федерации В. В. Путина и Боливарианской Республики Венесуэла У. Чавеса // Дипломатический вестник. 2001. № 6. С. 19–21.

возник «стратегический союз, способный оказать влияние на геополитику». Эта встреча, по его мнению, относится к числу самых напряженных и плодотворных, а посещение России оказалось наиболее результативным из всех зарубежных поездок за период пребывания на вершине пирамиды власти.

После переговоров президенты совершили прогулку по Кремлю, где завязалась душевная беседа Чавеса со школьниками, находившимися на экскурсии. На каверзный вопрос, знают ли они, с кем общаются, изумленные подростки ответили молчанием, посмотрев на Путина.

На следующий день состоялась продолжительная беседа Чавеса с премьер-министром М. М. Касьяновым. Приветствуя высокого гостя, он сказал, что в России с большим интересом следит за преобразованиями, которые осуществляются в Венесуэле. При этом добавил: «Настало время обмениваться опытом осуществления реформ и координации позиций на международной арене»<sup>8</sup>.

Чавес во время приема у председателя Совета Федерации РФ Е. С. Строева вновь подчеркнул: «Россию и Венесуэлу объединяет новая международная концепция, базирующаяся на идее многополюсного мира, сбалансированного мира, в котором наличествуют суверенитет, независимость и невмешательство во внутренние дела других государств». Затем президент подарил спикеру верхней палаты экземпляр Конституции 1999 г., которую назвал «символом борьбы за справедливость». И добавил, что этот документ позволит его стране превратиться в «подлинно демократическую республику»<sup>9</sup>. Чавес также встречался с председателем Верховного суда.

В ходе визита Чавес посетил Дипломатическую академию МИД РФ, где состоялась торжественная церемония присуждения ему почетного титула доктора «Honoris Causa». Выступая с ответной речью, Чавес изложил свое видение особой роли нашей страны в современном мире. Он, в частности, сказал: «Я убежден, что новая Россия возвышается на пространстве Евразии во благо и равновесия в мире. Мы нуждаемся в сильной России, мы все заинтересованы в этом во имя достижения равенства»<sup>10</sup>. Там же было подписано соглашение о сотрудничестве между учебными заведениями дипломатических ведомств.

Позднее Чавес встречался с деловыми кругами, проявляющими заинтересованность в интенсификации торгово-экономических связей. На приеме в венесуэльском посольстве Чавес тепло побеседовал

<sup>8</sup> El Nacional. 15.05.2001.

<sup>9</sup> Ibid.

<sup>10</sup> Международная жизнь. 2001. № 6. С. 32.

с представителями научной и культурной общественности, задорно плясал под звуки русской народной музыки в исполнении ансамбля «Гренадита».

В состав делегации, прибывшей вместе с Чавесом, в числе других вошли: министры иностранных дел и планирования, президенты государственной нефтяной компании и Корпорации развития Гвианы, ряд других высокопоставленных чиновников и военных. Его сопровождала большая группа предпринимателей. Соответственно, у них была собственная программа пребывания.

Владимир Путин получил приглашение посетить Венесуэлу, которое он с благодарностью принял. «Я прощаюсь, брат мой... мы пойдем вместе и навсегда», – так, по словам У. Чавеса, он обратился к В. Путину напоследок<sup>11</sup>.

На пресс-конференции по итогам визита В. Путин, отвечая на вопросы журналистов, высоко оценил роль Венесуэлы в современном мире. Он, в частности, отметил значимость ее инициатив в области латиноамериканской интеграции. Наряду с этим Россия рассматривает Венесуэлу в качестве надежного партнера по борьбе с преступностью, распространением наркотиков, терроризмом и другими болезнями века. Исключительно важным, подчеркнул президент, представляется ее участие в выстраивании отношений государств континента с другими странами. Это путь к решению стратегической задачи – построению демократического мироустройства в экономической сфере<sup>12</sup>.

Путин акцентировал внимание на приоритетах взаимодействия Венесуэлы и России. В силу того, что обе они – страны, в объеме экономики которых нефтяной сектор определяющий, обозначились три направления. Во-первых, согласование политики в области ценообразования. Во-вторых, инвестиционная деятельность. В-третьих, широкий информационный обмен. При этом отметил В. Путин, мы исходим из того, что цены на энергоносители должны быть справедливыми для производителей и приемлемыми для потребителей<sup>13</sup>.

Резюмируя, В. Путин выразил уверенность, что визит У. Чавеса «будет успешным и даст хороший толчок к развитию двусторонних отношений»<sup>14</sup>.

Весьма примечательно, что Чавес приехал в Москву в такой же погожий майский день, в пору цветения сирени, как и его великий

<sup>11</sup> Независимая газета. 17.05.2001.

<sup>12</sup> Дипломатический вестник. 2001. №6. С. 22.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же.

предшественник Миранда 214 лет тому назад. В этом факте нетрудно уловить своеобразную мистику и символику.

После столицы глава венесуэльского государства, вопреки сложившейся протокольной традиции, поехал не в Санкт-Петербург, а в город-герой Волгоград. Это свидетельствовало о желании отдать дань подвигу советского народа в Великой отечественной войне, побывать на месте великой битвы, когда был сломлен хребет нацистской армии. Он побывал на Мамаевом кургане и возложил венок к могиле неизвестного солдата. Тем самым солидаризировался с нынешними российскими властями, уделяющими много внимания этому периоду истории.

Уго Чавес также посетил нефтеперерабатывающий завод, входящий в структуру «Лукойл», где обстоятельно побеседовал с рабочими и научно-техническим персоналом. Главу венесуэльского государства приветствовал руководитель компании В. Алекперов. В ходе переговоров с губернатором Н. К. Максютой, с которым Чавес познакомился в Кремле, был подписан проект соглашения о сотрудничестве между администрациями Волгоградской области и венесуэльского штата Боливар.

Под занавес визита в «Президент отеле» состоялась пресс-конференция, на которой глава государства подробно ответил на многочисленные вопросы журналистов. Венесуэльская и российская пресса подробно освещали ход и итоги поездки. Пространные комментарии появились в газетах «El Nacional», «El Universal», «Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета», «Независимая газета». Это последнее издание также опубликовало пространное интервью с чрезвычайным и полномочным послом Франсиско Хосе Лопесом Мьересом, который рассказал о главных целях намечавшегося визита<sup>15</sup>.

Газета «Время МН» предпослала поездке корреспонденцию из Каракаса, озаглавленную «Споет ли Чавес Путину?». В ней содержался намек на то, что при проходах китайского премьера в апреле 2001 г. венесуэльский лидер совместно с гостем в сопровождении известного испанского певца Х. Иглесиаса исполнили знаменитую латиноамериканскую мелодию. Весьма выразительным был и подзаголовок статьи, в нем подчеркивалось, что венесуэльский президент предпочел Санкт-Петербургу Волгоград. Газета также сообщала, что президент прибудет с двумя детьми от первого брака. Без супруги<sup>16</sup>.

В октябре того же года Чавес вновь посетил Россию. На сей раз с блиц-визитом. Это произошло на пересечении зарубежных поездок

<sup>15</sup> Независимая газета. 12.12.2001.

<sup>16</sup> Время МН. 12.05.2001.

двух первых лиц. Путем возвращался из Шанхая и предварительно провел переговоры в Душанбе с тогдашним высшим афганским руководством, а Чавес сделал остановку по дороге из Тегерана в Лондон. Президенты встретились в Кремле на рассвете. Они обсудили международную обстановку, сложившуюся после терактов 11 сентября в Нью-Йорке, ситуацию на мировых рынках нефти, а также состояние и перспективы двусторонних отношений. Столь незначительный интервал между встречами, всего лишь в пять месяцев, служит наглядным свидетельством крепнущего стратегического партнерства, интенсификации связей между Россией и Венесуэлой.

Чавес – единственный латиноамериканский президент, трижды побывавший в России. Третья поездка, намечавшаяся на май 2004 г., была перенесена на более поздний срок в связи с обострением внутривнутриполитической ситуации в Венесуэле и состоялась в ноябре того же года. Следует также подчеркнуть, что Чавес – первый латиноамериканский президент, посетивший Россию после избрания В. Путина на пост главы государства. Он проложил сюда дорогу своим коллегам из далекого континента.

Демонстрируя готовность продолжать и развивать связи, в декабре 2001 г. в Венесуэлу совершил поездку премьер-министр М. М. Касьянов. Его сопровождала группа парламентариев и капитанов бизнеса. В их числе: руководители крупнейших компаний: «ЛУКОЙЛ», «ЮКОСа», «Альфа-групп», «Стройтрансгаза» и ряда других<sup>17</sup>. По итогам визита и встреч на высшем уровне было подписано четыре документа, касающихся политической, экономической, энергетической и туристической сфер. Среди них выделялся Меморандум о создании двусторонней комиссии высокого уровня Венесуэла–Россия<sup>18</sup>. Плотнo общаясь с Касьяновым на протяжении нескольких дней, совместно посещая различные объекты, Чавес проникся к премьеру большой симпатией. Он даже изъявлял готовность позвонить Путину и попросить продлить командировку премьера<sup>19</sup>. Так деловые отношения тесно переплелись с чисто человеческими, органически вписываясь в контекст российско-венесуэльских связей.

Российская пресса подробно освещала поездку М. М. Касьянова в страны Западного полушария, включая и Венесуэлу. «Независимая газета», «Известия» публиковали репортажи журналистов, сопровождавших премьера<sup>20</sup>.

<sup>17</sup> Известия. 15.12.2001.

<sup>18</sup> ИТАР-ТАСС. 14.12.2001. Л. «АМ»-10.

<sup>19</sup> Известия. 18.12.2001.

<sup>20</sup> Независимая газета. 15.12.2001; Известия. 15.12.2001; 18.12.2001

В мае 2002 г. председатель правительства РФ подписал постановление по проекту межправительственного соглашения о сотрудничестве в отраслях топливно-энергетического комплекса. Оно предусматривает осуществление совместных проектов в области разведки, добычи, транспортировки, переработки, обогащения, очистки, хранения и использования нефти, природного газа, угля и других ресурсов<sup>21</sup>.

Особое место в крепнущих отношениях двух стран занимают вопросы военно-технического сотрудничества. Следует указать, что во время визита Чавеса в Кремле в присутствии президентов министр обороны РФ С. Иванов и тогдашний министр иностранных дел Венесуэлы Л. А. Давила подписали соглашение о сотрудничестве в указанной сфере, содержание которого не разглашалось. Иванов подчеркнул, что это рамочный договор, в котором предусматривается продаже Венесуэле «оборонительного оружия». Он будет конкретизирован в других документах<sup>22</sup>.

Впоследствии указанные вопросы неизменно оставались в поле зрения руководства обеих стран. В 2002 г. в России с рабочим визитом побывал тогдашний министр обороны Х. В. Ранхель. Он встречался со своими российскими коллегами. Эта поездка практически не нашла отражение в средствах массовой информации. Тем не менее стало известно о готовности Венесуэлы закупить в нашей стране современную военную технику взамен устаревшей<sup>23</sup>.

Вместе с тем, необходимо отметить, что имеющийся потенциал сотрудничества в сфере экономики используется явно недостаточно. Например, Россия крайне заинтересована в освоении венесуэльского «ноу-хау», технологии выработки оримульсиона – топлива, которое производится на основе тяжелой нефти, имеющейся в большом количестве в Сибири. В свою очередь Венесуэла готова рассмотреть предложений от российских компаний, в частности «Газпрома», по участию в освоении перспективных месторождений, строительству газопроводов. Существуют неплохие условия для инвестирования в туристический бизнес, в том числе в отели, морские пляжи. Имеются хорошие возможности для поставок в Венесуэлу металлорежущих и текстильных станков, энергетического оборудования, малой сельскохозяйственной техники, технологии в области охраны окружающей среды. Из номенклатуры венесуэльского экспорта неплохие шансы

<sup>21</sup> Известия. 7.05.2002.

<sup>22</sup> El Nacional. 14.05.2001.

<sup>23</sup> Независимая газета. 29.12.2001.

для выхода на российский рынок имеют свежие и переработанные фрукты, кофе, какао, другие пищевые продукты.

Весьма обнадеживающим представляется взаимодействие в таких отраслях, как алюминиевая промышленность, химия, нефтехимия, гражданская и военная авиация. В настоящее время компетентные организации Венесуэлы рассматривают предложенный московским Институтом государственного администрирования проект подготовки кадров высшей квалификации на базе дистанционного обучения.

Решение этих и ряда других насущных вопросов во многом тормозилось паузой, возникшей в функционировании межправительственной Комиссии высокого уровня. Она возникла в значительной степени по вине венесуэльской стороны в связи с тем, что ее сопредседатель, вице-президент Х. В. Ранхель погрузился в поиски демократического, ненасильственного выхода из острейшего внутривнутриполитического кризиса. Это объективное обстоятельство вынуждало неоднократно отодвигать на неопределенный срок возобновление работы комиссии. Одновременно чехарда во властных структурах не позволила до последнего времени окончательно определиться российской стороне с кандидатурой сопредседателя.

Приходится с сожалением констатировать, что по уровню торгово-экономических и научно-технических связей с Россией Венесуэла значительно отстает от остальных стран Андского сообщества наций. Имеющиеся благоприятные потенциальные возможности используются весьма слабо. Одна из причин заключается в том, что бюрократия на средних этажах государственной машины крайне неповоротлива, неинициативна, тормозит реализацию уже достигнутых договоренностей. Не на высоте и частный бизнес, пока еще робко присматривающийся к венесуэльским возможностям. Заслуживают упрека и научные работники, которые проявляют инертность, зачастую отгораживаются «китайской стеной» от животрепещущих вопросов практики.

В этой связи сохраняет особую актуальность идея создания под эгидой Торгово-промышленной палаты органа, координирующего контакты с аналогичной венесуэльской структурой. Значительные резервы таятся в возможностях лоббистской деятельности на экономическом фронте Группы по связям с парламентом Венесуэлы, руководимой депутатом М. В. Емельяновым, которая образована в Государственной Думе.

Состоявшаяся в мае 2003 г. рабочая поездка в Москву и Санкт-Петербург министра иностранных дел Р. Чадертона преследовала цель придать новый импульс этим отношениям. Весьма плодотворными

оказались его переговоры с российским коллегой И. Ивановым, в ходе которых обсуждались состояние и перспективы взаимного сотрудничества. Глава внешнеполитического ведомства заявил, что его страна приветствует усилия России по наращиванию присутствия в латиноамериканском регионе, высоко оценивает итоги визита в Москву делегации Группы Рио, удостоившейся приема на высшем уровне.

Чадертон встречался с министром энергетики И. Юсуфовым, заместителем министра экономического развития и торговли Р. Пископелем, который до этого побывал в ряде латиноамериканских государств, включая и Венесуэлу. В Государственной думе Чадертон провел встречу с депутатами, в ходе которой ознакомил собравшихся с положением в стране, и обменялся мнениями о состоянии и перспективах межпарламентского обмена. Кроме того, он побеседовал с венесуэльскими студентами, обучающимися в Москве. Накануне поездки в нашу страну Чадертон по поручению президента посетил российское посольство в Каракасе. Это весьма неординарный шаг со стороны высокого должностного лица, свидетельствующий о доверительности отношений между двумя странами.

В декабре 2003 г. в ходе поездки по ряду стран региона министр иностранных дел России И. С. Иванов посетил и Венесуэлу. Особенность визита туда характеризовалась специфическими обстоятельствами. Он состоялся в канун Рождества и по времени совпал с пребыванием в Каракасе Ф. Кастро. Несмотря на это, Чавес принял российского гостя тепло и радушно. По окончании беседы в президентском дворце Мирафлорес состоялась совместная пресс-конференция. Чавес позитивно оценил значимость пребывания министра, подчеркнув возрастающий динамизм двусторонних связей.

По итогам визита был подписан ряд документов. Среди них. Соглашение об избежании двойного налогообложения. Меморандум о намерениях между Министерством науки и технологии Венесуэлы и Научно-производственным объединением им. Хруничева об освоении и мирном использовании космического пространства. Венесуэльская сторона надеется, что успешные исследования в этой области послужат мотором технологического развития, обновления и повышения конкурентоспособности национального производства. Предусматривается, в частности, разработка совместной программы, имеющей целью оценить возможности создания и запуска телекоммуникационного космического аппарата с территории Венесуэлы. Достигнута договоренность о создании координационного комитета,



куда войдут представители обоих ведомств для разработки стратегии сотрудничества в указанной сфере<sup>24</sup>.

В феврале 2004 г. в Венесуэле находился заместитель председателя российского правительства В. Яковлев. Он удостоился приема высшим руководством, а также аудиенции Чавеса. По итогам поездки подписано соглашение о сотрудничестве, охватывающее различные сферы<sup>25</sup>.

16 августа 2004 г. В. В. Путин в ходе продолжительного телефонного разговора тепло поздравил своего коллегу с благоприятными итогами референдума и отметил, что продолжение его мандата до завершения отведенного конституцией срока позитивного скажется на развитии российско-венесуэльских связей.

Спустя некоторое время, в начале октября в Москве наконец состоялось заседание Комиссии высокого уровня. Оно стало возможным благодаря двум моментам. Во-первых, в Венесуэле пошла на убыль конфронтация, состоялся референдум с благоприятным исходом для власти. Это позволило Х. В. Ранхелю погрузиться в работу на внешнем фронте. Во-вторых, Россия определилась со своим представителем. Им стал первый заместитель председателя правительства А. Д. Жуков. Стороны обстоятельно обсудили широкий круг вопросов двустороннего сотрудничества. В том числе в сфере энергетики, торговли, науки и культуры.

Российская пресса сообщала, что после встречи с А. Д. Жуковым вице-президент заявил, что правительство закупит около 40 многоцелевых вертолетов российского производства. Часть их станет использоваться в вооруженных силах, остальные – для борьбы с лесными пожарами, ликвидации последствий стихийных бедствий, перевозки больных. По словам Ранхеля, первые десять машин будут поставлены в течение 2–3 месяцев<sup>26</sup>. Власти этой страны хорошо осведомлены о тактико-технических характеристиках машин, сочетающих десантно-грузовые возможности с боевыми. Они могут нести блоки управляемых ракет и пушечно-пулеметное вооружение, неприхотливы, экономичны и способны работать в условиях высокогорья. Венесуэла, закупающая технику в различных странах, намеревается диверсифицировать поставщиков вооружений. «То же самое право позволяет нам приобретать военное оборудование высокого качества и по соответствующей цене в России», – так прокомментировал Ранхель это решение<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> <http://mre.gov.ve/Noticias/A2003/cancillerRuso/boletines.htm//04>.

<sup>25</sup> El RusoLatino. Febrero-marzo de 2004. № 23.

<sup>26</sup> Независимая газета. 6.10.2004.

<sup>27</sup> Там же.

Исключительно важным представляется подписание соглашения с «Русалом» об инвестициях на общую сумму в 1 млрд долл. Компания намерена разрабатывать месторождения бокситов и создать алюминиевое производство. Это явится прорывом на фоне мизерного товарооборота, составляющего несколько миллионов долларов<sup>28</sup>. Вице-президента сопровождали чиновники высокого ранга. В том числе заместители министров, начальник генерального штаба.

Во второй половине ноября 2004 г. состоялся еще один официальный визит Чавеса в Россию. Президенты подписали «Соглашение о сотрудничестве», параметры которого были заданы во время пребывания в Москве Х. В. Ранхеля. Оно включает нефтяную, энергетическую, научно-техническую, аэрокосмическую и образовательную сферы<sup>29</sup>.

Вслед за этим состоялась третья поездка У. Чавеса в Россию, знаменовавшая новую веху в развитии двусторонних отношений. В мае 2005 г. было достигнуто соглашение о покупке 100 тыс. автоматов Калашникова. Буквально на следующий день после прибытия первой партии глава государства, облаченный в военную форму, не без удовольствия позировал перед телевизионными камерами с винтовкой в руках.

В конце февраля 2006 г. на авиационной базе «Либертадор» в штате Арагуа приземлился грузовой «Руслан», на борту которого находилось три многоцелевых вертолета, вскоре собранных и продемонстрировавших свои возможности в присутствии высших военных руководителей<sup>30</sup>.

5 июля 2006 г., в День провозглашения независимости, во время военного парада в Каракасе показали свои летные качества две боевые машины Су-30. Это важнейшее для страны событие ее президент прокомментировал следующим образом: «Весь народ был охвачен триумфом, когда самолеты Су появились в свободном небе Венесуэлы»<sup>31</sup>.

В связи с санкциями США в отношении Венесуэлы по причине «ее сотрудничества с террористами» У. Чавес, выступая в мае 2006 г. в Триполи, заметил, что Каракас «больше не нуждается в американском оружии и переходит на технику, поставляемую из России»<sup>32</sup>.

Важную веху в развитии двусторонних экономических и политических связях обозначил четвертый визит У. Чавеса в Россию, имевший место в конце июля 2006 г. Ни один латиноамериканский глава государства не посещал нашу страну с такой интенсивностью.

<sup>28</sup> Коммерсантъ. 8.10.2004.

<sup>29</sup> El Universal. Caracas. 6.10.2004.

<sup>30</sup> El Universal. 22.02.2006.

<sup>31</sup> Известия. 28.07.2006.

<sup>32</sup> Новые Известия. 23.05.2006.

Своеобразной прелюдией к последнему визиту стало подписание документов на покупку авиационной техники и соглашения о строительстве предприятия по изготовлению автоматов Калашникова. Всего Венесуэльская государственная корпорация заключила с Федеральной службой по ВТС контрактов на сумму, превышающую 3 млрд долларов. Помимо лицензии на производство АК-103 они включают покупку 24 самолетов Су-30МК и 53 многоцелевых вертолетов, преимущественно Ми-35М. Предусматривается также сервисное обслуживание поставляемой техники и подготовка специалистов<sup>33</sup>. В Москве речь шла и о заказах на строительство подводных лодок. По возвращении на родину президент заявил о намерениях создать национальную систему противовоздушной обороны, которая «прикроет все Карибы» и позволит отслеживать воздушные цели, в том числе ракеты противника, на расстоянии 200 км.

Сделки о приобретении военной техники имеют, помимо всего прочего, немалый демонстрационный эффект, способны открыть своеобразные ворота в Латинскую Америку. Могут побудить правительства ряда других стран, в частности, Аргентины, Бразилии, Уругвая, перенять этот опыт, разумеется, в иных масштабах. Отвечая на вопрос газеты «Время новостей», может ли российско-венесуэльский самолетный контракт изменить предпочтения ваших соседей в пользу России, посол Венесуэлы в Москве А. Наварро Рохас сказал: «Венесуэльские летчики считают, что самый лучший истребитель в мире – это Су-35, производство которого сейчас налаживается. Они влюблены в эту машину, равно как и в аппараты предыдущих поколений – Су-27 и Су-30. Венесуэла уже заявила, что готова приобрести эти самолеты. Лучшей пропаганды для российской продукции на континенте быть не может»<sup>34</sup>.

Определяя значимость заключенных договоренностей, У. Чавес резюмировал, что Россия помогла преодолеть блокаду, которую пытались установить Соединенными Штатами, введя санкции на поставку запасных частей на истребители Ф-16.

Венесуэльский президент побывал в Ижевске, куда ранее уже наведывались специалисты для ознакомления с технологией. Нелишне заметить, что впервые российское стрелковое оружие выпускается по лицензии за рубежом. Значимость этого соглашения определяется и тем, что проблема защиты интеллектуальной собственности для нашей страны является весьма актуальной.

<sup>33</sup> Коммерсантъ. 28.07.2006.

<sup>34</sup> Время новостей. 11.08.2006.

В ходе поездок в Россию У. Чавес не ограничивался лишь контактами с официальными лицами. Он много общался и с рядовыми гражданами, проявляющими недюжинный интерес к Венесуэле и ее руководителю. Нелишне сказать, что по уровню узнаваемости у нас эта латиноамериканская страна является безусловным лидером.

В 2001 г. У. Чавес удостоился звания почетного доктора Дипломатической академии МИД РФ. Облаченный в профессорскую мантию, он обратился к собравшимся в зале представителям общественности с эмоциональной речью, подробно изложил свое видение современных международных отношений и места в них новой России. Именно тогда он произнес ключевую фразу, которую следует расценивать как концентрированное понимание роли нашей страны в мировом сообществе.

Весьма впечатляющим было и другое выступление венесуэльского президента, ноябрьским вечером 2004 г. на встрече в актовом зале Института философии РАН. Юные исследователи и убеленные сединами академические мужи, затаив дыхание, внимали каждому слову друга нашей страны, обращавшегося к присутствовавшим, будто это граждане социалистической державы.

Уго Чавес еще в 2001 г. совершил обряд посвящения в казаки. Тем не менее в 2006 г. в Волгограде у трапа самолета его встречал «чубатый парень» с рюмкой водки на шашке. Президент, не морщась, выпил и под песню и пляски стал таким образом «дважды» донским казаком<sup>35</sup>. Позднее, встречаясь с В. Путиным, У. Чавес заметил, что с каждым разом все лучше понимает Россию. В ноябре 2004 г., находясь в Кремле, он подчеркивал, что, несмотря на снег, чувствует себя как дома. Обращаясь к российскому коллеге, президент заметил: «Это мой третий визит в Москву. Вы и Ваши последователи всегда демонстрировали огромную солидарность с нами». В свою очередь Путин поздравил Чавеса с успехом на референдуме в августе 2004 г. и заметил: «Нас весьма радует эта убедительная победа, способствовавшая смягчению внутренней напряженности»<sup>36</sup>. Тогдашний официальный представитель МИД РФ А. Яковенко заявил: «Россия аплодирует курсу венесуэльского руководства на проведение независимой внешней политики и усиление своей роли в международных делах, в частности, на латиноамериканском континенте»<sup>37</sup>.

<sup>35</sup> Новые Известия. 27.07.2006.

<sup>36</sup> <http://news.vote.bbc.co.uk/mpapps/pagetools/print/news.bbc.co.uk/hi/spanish.../4043343.st> 29.11.04

<sup>37</sup> El Universal. 25.11.2004.

В числе важнейших политических итогов той встречи стало «признание Венесуэлой рыночного статуса российской экономики»<sup>38</sup>.

Уго Чавес воодушевляется подвигом советского народа в Великой отечественной войне, сокрушившего иноземных захватчиков. Этим объясняется его посещение в 2001 и 2006 гг. города-героя Волгограда, легендарного Мамаева кургана, где покоятся останки воинов, отдавших жизни во имя освобождения отечества. Возлагая венок к величественному монументу, венесуэльский президент как бы примерялся к возможному отражению вражеских атак, мысленно экстраполировал ситуацию 60-летней давности на нынешнюю обстановку в своей стране.

Уго Чавесу импонирует курс В. Путина, ориентированный на повышение авторитета и значимости России на международной арене, всемерное укрепление национального суверенитета и государственности, решительное противодействие попыткам вмешиваться извне во внутренние дела, навязать англосаксонскую модель демократии. Венесуэльского президента восхищает способность руководства РФ проводить самостоятельную линию без оглядки на единственную сверхдержаву, тем более что это созвучно его собственным взглядам.

Особо следует сказать о расположении нынешнего венесуэльского руководства к российским промышленным и добывающим кампаниям, готовности создать им режим максимального благоприятствования. В первую очередь это касается «Лукойла» и «Газпрома». Достаточно упомянуть, что во время визитов в нашу страну У. Чавес дважды посетил Волгоградский нефтеперерабатывающий завод, принадлежащий «Лукойлу», встречался с главой концерна В. Алекперов в свою очередь побывал в Венесуэле, где его корпорация получила лицензию на освоение месторождения в бассейне реки Ориноко. Руководитель «Газпрома» А. Миллер также наведывался в эту страну. В январе 2004 г. в дни работы сессии Национальной ассамблеи У. Чавес принял его и имел продолжительную беседу о перспективах сотрудничества в газовой сфере.

Важно подчеркнуть, что в переговорах в расширенном составе, которые проходили в Кремле 28 июля 2006 г., наряду с членами правительства принимали участие и капитаны российского бизнеса, а именно В. Алекперов, О. Дерипаска и В. Потанин<sup>39</sup>.

Находясь в Москве в 2006 г., глава венесуэльского государства пригласил российские компании к участию в строительстве трансконтинентального газопровода из Венесуэлы через Бразилию в Аргентину протяженностью в 8 тыс. км.

<sup>38</sup> Дипломатический вестник. 2004. № 12. С. 54.

<sup>39</sup> Независимая газета. 28.07.2006.

К сказанному следует добавить, что в результате переговоров в Москве в 2004 г. главы государств наряду с «Совместной декларацией» подписали «Соглашение о сотрудничестве в энергетическом секторе»: предусматривалось участие российских компаний в реализации крупномасштабных инвестиционных проектах по разведке, добыче, транспорту нефти и газа, строительстве нефтехимических комплексов. Намечалось сооружение гидро- и термоэлектростанций с использованием машин и оборудования, изготовленных по российской и венесуэльской технологиями, а также модернизация угольных шахт<sup>40</sup>. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подобного рода документ был согласован почти за 2 года до того, как проходивший в Санкт-Петербурге саммит «большой восьмерки» по инициативе России включил в заключительную декларацию раздел об энергетической безопасности.

Как специфическую форму дружеских связей следует рассматривать установление побратимских отношений между российскими и венесуэльскими регионами. Так, в 2001 г. они были установлены между Волгоградской областью и штатом Боливар, а в 2006 г. между городами Ижевском и Маракай, где разместится предприятие по сборке автомобилей Калашникова.

Уго Чавес, обмениваясь мнениями в Кремле со своим коллегой в июле 2006 г., заметил, что в Венесуэле с особым вниманием и интересом следят за осуществлением национальных проектов<sup>41</sup>. По возвращении на родину, он объявил о намерении запустить в 2007 г. собственный крупномасштабный национальный проект, рассчитанный на 14 лет и названный в честь Симона Боливара.

\* \* \*

Похоже, Россия в лице Венесуэлы обрела в Латинской Америке надежного стратегического партнера, с которым обнаруживается единство подходов к решению ключевых вопросов мировой политики и международных отношений. Некогда стратегическим союзником Советского Союза на латиноамериканском континенте являлась Куба. Но в отличие от тех времен, когда альянс базировался на общности идеологии, а в экономическом плане носил исключительно затратный характер, ныне он основан на взаимной выгоде.

<sup>40</sup> Acuerdo entre el gobierno de la República Bolivariana de Venezuela y el gobierno de la Federación de Rusia sobre la cooperación en el sector energético. Suscrito en ciudad de Moscú. El 28 de noviembre de 2004.

<sup>41</sup> Коммерсантъ. 28.07.2006.

# Русские соотечественники в Латинской Америке: судьбы, проблемы, будущее

## А. И. Сизоненко

Проблемы и судьбы соотечественников, как из ближнего, так и дальнего зарубежья, в последние годы привлекают все большее внимание не только широкой общественности, но и непосредственно российского руководства. Это особенно подтвердилось в проведении в 2001 г. и 2006 г. Конгрессов соотечественников в Москве и Петербурге и программных выступлениях на них президента РФ В. В. Путина.

Усиление внимания к этой проблематике не случайно: оно связано со становлением новой России, укреплением ее внутреннего и международного положения, и с необходимостью объединения вокруг нее всех сил, которые заинтересованы в усилении нашей родины. Немаловажную роль в этом процессе может сыграть и русскоязычное сообщество, которое вместе с гражданами России, занимает сейчас по численности пятое место в мире.

Составной его частью является и русская диаспора в странах Латинской Америки главным образом в Аргентине и Бразилии. (В данном случае под этой диаспорой понимаются чисто этнические русские или та часть иммиграции, которая считает себя русскими или тянется к России.) В настоящее время эта диаспора сталкивается с целым рядом серьезных проблем, к которым относятся:

- ее разобщенность;
- слабость контактов с Россией;
- трудности в материальном положении;
- зачастую невозможность изучать и сохранять русский язык и русскую культуру;
- трудности с обратным возвращением на Родину и ее посещением;
- необходимость получения правовой защиты от России, особенно для эмигрантов старшего поколения;
- непризнание в ряде стран Латинской Америки дипломов о высшем образовании, полученных в России.

История русской диаспоры в Латинской Америке берет свое начало с конца XIX в. и продолжается до наших дней. Понимание сложного пути ее становления и нынешнего состояния позволяет лучше понять ее сегодняшние проблемы и выявить возможности сотрудничества с нею уже в наши дни.

История русской эмиграции в Латинскую Америку включает в себя несколько этапов. Первый из них охватывает период с конца XIX в. до начала Первой мировой войны. В состав переселенцев входили в основном крестьяне, в большинстве своем из Украины. Это была так называемая «трудовая» эмиграция, направлявшаяся главным образом в Южную Америку – Аргентину, Бразилию, Уругвай. По разным оценкам к 1914 г. в Южную Америку переселилось из России более 100 тыс. чел. Потомки этой эмиграции давно уже интегрировались в местную действительность, они обычно имеют гражданство тех стран, где они живут. К сожалению, многие уже утратили родной, русский язык, на котором говорили их предки. В то же время их интерес к России, как правило, не утрачен. Об этом говорит хотя бы тот массовый интерес, который проявлялся этой частью соотечественников к национальным выставкам СССР, которые проходили в советское время в Аргентине и Бразилии.

В 1918 – начале 20-х гг. в страны Латинской Америки прошла вторая волна переселенцев из России – белоэмигрантская. Главными местами их расселения стали Аргентина, Бразилия, Парагвай, Чили, Мексика. Следует, однако, отметить, что впоследствии часть белоэмигрантов переехала в США или вернулась в Европу.

На сегодняшний день потомки белоэмигрантов живут главным образом в Аргентине и Бразилии, а также в Мексике, Колумбии, Венесуэле и Чили. Точную их численность определить трудно, однако по сведениям, например, газеты «Наша страна» (выходящая в Буэнос-Айресе газета на русском языке) в Аргентине проживает около 2 тыс. чел. – прямых потомков белой (монархистской) эмиграции.

Третью крупную волну переселенцев составили эмигранты из числа так называемых «перемещенных лиц» – граждан, угнанных немцами с оккупированных территорий СССР и бывших военнопленных Советской армии и т. п. Общее их число колебалось в пределах 10–15 тыс. чел. Многие из них и сейчас проживают в странах Латинской Америки, особенно в Аргентине и Бразилии.

На этом переселенческий процесс в Латинскую Америку не прекратился. В 60–80-х гг. ряды наших соотечественников пополнялись главным образом за счет русских жен латиноамериканских студентов и специалистов. Это особенно коснулось Кубы, Мексики, Перу (в по-

следней была даже создана ассоциация русских жен). После распада СССР выезд из России на ПМЖ в страны Латинской Америки не прекратился. Среди них как родственники уже тех, кто до этого поселился в Латинской Америке, так и такие новые категории как преподаватели, ученые, предприниматели, врачи.

\* \* \*

В настоящее время русская диаспора сосредоточилась главным образом в Бразилии и Аргентине (соответственно по официальным данным на начало 90-х гг. – 60 и 50 тыс. чел.), остальные проживают в Парагвае (около 5 тыс. чел), Уругвае, Чили, Мексике, Венесуэле, Колумбии.

В Латинской Америке действуют две православных церкви – московская и зарубежная, а также старообрядческая.

Русскую диаспору в сельских районах стран Латинской Америки представляют крестьяне, в городах же это, как правило, люди среднего класса – инженеры, преподаватели, служащие, квалифицированные рабочие, большую прослойку составляют пенсионеры. Техническая интеллигенция из среды русской иммиграции всегда пользовалась и пользуется сейчас достаточно высоким деловым авторитетом. Многие ее представители выступают в качестве экспертов и консультантов в крупных фирмах и компаниях. Так, в Чили до прихода к власти С. Альенде русские занимали немало важных постов в ведущей отрасли экономики этой страны – горнорудной промышленности. Ученые и преподаватели из России, приехавшие в период после 1990 г. работают в научных центрах и университетах Мексики, стран Южной Америки.

Как показывает история русской диаспоры в Латинской Америке, ее характерными особенностями, остающимися и на сегодня, являются: крайняя разнородность ее социального состава, многообразие причин, заставивших ее представителей покинуть свою родину, средний уровень материального положения, пестрота политических убеждений, сложные проблемы как ее адаптации к местной обстановке, так и сохранения своей культурной самобытности, в том числе родного русского языка. Все это, в свою очередь, ведет к разобщенности русской диаспоры, отсутствию в ней единства и ее какого-то общего организационного центра. Значительные трудности для русскоязычной общины в странах Латинской Америки до последнего времени представляли отсутствие должного внимания и государственной поддержки со стороны СССР и России, необходимой помощи от них в культурно-образовательном и правовом плане, литературой в облег-

чении контактов с исторической родиной и др. Хотя на этом пути после выхода на авансцену новой России уже есть положительные подвижки, однако они пока еще не задействованы в полную силу. Отметим, что до этого всплеск внимания со стороны государства в лице СССР, к русской общине в регионе наблюдался лишь в первые послевоенные годы (что привело даже к небольшой реэмиграции русских в СССР), однако затем в период холодной войны и в последующем на долгое время этот интерес угас.

\* \* \*

Сегодня русские соотечественники в Латинской Америке как никогда нуждаются в разносторонней поддержке со стороны своей альма-матер – России, которая в свою очередь, идет к ней навстречу. Как уже отмечалось, до недавних пор с российской стороны не уделялось должного внимания проблеме сотрудничества с русской диаспорой, и только с выходом России на самостоятельную внешнеполитическую арену (в начале 90-х гг. XX в.) российское руководство обратило серьезное внимание на контакты с нашими соотечественниками, как в ближнем, так и дальнем зарубежье. И сейчас курс правительства Российской Федерации на усиление взаимодействия с русской диаспорой за рубежом, и в частности в Латинской Америке, приобретает четкие очертания специальной государственной политики. Точкой отсчета более активного претворения в жизнь этой политики явились выступления Президента РФ В. В. Путина на Конгрессе соотечественников 11 октября 2001 г. и на расширенном совещании с участием послов РФ в МИД России 12 июля 2002 г. в поддержку и защиту наших соотечественников за рубежом и за развитие сотрудничества с ними. Выступая на Конгрессе соотечественников, Путин подчеркнул, что «сейчас, когда Россия вновь приобретает и динамику, и авторитет, когда ломается привычная послевоенная структура мира, мы тем более должны быть вместе». Это заявление было поддержано всеми участниками форума. А еще раньше, в своем Послании Федеральному собранию (3.04.2001), Путин отметил, что одной из задач российской внешней политики является «защита прав и интересов российских граждан, наших соотечественников за рубежом... а сотни тысяч людей, проживающих и работающих за пределами своей страны, должны быть уверены, что Россия не бросит их... защитит их личные права, их семьи от возможного произвола и незаконного давления, поможет отстоять человеческое и гражданское достоинство». Таким образом, проблемы единства, укрепления связей и сотрудничества с русской зарубежной

диаспорой ставятся в главную задачу дня. Ее реализация требует целой серии конкретных шагов, которые должны быть предприняты как в самой России, так и там, где проживают наши соотечественники.

В октябре 2006 г. в Петербурге состоялся уже второй Всемирный конгресс соотечественников, собравший гостей из 78 стран мира. Перед его участниками выступил президент РФ В. В. Путин. Он, прежде всего, отметил, что российское правительство приняло целый ряд постановлений, направленных на работу с соотечественниками. Утверждена Программа работы с ними, рассчитанная на 3-летний период. Принята государственная программа, призванная помочь добровольному переселению соотечественников в Россию. На поддержку русской диаспоре в юридической области, поставку литературы, подготовку педагогов, лечение ветеранов и т. п. правительством России выделено в 2006 г. 323 млн руб., а на 2007 г. – 342 млн руб.

Все эти важные решения в полной мере касаются и наших соотечественников, проживающих и в странах Латинской Америки (около 200 тыс. чел.) и не забывающих Россию. В этом, в частности, наглядно убедился и автор этих строк, побывавший в 2003 г. на праздновании 90-летия основания первого русского поселения в Уругвае – городке Сан-Хавьер.

Совершенно очевидно, что к реализации программы, провозглашенной В. В. Путиным в Санкт-Петербурге, должен самым активным образом подключиться самый широкий круг соответствующих российских организаций, начиная от Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, Госдумы и МИД РФ, прежде всего в лице ассоциации «Родина» (по связям с соотечественниками за рубежом), которые и предназначены, как вытекает из выступления Президента, возглавить эту работу. В ней самую активную работу призваны играть также научные учреждения, в лице академических институтов, российские общества и ассоциации. Позволим высказать в связи с этим ряд предложений в том, что касается работы на латиноамериканском направлении.

1. Представляется целесообразным проведение круглого стола с участием представителей всех вышеназванных и заинтересованных учреждений для обсуждения на нем конкретных действий по осуществлению правительственной программы.

2. Учитывая разобщенность русской диаспоры в странах Латинской Америки, представляется особо важным действовать в реализации такой Программы не «в общем» и «в целом», а на конкретных направлениях, с ориентацией на существующие в сфере русской диаспоры

те или иные ее организации, клубы, объединения, общины с учетом особенностей каждой из эмигрантских прослоек. Представляется также целесообразным сотрудничать и с отдельными представителями русской диаспоры, пользующимися влиянием и авторитетом в странах своего пребывания.

3. В связи с тем, что еще на Конгрессе соотечественников 2001 г. указывалось на множественность и дублирование структур, курирующих в РФ работу с соотечественниками, весьма назревшим является четкое выявление той организации в России, которая будет играть главную практическую роль в этой работе. На наш взгляд, таковой структурой может стать Росзарубежцентр с его большим опытом работы по укреплению дружбы с народами зарубежных стран и наличием в ряде стран Латинской Америки его культурных центров, а также ассоциация «Родина».

4. Назрел вопрос о выпуске для наших зарубежных соотечественников специальной газеты. Издание такой газеты планируется с мая 2007 г. («Голос Родины»).

Учитывая роль СМИ в наши дни было бы уместным продумать вопрос и о начале сотрудничества с единственной газетой на русском языке «Наша страна», выходящей в Буэнос-Айресе. Считающаяся органом беломонархистских кругов, она в настоящее время придерживается умеренных позиций в отношении России. Другим направлением нашей работы на соотечественников могло бы стать издание пресс-бюллетеня посольством России в какой-либо крупной стране Латинской Америки. Впрочем, его содержание могло бы выходить за рамки его нацеленности только на соотечественников.

5. Ввиду недостаточной информированности наших соотечественников в Латинской Америке об истории, культуре и современном положении России, необходимо направлять в места проживания русских в этом регионе художественную, педагогическую и общественно-политическую литературу, кинофильмы, кассеты с музыкальными записями, телевизионными программами и т. д. как на русском, так и на испанском и португальском языках, а также по возможности лекторов из России. Такую помощь желательно оказывать и за счет привлечения финансовых средств самой русской общины.

6. Весьма остро стоит вопрос об изучении русского языка, его овладении молодым поколением соотечественников. Наиболее эффективной формой изучения могло бы стать его преподавание в российских культурных центрах. Частично решить проблему сохранения русского языка и русской культуры также могли бы и такие

шаги в этом направлении, как увеличение часов радиопередач из Москвы через радиостанцию «Голос России» на русском языке, ведущихся на Латинскую Америку с включением в них курсов русского языка. Крайне желательно преподавать русский язык в школах тех населенных пунктов, где проживает достаточное количество русскоязычных граждан (например, Сан-Хавьер в Уругвае). Следует постараться выходить на местное телевидение с соответствующими телепрограммами, посвященными России. Очевидно, для оплаты соответствующих преподавателей нужно по возможности привлекать средства на местах.

7. Привлекать к сотрудничеству с русской диаспорой в данном случае в Латинской Америке надо не только Москву и Санкт-Петербург, но и южные регионы России, представители которых достаточно плотно проживают в Аргентине, Бразилии и Уругвае. Участие российского бизнес-сообщества в таком деле, о котором говорил Президент РФ в Санкт-Петербурге, только расширит этот процесс. Надо иметь в виду, что хотя представители русской диаспоры не занимают командных постов в экономике латиноамериканских стран, однако в силу своих устоявшихся связей и контактов они могли бы повлиять на развитие деловых связей РФ с этим регионом, с местными предпринимателями и фирмами, в создании совместных предприятий и т. п. Так, например, в крупнейшем русском поселении в Уругвае – Сан-Хавьере – местные жители предлагают создать совместное российско-уругвайское предприятие по переработке сельскохозяйственного сырья, что могло бы по их мнению во многом снять здешнюю проблему безработицы и прекратить отток из Сан-Хавьера молодежи.

8. В целях дальнейшего укрепления связей РФ с русской диаспорой в странах Латинской Америки, следует шире применять практику назначения из ее рядов почетных консулов РФ, пользующихся авторитетом и уважением, как среди своих соотечественников, так в местных политических и экономических кругах.

9. Особое место в жизни русскоязычного населения Латинской Америки занимает действующая там православная церковь. Объединение усилий на российском направлении двух ее ветвей – московской и зарубежной, могло бы оказать заметное положительное влияние для сплочения русской диаспоры и ее взаимодействия с Россией. К этому же процессу, можно было бы подключить и русскую старообрядческую церковь, действующую в ряде стран Латинской Америки (Парагвай и Боливия). Следует иметь в виду, что православная церковь для русских прихожан в Латинской Америке служит своего рода клубом.

10. Целесообразно рассмотреть возможности групповых посещений соотечественниками России, в частности путем организации для них специальных льготных чартерных рейсов туда и обратно.

11. Многогранна и актуальна проблема образования. Хотя российская сторона и предоставляет русскоязычной молодежи стипендии для учебы в России, однако, дело нередко тормозит непредоставление в данном случае бесплатных авиабилетов. Следует при этом также иметь в виду и такую деталь: за рубежом далеко не всегда принято находиться в одном вузе весь срок обучения, нередко студенты проходят учебу, меняя учебные заведения.

12. Заслуживает внимания вопрос о возможности создания в Латинской Америке (или хотя бы в Аргентине, Уругвае, Бразилии и Парагвае) единой организации, объединяющей соотечественников. Естественно, инициатива в ее организации должна исходить от представителей русской диаспоры и представляющих ее организаций. Такое объединение могло бы способствовать улучшению и активизации работы с русскоязычной общиной в странах Латинской Америки.

13. Целесообразно изучение интересного опыта работы с соотечественниками, который был у Советского Союза с русской диаспорой в военные и первые послевоенные годы.

В целом потенциал в работе с русской диаспорой непосредственно и в самой Латинской Америке далеко не исчерпан. Он заключается в как можно более широком вовлечении в эту работу русскоязычных граждан, их объединений и организаций. Их вклад, в том числе и материально-финансовый, мог бы благоприятно сказаться на развитии и укреплении связей и сотрудничества России со своими соотечественниками. В частности, за счет такого вклада можно было бы частично оплачивать труд преподавателей русского языка, литературы и истории, присылаемых из России.

Таковы предложения по дальнейшему укреплению связей РФ с русской диаспорой в Латинской Америке. Сотрудничество с нею должно стать важным составляющим элементом российской политики в этом регионе.

# Политическая ситуация в Мексике в начале XXI в.

## Т. П. Петрова

Победа Висенте Фокса – представителя коалиции «Альянс за перемены» в составе правоцентристской Партии национального действия (ПНД), Зеленой экологической партии Мексики и Партии за новую республику в июле 2000 г. открыла новую страницу в истории современной Мексики. Был положен предел длительному периоду (длившемуся более 70 лет), в течение которого власть бесценно находилась у представителей Институционно-революционной партии. Наряду с КПСС (находившейся у власти около 80 лет) ИРП входила в число «долгожителей» на политической арене XX в. С течением времени революционная символика и лозунги ИРП все больше дистанцировались от той реальности, которая сформировалась в стране под условием внутренних и внешних факторов. Коррупция, проникшая во все сферы политической системы, стала неотъемлемой частью жизни мексиканского общества. Прикрываясь лозунгами революции 1910–1917 гг., партийные «бонзы» все дальше и дальше удалялись от народных масс, сосредоточив свои усилия на сохранении стабильности и личного благополучия.

Этим удачно воспользовался В. Фокс во время своей предвыборной кампании, призвав простых граждан «выгнать этих детей революции (как они сами себя называли. – Т. П.) из президентского дворца». Обладая несомненной харизмой политического лидера, В. Фокс успешно действовал и в столице, и в родном штате Гуанахуато, и в отдаленных провинциях. Вплоть до последних часов предвыборной кампании он не снижал политической активности, выступая на митингах, участвуя в телевизионных дебатах, привлекая сторонников среди представителей деловых кругов и молодежи. Его победа была с энтузиазмом воспринята как раз в среде более молодых и грамотных избирателей.

Казалось, что этот успех позволит В. Фоксу на практике реализовать те предвыборные обещания, которые и обеспечили его триумф. В первую очередь речь шла о решении острых социально-экономических проблем, демократизации общества, борьбе с коррупцией и преступностью. В этих целях была разработана целая серия реформ

в налоговой системе, трудового законодательства, образования, а также в сфере энергетики.

Однако осуществить их на практике оказалось весьма затруднительно прежде всего по причине действий оппозиции, которой принадлежало большинство мест в органах законодательной власти как в центре, так и на местах. Дополнительные трудности возникали и в результате серьезных противоречий, имевших место между президентом и руководством ПАН – той самой партии, которая привела его к победе.

В сфере экономики президент В. Фокс придерживался неолиберальной модели развития, опираясь не только на рекомендации международных финансовых институтов, но и на свой богатый практический опыт ведения бизнеса. Ему удалось не только привлечь крупные инвестиции, но и добиться положительных сдвигов в области внешней торговли, чему не в малой степени способствовали соглашения, подписанные его предшественником (в настоящее время Мексика имеет соглашения о свободной торговле с 43 странами мира).

Мексика наряду с Бразилией и Аргентиной входит в «большую тройку» латиноамериканских лидеров. С 1994 г. Мексика является членом ОЭСР. Рост ВВП Мексики в 2005 г. составил 3%, рост промышленного производства – 3%. Показатель инфляции достиг рекордно низкого уровня за последние десятилетия – 3,5%. Около 60% ВВП дает внешняя торговля (общий оборот составил в 2005 г. 400 млрд долл.).

Наличие собственных запасов нефти позволяет Мексике проводить самостоятельную политику на этом рынке наряду с Россией и Норвегией, поскольку эти три страны не входят в ОПЕК. Помимо нефтедобычи и переработки нефти Мексика активно выходит на внешний рынок с продукцией металлургических и машиностроительных предприятий, а также с таким традиционными товарами, как текстиль и сельскохозяйственные продукты.

В последние десятилетия все более важное значение в экономике принадлежит сборочным предприятиям (т. н. макиладорес), на которых ведется сборка бытовой техники, предназначенной на экспорт. Подключение Мексики с 1994 г. к Североамериканской зоне свободной торговли стало мощным стимулом для увеличения экспорта, а также числа занятых.

Однако ситуация внутри страны продолжает оставаться очень сложной: свыше 45% населения проживают за чертой бедности, колоссальных вложений требует система здравоохранения, образования, социального обеспечения. Отсутствие эффективной долгосрочной



программы экономического развития способствовало массовому оттоку работоспособного населения, в связи с чем обострились не только внутренние проблемы, но и отношения с Соединенными Штатами Америки, куда и направлялся основной поток легальных и нелегальных мигрантов.

Чрезвычайную остроту в последние годы сохраняла ситуация, сложившаяся в штате Чиapas в связи с антиправительственными выступлениями партизанской группировки САНО («Сапатистская армия национального освобождения»). Многие мексиканцы, проголосовавшие за В. Фокса, связывали с его победой надежду на урегулирование затяжного конфликта. В ходе предвыборной кампании В. Фокс громкогласно заявил, что сможет урегулировать проблему Чиapas в течение 15 мин. Однако спустя 6 лет его пребывания у власти конфликт так и не был разрешен, несмотря на все попытки властей найти приемлемое решение. В качестве жеста «доброй воли» со стороны властей сапатистам было позволено явиться в столицу для участия в работе конгресса с целью выработки приемлемого решения. Однако результат был неутешительным: марш вооруженных формирований по территории нескольких штатов стал своеобразной рекламой для противников законной власти. После возвращения сапатистов в Ланкадонскую сельву их популярность в обществе только возросла. В дальнейшем лидер сапатистов («субкоманданте» Маркос) объявил об отказе от вооруженной борьбы и о переходе к легальным формам борьбы за изменение конституции.

На этом фоне состоялись выборы в Палату депутатов (июнь 2003 г.), на которых правящая партия ПНД потерпела поражение, лишившись более 25% мест в парламенте. Их противники из оппозиции – ИРП и ПДР – еще больших успехов достигли в начале 2005 г. по итогам избрания губернаторов штатов. Таким образом, к концу пребывания на посту президента В. Фокс лишился даже того незначительного числа сторонников, которые еще сохраняли по отношению к нему лояльность.

В этих условиях активизировали свои усилия представители ИРП, стремившиеся вернуть власть на выборах 2006 г. Их кандидатом был объявлен Р. Мадрасо – бывший председатель Национального исполкома этой партии.

Со стороны Партии национального действия (ПНД) был выдвинут ее бывший председатель Ф. Кальдерон.

Партия демократической революции (ПДР) выдвинула кандидатуру А. Лопеса Обрадора, чей левоцентризм обеспечил ему поддержку беднейших слоев населения. Бывший мэр одного из крупнейших го-

родов мира, каким является Мехико, снискал поддержку миллионов избирателей не только своими популистскими высказываниями, но и реальными действиями.

Особый колорит предвыборной кампании придавало участие в ней П. Меркадо – женщины, представлявшей партию Социал-демократической и крестьянской альтернативы.

Но основная борьба развернулась между Ф. Кальдероном и А. Лопесом Обрадором, которые до последних часов предвыборной кампании демонстрировали практически равные результаты. Конечный итог (с разницей в 0,58% голосов) принес победу Ф. Кальдерону, что вызвало бурю протеста со стороны голосовавших за А. Лопеса.

Дальнейшие события уже напоминали фарс, поскольку и проигравший, и победитель провозгласили себя президентами и организовали церемонии по принятию властных полномочий. Реакция общества была незамедлительной: сторонники А. Лопеса вышли на улицы, акции протеста грозят перерасти в столкновения с представителями властных структур. Попытки А. Лопеса добиться пересчета голосов успехом не ограничились, Федеральный избирком признал победу за Ф. Кальдероном.

Поскольку эти процессы еще не получили своего завершения, весьма сложно подводить итоги и делать прогнозы. Принципиальная разница между двумя лидерами предвыборной кампании имеет не просто процентный, но принципиальный характер, т. к. победитель представляет структуры, ориентированные на внешние силы, а побежденный – олицетворяет собой те внутренние силы, которые во главу угла ставят решение социальных проблем.

## Об авторах

**Авилова Агнеса Викторовна** – ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН кандидат экономических наук.

**Аникеева Наталья Евгеньевна** – доцент Московского государственного института международных отношений (У) МИД России кандидат исторических наук

**Волкова Галина Ивановна** – Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, кандидат социологических наук

**Дабагян Эмиль Суренович** – ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, кандидат исторических наук

**Докучаева Ольга Николаевна** – доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

**Дубинин Юрий Владимирович** – заместитель министра иностранных дел РФ (1994–1999), посол СССР в Испании (1978–1986), профессор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России

**Ивановский Збигнев Владиславович** – проректор по научной работе Московского гуманитарного института им. Е. Р. Дашковой, доктор политических наук, профессор.

**Кожановский Александр Николаевич** – ведущий научный сотрудник Института этнологии РАН, кандидат исторических наук

**Окунева Людмила Семеновна** – профессор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, доктор исторических наук

**Петрова Татьяна Павловна** – доцент Дипломатической академии МИД России кандидат исторических наук

**Пожарская Светлана Петровна** – главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН доктор исторических наук, профессор

**Понеделко Галина Николаевна** – старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН кандидат экономических наук

**Прохоренко Ирина Львовна** – старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН кандидат политических наук

**Сизоненко Александр Иванович** – ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук, профессор

Фернандо Лопес Мора – профессор Университета Кордовы (Испания)

**Хавьер Моралес** – профессор Мадридского университета Комплутенсе

**Хенкин Сергей Маркович** – профессор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России доктор исторических наук

**Черкасова Екатерина Геннадьевна** – старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН кандидат исторических наук

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Пространство и время в мировой политике  
и международных отношениях**

Материалы 4-го Конвента РАМИ

**Том 7**

**Испания и Латинская Америка в мировой политике**

*Под редакцией А. В. Шестопада, Л. С. Окуневой, С. М. Хенкина  
Дизайн и верстка Н. В. Винника  
Корректор А. С. Баскакова*

Подписано в печать 18.06.2007.

Формат 60x84<sup>1/16</sup>. Гарнитура Мириад. Печать офсетная.

Бумага офсетная №1. Печ. л. 9,25. Уч.-изд. л. 7,25.

Тираж 500. Заказ №207.

МГИМО (У) МИД России.

119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии  
и множительной техники МГИМО (У) МИД России.

119218 Москва, ул. Новочеремушкинская, 26.